

***ВЕСТНИК
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ
ЮСТИЦИИ***

Концепция и практика восстановительной медиации

Выпуск 7

Москва, 2010

УДК 316.28:340.01(082)
ББК 67.4+60.5

ВЕСТНИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

№ 7, 2010

(Концепция и практика восстановительной
медиации)

Издание осуществлено при поддержке
Программы малых грантов Посольства США
в Российской Федерации.
Общественный центр «Судебно-правовая
реформа» несет полную ответственность
за содержание данной публикации, которая
не может расцениваться как мнение Посольства
США или американского правительства.

Общественный центр «Судебно-правовая реформа»
Издательская лицензия ЛР № 030828 от 3 июня 1998 г.

Редакторская группа: Карнозова Л. М.,
Коновалов А. Ю., Максудов Р. Р.

**Выпускающий и литературный
редактор:** Путинцева Н. В.

Компьютерная верстка: Фролова А. Ю.

Корректор: Корепанова К. М.

Сайт Общественного центра «Судебно-правовая реформа»:
www.sprc.ru

ISBN 5-901075-17-X

© МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 4
A word to the Reader 5

ИДЕИ, ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ

Рустем Максудов. Восстановительная медиация:
на пути к разработке концепции 7
Людмила Карнозова. Восстановительная медиация:
базовые идеи и направления развития
(заметки к обсуждению темы) 18
Антон Коновалов. Воспитание в школьной медиации 29

ИСТОРИЯ: ТРАДИЦИИ ПРИМИРЕНИЯ

Надежда Ефремова. Институт примирения в истории
российской юстиции (дореволюционный период) 35
Леонид Земцов. Примирение в крестьянской юстиции
России (60-е – 90-е гг. XIX века) 41

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ: РОЖДЕНИЕ СООБЩЕСТВ

Рустем Максудов. Поддержка региональных сообществ –
важнейший стратегический ориентир движения
за восстановительную юстицию 50
Елена Невельсон. Ассоциация медиаторов Пермского
края как фактор развития ювенальной юстиции
в Пермском крае 54
Анна Хавкина. Поддержка сообщества медиаторов
в Перми 56
Татьяна Стукачева. Восстановительный подход
в работе с несовершеннолетними правонарушителями
в Новосибирске и Новосибирской области 59

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Анна Балаева. Примирение в медиации и вне ее:
сравнительные аспекты 62
Анастасия Великоцкая. И кто же жертва?
(Восстановительная медиация в работе
с подростками-правонарушителями
как исцеление травмы) 67

<i>Елена Женодарова. Работа со случаем в одной из московских школ</i>	73
<i>Татьяна Вшивцева. Опыт проведения Кругов сообществ</i>	79
<i>Наталья Путинцева. Заметки о Кругах в пятом классе</i>	82

ОЦЕНКА И МОНИТОРИНГ

К разработке форм оценки и мониторинга деятельности медиаторов и служб примирения (фрагменты стенограммы семинара)	85
--	----

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ

<i>Светлана Солнечная. Развитие ювенальной юстиции в царской России</i>	104
Анализ методики «Оценка рисков и потребностей» (стенограмма семинара)	114

АНОНС

<i>Карнозова Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа (фрагменты книги)</i>	130
---	-----

СТАНДАРТЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ	139
---	-----

ОБ АВТОРАХ	146
-------------------------	-----

К читателям

В этом году исполняется 13 лет с того времени, как наш Центр начал работу по распространению идеи и практики восстановительного правосудия в России. Начавшись с небольшой группы, состоящей из 5 человек, восстановительный подход реализуется сейчас на 10 территориях России (Москва, Пермский край, Тюмень, Урай, Волгоград, Волжский, Новосибирск, Казань, Самара, Петрозаводск). Расширяется практика школьных служб примирения.

Сегодня формируются сообщества специалистов, практикующих восстановительный подход в работе с конфликтами и правонарушениями с участием несовершеннолетних, а также с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Начались проекты, связанные с использованием восстановительного подхода в разрешении трудовых споров и разводящимися супругами.

17 марта 2009 г. в Федеральном институте развития образования (Москва) общественный центр «Судебно-правовая реформа» инициировал совместное заседание с представителями команд из регионов, где проводятся программы восстановительного правосудия, на котором была создана Всероссийская ассоциация восстановительной медиации и принят устав ассоциации. В 2009–2010 гг. при поддержке центра «Судебно-правовая реформа» в Тюмени, Волгограде, Новосибирске и Перми созданы территориальные отделения Всероссийской ассоциации и собственные ассоциации.

Всероссийской ассоциацией приняты стандарты восстановительной медиации, рекомендованные для применения на территории России при создании служб примирения и проведения медиации в системе образования, спорта и молодежной политики, социальной защиты. Эти стандарты заложили основу для создания новой модели медиации – восстановительной медиации, основанной на принципах восстановительного правосудия, и предлагаются для распространения в мировом сообществе.

Данный выпуск «Вестника» отражает очередной этап в разработке модели восстановительной медиации. В него включена статья по разработке концепции восстановительной медиации, стандарты восстановительной медиации, использование модели восстановительной медиации в школьных службах примирения. Также интересным представляется описание проведенных Кругов сообществ как новой программы восстановительной медиации, распространяющейся в России.

В номере представлены материалы о становлении региональных сообществ и опыт проведения восстановительных программ в Пермском крае, Новосибирске, Москве.

Исключительно ярким событием в жизни нашего сообщества стало знакомство с дореволюционными практиками примирения, о которых рассказали Н. Н. Ефремова и Л. И. Земцов на семинаре «Российские традиции примирения» 2 апреля 2010 г. В номере опубликованы их доклады.

В этом же номере помещены обсуждения форм оценки и мониторинга деятельности медиаторов и служб примирения и мониторинг восстановительных программ в России за 2009 г.

В разделе «Ювенальная юстиция» мы публикуем материалы по развитию ювенальной юстиции в царской России и анализ методики «Оценка рисков и потребностей».

Знаменательным событием для нашего сообщества является выход новой книги Людмилы Карнозовой, фрагменты которой помещены на страницах этого номера.

Рустем Максудов,
президент центра «Судебно-правовая реформа»

TABLE OF CONTENTS

<i>A word to the Reader</i>	5
-----------------------------------	---

IDEAS, APPROACHES AND CONCEPTS

<i>Maksudov R.</i> Restorative mediation: on the way of developing a concept	7
<i>Karnozova L.</i> Restorative mediation: main ideas and directions (notes for discussing the theme)	18
<i>Konovalov A.</i> Education through school-based mediation	29

HISTORY: TRADITIONS OF RECONCILIATION

<i>Efremova N.</i> Reconciliation throughout the history of the Russian justice before the October Revolution	35
<i>Zemtsov L.</i> Reconciliation in peasant justice in Russia (in 1860s-1890s XIX centuries)	41

RESTORATIVE MEDIATION: CREATING COMMUNITIES.

<i>Maksudov R.</i> Support to regional communities is a main strategic goal in promoting restorative justice	50
<i>Nevelson E.</i> Association of Mediators of Perm Region as a factor for promoting juvenile justice in Perm Region	54
<i>Khavkina A.</i> Support to mediators' community in Perm	56
<i>Stukatcheva T.</i> Restorative approach in working with juvenile offenders in Novosibirsk and Novosibirsk Region	59

EXPERIENCE OF IMPLEMENTING RESTORATIVE PROGRAMS

<i>Balaeva A.</i> Comparisons of reconciliation within and outside mediation	62
<i>Velikotskaya A.</i> And who is the victim? (Restorative mediation in working with juvenile offenders as the way of healing a trauma)	67

<i>Zhenodarova E.</i> The work on a case in a Moscow school	73
<i>Vshivtseva T.</i> Experience of holding Community Circles	79
<i>Putintseva N.</i> Notes on Circles with the fifth grade schoolchildren	82

EVALUATION AND MONITORING

On the development of a form for evaluating and monitoring the activities of mediators and reconciliation services	85
--	----

JUVENILE JUSTICE

<i>Solnetchnaya S.</i> Development of juvenile justice in tsarist Russia	104
Analysis of Evaluation of Risks and Needs method (The stenogram of a seminar)	114

ANNOUNCEMENT

<i>Karnozova L.</i> Criminal justice and civil society. Experience of paradigm analysis (fragments from the book)	130
---	-----

STANDARDS OF RESTORATIVE MEDIATION	139
---	-----

ABOUT THE AUTHORS	146
--------------------------------	-----

A word to the Reader

Our Centre started promoting restorative justice ideas and practices in Russia thirteen years ago. The restorative approach, then pioneered by a small group of five people, is now carried out in 10 towns and regions of Russia (Moscow, Perm region, Tyumen, Ural, Volgograd, Volzhsky, Novosibirsk, Kazan, Samara, Petrozavodsk). The use of school reconciliation service practices is growing.

Today, we have the communities of experts who use the restorative approach in work with conflicts and offences by juveniles, as well as with the children and families in crisis. We started new projects, related to the use of restorative approach to solve labour disputes and conflicts of divorcing couples. 17 March 2009, the Centre for Judicial and Legal Reform organised a joined meeting with regional team members, involved in implementing restorative justice programs, at the Federal Institute for Education Development (Moscow), which resulted in the creation of the Russian Association for Restorative Mediation and approval of its Statutes. In 2009–2010 the Centre for Judicial and Legal Reform contributed to the creation of the Russian Association branches as well as of independent associations in Tyumen, Volgograd, Novosibirsk and Perm.

The Russian Association has adopted the standards of restorative mediation, recommended for use on the territory of Russia when creating reconciliation services and conducting mediations within education, sport, youth policy and social security systems. These standards formed the basis for creating a new model of mediation, the restorative mediation, grounded on the restorative justice principles, and they are offered for distribution in the world community.

This Herald reflects a new successive stage in the development of the restorative mediation model. It contains an article on the concepts of restorative mediation, the standards of restorative mediation, and the use of the restorative mediation model in school reconciliation services. The description of conducted community circles also appears very interesting because it is a new restorative mediation program, currently promoted in Russia.

The Herald contains materials on the history of regional communities and the experience of conducting restorative programs in Perm region, Novosibirsk, Moscow.

A real highlight for the community was the appearance of N.N. Efremova and L.I. Zemtsov at the workshop on Russian Reconciliation Traditions on 2 April 2010, where they told about the reconciliation traditions, which existed before the October Revolution. Their reports are published in this issue.

We also publish the discussions regarding the forms of evaluation and monitoring of mediators' and reconciliation services' activities and monitoring of restorative programs in Russia in 2009.

In Juvenile Justice Section, we publish materials on the development of juvenile justice in tsarist Russia and the analysis of the Evaluation of risks and needs methodology.

The new book of Liudmila Karnozova, the excerpts of which we publish here in the Herald, is also a very important event for our community.

Rustem Maksudov
President of the Centre for Judicial and Legal Reform

Рустем Максудов

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ: НА ПУТИ К РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ

Разработка концепции восстановительной медиации специалистами центра «Судебно-правовая реформа»¹ началась практически с начала нашей деятельности в 1997 г. Стандарты восстановительной медиации, которые были приняты Ассоциацией восстановительной медиации на семинаре с участием представителей регионов в марте 2009 г., фактически подвели итог этой многолетней работы. С целью формулирования восстановительной медиации как новой модели медиации последние полтора года я анализировал и старался выделить те идеи, которые отразились в стандартах. Я понимаю, что для того чтобы культурно закрепить наши идеи, требуется большая работа. Данная статья представляет промежуточный результат работы автора в данном направлении.

Разработки специалистов центра «Судебно-правовая реформа», послужившие основой для концепции восстановительной медиации

Концепция восстановительной медиации стала итогом тринадцатилетней работы специалистов центра «Судебно-правовая реформа»², поэтому важно выделить этапы этой работы, которые послужили основой для разработки концепции восстановительной медиации.

¹ Важная роль в разработке концепции восстановительной медиации принадлежит Людмиле Карнозовой.

² В разработке идей, которые послужили основой для концепции восстановительной медиации, принимали участие Михаил Флямер, Людмила Карнозова и Антон Коновалов.

1. Важнейшим этапом нашей работы, начиная с 1997 г., стало освоение концепции восстановительного правосудия, изложенной, прежде всего, в работах Ховарда Зера³. Здесь основными для нас стали понятие «потребности жертв преступлений», оппозиционное уголовному правосудию и юридическому мышлению понятие «ответственность правонарушителя», а также цели программ восстановительного правосудия. Важными элементами нашей практики являются идеи кризиса современного правосудия, изложенные в работах Ховарда Зера и Гарольда Бермана⁴. Глубокий криминологический анализ ситуации в современном уголовном правосудии и варианты выхода из него изложены также в работах Нильса Кристи⁵, которые во многом определили направления наших размышлений и разработок.

2. Для нас с самого начала нашей работы было важным не только выделить философию и принципы, но и инициировать определенную деятельность, связывающую теоретические конструкции с практикой. Такой деятельностью, на наш взгляд, является *проведение* программ восстановительного правосудия. В ходе нашей работы мы пытались определить цели ведущего программ восстановительного правосудия. Эти дискуссии в

³ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр «Судебно-правовая реформа». 1998.

⁴ Берман Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ, 1994.

⁵ Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.

дальнейшем породили, на мой взгляд, разработки способа ведущего восстановительных программ⁶ и представления о позиции ведущего программ восстановительного правосудия⁷. В представлениях о способе задавались, прежде всего, ситуации, с которыми работает ведущий, разнородные элементы деятельности, с которыми, с одной стороны, «сталкивается» ведущий, с другой – носителем которых является. Эта разнородность задает напряжение и важность постоянного ситуационного самоопределения в деятельности, что является, на мой взгляд, основным затруднением в работе начинающих ведущих. Эти разработки задали важную роль коммуникативной составляющей в работе ведущего и выделили средства организации его деятельности.

В представлениях о позиции выделялись рамки и основная задача работы ведущего. Задача ведущего определялась как «организация персонально ориентированного конструктивного диалога между сторонами, направленного на совместное обсуждение вопроса о заглаживании вреда, причиненного преступлением»⁸. В описании основной задачи был сделан шаг к осмыслению специфики работы ведущего не только с точки зрения средств его деятельности, но и с точки зрения пространства, которое он организует. Понятие «персонально ориентированный диалог» задает пространство, организуемое деятельностью ведущего.

В то же время была не ясна специфика и результат такого диалога с точки зрения восстановительного правосудия. Восполнить эти пробелы было призвано понятие «восстановительные действия», которое активно использовалось мною для анализа деятельности ведущего (см. раздел «Особенности проведения программ восстановительной медиации, Кругов и семейных конференций по уголовным делам с участием несовершеннолетних»).

3. Исключительно продуктивным для развития наших представлений и практики было

⁶ См.: Максудов Р. Р., Флямер М. Г. Городская политика и технологии восстановительного правосудия // Кентавр, 2002. № 23.

⁷ См.: Карнозова Л. М. Позиция ведущего программ восстановительного правосудия // Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое пособие / Под ред. Л. М. Карнозовой и Р. Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006.

⁸ Там же. С. 39–40.

знакомство с нарративным подходом. Нарративная практика по своим мировоззренческим основаниям достаточно близка восстановительному правосудию. Нарративный подход и восстановительное правосудие сближает представление о людях как носителях тех или иных взглядов, представлений, которые формируются посредством коммуникации и посредством коммуникации же могут меняться. Соответственно, изменение представлений о себе и других людях в процессе коммуникации может привести к изменению поведения. Отдельный человек не является субстанцией, которая живет в соответствии с тем, что натуралистическая психология, ориентированная на каноны научного знания, определила как потребности, то есть то, что движет человеком «изнутри»⁹. Это заставило нас по-новому рассмотреть представления о «потребностях» жертв и правонарушителей, на которые отвечала практика восстановительного правосудия. В соответствии с нарративным подходом, мы стали смотреть на людей – участников криминальных и конфликтных ситуаций как носителей доминирующих дискурсов, историй, которые сформировали их личности и от которых они могут отказаться и, следовательно, измениться.

Нарративный подход сформировал систему понятий, обеспечивающих развивающую коммуникацию, предполагающую рефлексивность совместно с человеком тех представлений, взглядов, ценностей (дискурсов), которые как бы «овладели» человеком. С помощью понятий «конфликтная история», «доминирующий дискурс», «интернализация», «экстернализация», «деконструкция», «негативная и предпочитаемая история» и других нарративный подход позволяет отделить человека от проблемы, разрушительно действующей на него и/или на его окружение. Такое отделение от проблемы и поиск уникальных эпизодов, противостоящих проблемному поведению, позволяет сделать шаги по самоопределению и выбору новых конструктивных структур поведения, имеющихся в опыте человека.

4. Осмыслению нашей практики помог анализ канадской методики «Оценка рисков и потребностей» совместно со специалистами Московского городского психолого-педа-

⁹ См.: Уинслейд Дж., Монк Дж. Нарративная медиация: новый подход к разрешению конфликтов. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2009.

гогического университета¹⁰. Данный анализ показал качественное различие восстановительного подхода, разрабатываемого специалистами центра «Судебно-правовая реформа», и реабилитационного подхода, продвигаемого фондом «НАН». Проведем краткий анализ понятий, определяющих реабилитационный подход. Конституирующим понятием для связи различных ролей в рамках реабилитационного подхода является понятие «индивидуальная реабилитационная программа». Соответственно, специалист «видит» себя и других через это понятие. Разработка, принятие и выполнение реабилитационной программы будет связывать на определенное время специалиста с подростком и его родителями.

Принципиальным для характеристики деятельности специалиста в рамках реабилитационного подхода является следующее. Реабилитационную программу разрабатывает специалист. Даже если он проектирует ее совместно с клиентом, именно специалист несет ответственность за ее профессиональное содержание, иначе она перестанет быть реабилитационной программой. Последняя основывается на том, что специалист должен иметь представления¹¹, которые помогают ему осуществить маркировку ситуации и человека. В таком подходе происходит наложение нормативных представлений о поведении человека и оценивание степени тяжести ситуации¹². На базе данного знания разрабатывается диагностический инструмент, с помощью которого «измеряют» людей и ситуации¹³.

Это знание помогает разработать и реализовать реабилитационную программу. Спе-

циалист также несет ответственность (частичную) за ее реализацию. И именно он должен определить момент, когда деятельность по реализации реабилитационной программы заканчивается. Такой специалист может работать в субъект-субъектном подходе, в сотрудничестве с клиентом, быть гуманным (отзывчивым, понимающим, добрым и т. д.), но при этом именно его знание будет определять способ решения ситуации, с которой он работает. В этом случае проблемой является вовлечение участников ситуации (криминальной, семейной) в разработку и реализацию реабилитационной программы, основную ответственность за которую несет специалист. Идею реабилитационного подхода можно изобразить следующим образом:

5. Осмыслению практики на всех этапах работы помогала наша включенность в разработки российской интеллектуальной школы мирового уровня – Московского методологического кружка (ММК), которые ведут-

¹⁰ Данная методика продвигается сегодня фондом «НАН». См. анализ методики в этом номере.

¹¹ Это могут быть, например, знания о рисках и потребностях детей группы риска и их семей, заимствованные из канадского опыта ювенальной юстиции и внедряемые сейчас в различных регионах России.

¹² Например, с помощью знания о рисках и потребностях детей группы риска и их семей можно измерить, сколько раз мать ребенка посещает детскую поликлинику, и на основе этого осуществить оценку поведения матери (если редко посещает и есть другие неблагоприятные признаки, отнести ее к группе риска). Правда, в эту же группу попадут в России матери, которые не доверяют территориальным органам здравоохранения, и непонятно, как тогда проводить диагностику.

¹³ Русские судьи до революции добивались результатов при минимальном диагностическом знании. Вот как выглядела работа судьи по делам несовершеннолетних в начале XX в. в Санкт-Петербурге: «После чтения протоколов и допросов потерпевших судья предлагает мало-

летнему объяснить цель и обстоятельства совершения его проступка, затем в беседе с родителями и попечителем выясняет, может ли малолетний чем-нибудь заняться, если будет выпущен на свободу. Если это возможно, то судья, отложив разбор дела, оставляет малолетнего под совместным присмотром родителей и попечителя. При этом малолетнему разъясняется значение такой меры и берется с него обещание исправиться. Если малолетний, по сообщению попечителя, продолжает вести прежний образ жизни, судья изменяет меру пресечения и определяет поместить малолетнего в приют, откуда освобождает его только в том случае, если для него найдено какое-либо занятие и если обещания малолетнего исправиться достаточно заслуживают доверия. Надзор же родителей при первом же разборе дела назначается судьей лишь в том случае, когда он убеждается, что этот надзор будет действительным» (Ю. Бочаров. Первые особые суды по делам о малолетних в России // Движение за ювенальную юстицию в современной России. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 44.

ся на протяжении более 50 лет¹⁴. Понятия «способ деятельности», «позиция», «средство», «ситуация», разработанные в ММК, активно использовались в нашей работе. Разработке концепции восстановительной медиации как коммуникативной практике, на мой взгляд, будут помогать идеи понимания, которые разрабатывались в ММК в начале 70–80-х гг. XX в. Особенно ценно такое представление о понимании как рефлексивном отношении знака и объекта¹⁵. Если данный тезис разворачивать в рамках идеи восстановительной медиации, то здесь знак преступления не отождествляется с человеком, совершившим преступление. Процесс восстановительной медиации позволяет осуществить шаг к новой рефлексии¹⁶ с помощью *понимания переживания других*. Важнейшим здесь является переход от обсуждения преступления к обсуждению переживаний о преступлении. С другой стороны, включение в этот процесс потерпевшего также позволяет ему через коммуникацию разотождествить себя с последствиями преступления и восстановить себя как личность. Важным элементом восстановительной медиации является проектирование будущего у правонарушителей, а иногда и у потерпевшего, что является основой изменения поведения и подлинной профилактики повторных преступлений и конфликтов.

Концептуальные основы восстановительной медиации

Разработка стандартов восстановительной медиации в начале 2009 г. задала основу для концепции восстановительной медиации. Стандарты определили восстановительную медиацию как

«процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вари-

антах разрешения проблем (при необходимости – о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций»¹⁷.

Стандарты определили процесс и результат медиации:

«Основой восстановительной медиации является организация диалога между сторонами, который дает возможность сторонам лучше узнать и понять друг друга. Диалог способствует изменению отношений: от отношений конфронтации, предубеждений, подозрительности, агрессивности к позитивным взаимоотношениям. Медиатор помогает выразить и услышать точки зрения, мнения, чувства сторон, что формирует пространство взаимопонимания.

Важнейшим результатом восстановительной медиации являются восстановительные действия (извинение, прощение, стремление искренне заглаживать причиненный вред), то есть такие действия, которые помогают исправить последствия конфликтной или криминальной ситуации.

Не менее важным результатом медиации может быть соглашение или примирительный договор, передаваемый в орган, направивший случай на медиацию. Примирительный договор (соглашение) может учитываться данным органом при принятии решения о дальнейших действиях в отношении участников ситуации.

Восстановительная медиация ориентирована на процесс коммуникации, она направлена, в первую очередь, на налаживание взаимопонимания, обретение способности к диалогу и способности решить ситуацию. Достижение соглашения становится естественным результатом такого процесса»¹⁸.

Тем самым, на наш взгляд, стандарты помогли сделать шаг к разработке восстановительной медиации как практике, ориентированной на коммуникацию. Важнейшей ценностью и целью восстановительной медиации является работа по «очеловечиванию» взаимоотношений. Конфликт или криминальная ситуация приводит часто к тому, что люди

¹⁴ См.: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995.

¹⁵ См.: Щедровицкий Г. П. Понимание и мышление // Щедровицкий Г. П. Мышление, понимание, рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005.

¹⁶ Ср.: Метанойя (греч. букв. «после ума», «переосмысление») – термин, обозначающий *сожаление* о чем-то свершившемся, *раскаяние* (особенно в психологии и психотерапии). В религиозной (особенно раннехристианской) традиции зачастую несет смысловое значение *покаяния* (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Метанойя>).

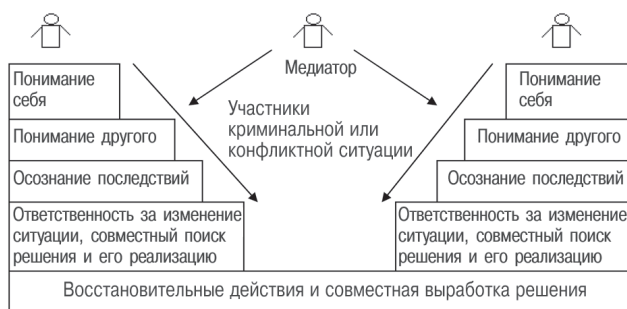
¹⁷ Стандарты восстановительной медиации. М., 2009. С. 3.

¹⁸ Там же.

начинают видеть друг в друге исключительно негативные стороны, возрастает чувство страха, ненависти или злобы. Человек, заражаясь этими чувствами, порой не в состоянии воспринимать адекватно ни свои действия, ни действия других. Восстановительная медиация за счет восстановления способности понимания ситуации, проблем, намерений, целей, норм и установок позволяет снять негативные представления у сторон относительно друг друга.

Ведущий (медиатор) помогает людям выразить полноту их ситуации и донести ее друг до друга таким способом, чтобы участники, узнав конструктивным образом те аспекты человеческого существования, которые были до этого скрыты от них, нашли в себе силы для обсуждения совместного решения данной проблемы. Образно говоря, медиатор строит лестницу, шагая по которой, люди узнают все больше и больше друг о друге, и это знание помогает им справиться с ситуацией. Каждая «ступенька» лестницы помогает сделать шаг в сторону строительства здоровых отношений друг с другом. Важнейшими ступеньками этой лестницы являются:

1. понимание своих чувств, состояний и оснований действия;
2. понимание чувств, состояний и оснований действия другого человека (других людей);
3. осознание последствий ситуации для себя и других людей;
4. восстановительные действия, позволяющие изменить отношение друг к другу;
5. ответственность за изменение ситуации, совместный поиск решения и его реализацию.

Следующим шагом нашей работы явилось практикование медиации в русле идей, заложенных стандартами восстановительной

медиации¹⁹. В ходе такого практикования мы выяснили, насколько важно ведущему понимать ситуацию, в которой находится человек в результате конфликтной или криминальной ситуации, и насколько уникальной она может быть. Важнейшим элементом деятельности ведущего является работа с последствиями криминальной или конфликтной ситуации. Сами последствия стали нами пониматься на пересечении различных переменных, влияющих на человека. Помощь в осознании последствий и их преодолении является одним из главных ориентиров работы ведущего (медиатора) в восстановительной медиации. Например, в одной из последних медиаций, которую мы проводили совместно со специалистами Московского городского психолого-педагогического университета, удалось в ходе понимания ситуации подростка-потерпевшего зафиксировать глубокие изменения в его сознании после случившегося. Восстановительная медиация позволила выявить эти изменения и сделать шаги в направлении освобождения от деструктивных ориентиров, которые появились у подростка.

Особенности кооперации специалистов и участников криминальной или конфликтной ситуации при проведении программ восстановительной медиации, Кругов и семейных конференций по уголовным делам с участием несовершеннолетних

Поскольку восстановительная медиация по делам несовершеннолетних сегодня проводится при участии разного рода специалистов, необходимо выяснить основу и особенности кооперации медиаторов, социальных работников и психологов. Если говорить на уровне модели работы, то для проведения программы восстановительного правосудия по уголовно наказуемым деяниям с участием несовершеннолетних должна быть создана разносторонняя структура, включающая, как минимум, *преобразованные* три основных и один обеспечивающий способ деятельности: основные – способ деятельности представителя уголовной юстиции, способ деятельности ведущего программ примирения, способ деятельности участников криминальной ситуации, то есть самих жертв, правонаруши-

¹⁹ Глубокий анализ работы со случаями в рамках такого практикования см. в статье Анны Балаевой «Примирение в медиации и вне ее: сравнительные аспекты» в настоящем выпуске Вестника.

телей и их ближайшего окружения; обеспечивающий – способ деятельности специалиста по социальной работе.

На наш взгляд, способ деятельности специалиста по социальной работе является обеспечивающим, поскольку востребуется в исключительных ситуациях, когда люди не в состоянии решить собственные проблемы и нуждаются в постоянном социальном и/или психологическом сопровождении.

На уровне организационной модели можно определить восстановительный подход как связку четырех деятельностей:

При этом важно понимать, на каких основаниях работают специалисты в восстановительном подходе и какая деятельность является ядерной или ведущей. На наш взгляд, ведущей деятельностью является деятельность медиатора, поскольку именно она задает существо восстановительного подхода как другой деятельности по отношению к существующим сегодня деятельностям социального работника, юриста, психолога.

Почему именно эта деятельность задает ядро восстановительного подхода? Сейчас стало модно говорить об отсутствии межведомственного взаимодействия. При этом совершенно упускается тот факт, что главным в межведомственном взаимодействии является содержание деятельности. Если в приказном порядке собрать специалистов и приказать им работать на благополучие ребенка, никакого взаимодействия не будет. Главным является понимание, как мы работаем с детьми и семьями, на каких основаниях и в каком подходе. Здесь мы переходим от организационного понимания подхода к содержательному.

В условиях практической работы важно понимать, чем именно будут заниматься специалисты: цели их работы, основные роли, каким образом они будут кооперироваться

друг с другом и какие условия, исходя из специфики их деятельности, необходимо для них создавать.

Главными целями специалистов в восстановительном подходе к конфликтным и криминальным ситуациям с участием несовершеннолетних является создание пространства для:

- полноценного участия в этом процессе ближайшего социального окружения, прежде всего, семьи и самого ребенка;
- разрешения криминальной ситуации или конфликта через взаимопонимание и осуществление восстановительных действий;
- заглаживания вреда потерпевшему в случае криминальных ситуаций;
- поддержки планирования и реализации позитивного будущего несовершеннолетнего и поддержки позитивных планов на будущее со стороны родителей и ближайшего социального окружения.

Если принять эти цели, тогда восстановительная медиация, семейные конференции и Круги сообществ из факультативных процедур, как они чаще всего воспринимаются некоторыми идеологами российской ювенальной юстиции, превращаются в ядро ювенальной юстиции, поскольку именно эти программы нацелены на участие в разработке, принятии и реализации решения силами семьи, ближайшего социального окружения и самих детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Роль медиаторов и специалистов по социальной работе заключается в поддержке процесса такой интеграции детей и семей в общество, которая происходила бы при максимальном включении ресурса этих семей и детей в восстановительные процессы. Роль специалистов юстиции заключается в том, чтобы помочь запустить восстановительный процесс с помощью правовых механизмов, предусматривающих защиту прав и интересов семьи и ребенка.

В практике восстановительного правосудия важнейшей фигурой является ведущий (медиатор) программ восстановительного правосудия. Но как только мы говорим о структуре различных типов деятельности (например, медиатор и социальный работник), сразу же встает вопрос об особенностях совокупной деятельности, которую могут (а возможно, и должны) осуществлять специалисты в кооперации. Например, в рамках практики семейных конференций, которые заро-

дились в Новой Зеландии, в подготовке встреч семьи и жертвы участвуют медиаторы и социальные работники²⁰.

Какие новые основания дают возможность объединяться медиаторам и социальным работникам в восстановительном подходе? Прежде всего, это новые понятия, которые позволяют по-иному осуществлять деятельность.

В восстановительном подходе связь, через которую «видят» себя специалисты, иная. Здесь конституирующим является не понятие «реабилитационная программа», а понятие «пространство взаимопонимания и восстановительных действий участников криминальной или конфликтной ситуации»²¹.

В восстановительном подходе понятие «пространство взаимопонимания и восстановительных действий участников криминаль-

²⁰ Адаптацию практики семейных конференций к европейским условиям осуществляет специалист из Нидерландов Роб ван Паже, который провел обучение российских медиаторов.

²¹ «За достижением соглашения скрывается менее заметный процесс – процесс символического возмещения. В него вовлечены социальные ритуалы уважения, вежливости, извинения и прощения, которые действуют, похоже, независимо от достигнутой словесной договоренности. Символическое возмещение зависит от динамики развития эмоций и состояния социальных связей между участниками встречи. Идеальный результат, с точки зрения символического возмещения, состоит из двух шагов. Сначала правонарушитель ясно выражает стыд и искреннее раскаяние в своих действиях. Жертва в ответ предпринимает по крайней мере первый шаг на пути к прощению правонарушителя. Эти два шага можно называть «восстановительными действиями». «Восстановительные действия» способствуют воссозданию разрушенных преступлением отношений между жертвой и правонарушителем. Воссоздание этой связи символизирует более значительное восстановление в сравнении с тем, которое произойдет между правонарушителем и другими участниками, полицией, общиной. Несмотря на то что эмоциональный обмен, составляющий основу «восстановительных действий», может быть весьма кратким (возможно, несколько секунд), именно он является ключом к примирению, удовлетворению жертвы и снижению количества повторных преступлений.

«Восстановительные действия» оказывают свое влияние также и на соглашение о возмещении ущерба. За примирением на эмоциональном уровне, как правило, следует достижение соглашения, которое удовлетворяет всех участников... Без наличия «восстановительных действий» путь к соглашению полон препятствий: какое бы соглашение ни было достигнуто, оно не снижает общего напряжения и оставляет участников с чувством неудовлетворенности. В связи с этим чрезвычайно важно по крайней мере уравнивать в значимости символическое возмещение и соглашение о материальной компенсации» (Рецинджер С. М., Шефф Т. Дж. Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 3. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. С. 72).

ной или конфликтной ситуации» задает иной формат деятельности специалистов. Специалисты (например, медиатор и социальный работник) не определяют и не несут ответственности за восстановительные действия клиентов. Более того, восстановительные действия порой происходят за рамками их деятельности. Функция специалистов заключается не в том, чтобы помочь разработать содержание восстановительных действий, а в том, чтобы создать уникальные и подходящие для данного случая конфигурацию людей и условия для лично окрашенной коммуникации.

Это способствует осуществлению восстановительных действий. Специалисты помогают состояться ценным для человеческого сообщества действиям: заглаживанию вреда, раскаянию, осознанию, прощению, планированию своего будущего, восстановлению отношений и опеки над детьми. Но эти действия в силу определенных обстоятельств (например, травмы, обиды или болезни) люди без посторонней помощи сделать порой не в состоянии. Поэтому в восстановительном подходе медиаторов учат центрироваться, прежде всего, на процессе, а не только на результате. Но поскольку ситуации в области правосудия и затяжных конфликтов могут привести к разрушительным последствиям для людей и отношений, в то же время существует нацеленность на определенный результат.

Важнейшей характеристикой восстановительного подхода является возвращение участникам способности самим разрешить конфликт. Приватизация конфликта государством и потеря способности людей самим искать выход из конфликтных ситуаций явились острием критики правосудия выдающимся норвежским криминологом Нильсом Кристи²².

Конечно, в правосудии и в гуманитарно-ориентированных практиках должны работать профессионалы (юристы и социальные

²² «Современные системы контроля за преступностью – это один из многочисленных случаев потери возможности для вовлечения граждан в решение задач, имеющих для них непосредственную важность. Наше общество – это общество монополистов на решение задач. В этой ситуации больше всего проигрывает жертва. Она не только страдает, несет материальные потери или ущерб физический или какой-либо другой. И не просто государство забирает компенсацию. Но помимо всего прочего она утрачивает право на участие в своем собственном деле. В центре внимания находится государство, а не жертва. Это государство определяет потери, а не жертва. Это государство фигурирует в газетах, и крайне редко жертва. Это государство получает возможность говорить с пра-

работники). Но когда мы говорим о возвращении конфликтов самим людям, когда мы утверждаем, что конфликты являются «социальным топливом общества», что без них и их конструктивного разрешения трудно представить существование общества, его эволюцию и развитие, то мы ставим границы профессионально-предметному знанию и, соответственно, профессионалам.

Чем значительнее роль профессионалов, тем больше они уверены, что знают, *что именно происходит, что относится к делу, что нет и как разрешить ситуацию*. Участники конфликтной или криминальной ситуации все меньше и меньше влияют на собственную жизнь. Профессионалы же используют конфликты для воспроизводства предметного знания и соответствующих организационно-ведомственных форм. В России область уголовно наказуемых деяний приватизирована ведомствами уголовной юстиции (судами, прокуратурой, милицией, учреждениями исполнения наказаний) и адвокатурой, а общество фактически лишается своего «социального топлива» – возможности участия граждан в «оттачивании норм»²³.

В чем специфичность отношений разобщения, конфликтности и мести, когда мы говорим о юстиции? В обычных условиях

вонарушителем, но ни государство, ни правонарушитель не заинтересованы в продолжении этого разговора. Обвинитель давно уже сыт по горло. А жертва никогда бы не была. Она могла бы быть напугана до смерти, быть в панике или гневе, но никогда безучастной. Это мог бы быть один из самых важных дней в ее жизни. Что-то, что принадлежит только ей, было отнято у нее» (*Кристи Н.* Конфликты как собственность // *Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития*. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 36).
²³ «Особенно хорошо воруют конфликты юристы. Их этому учили. Их учили предотвращать и улаживать конфликты. Они объединены в субкультуре, с удивительно высокой степенью согласия относительно интерпретации различных норм и того, какую информацию считать относящейся к делу. Многим из нас, не будучи юристами, приходилось переживать грустные моменты истины, когда адвокаты говорили, что наши самые лучшие аргументы в борьбе с соседом не имеют никакой юридической значимости и мы ни в коем случае не должны упоминать о них в суде. Вместо этого они выбирают аргументы, на наш взгляд, не совсем или вовсе неподходящие... Но мы тоже в проигрыше, в той степени, в какой общество – это мы. Эта потеря, в первую очередь и больше всего, – потеря возможности для оттачивания норм. Это – потеря педагогических возможностей. Это – потеря возможностей для продолжения дискуссии о том, что составляет надлежащую правовую процедуру. Насколько был не прав вор и насколько была права жертва. Как мы видели, юристы обучены и знают, что можно считать относящимся к делу. Но это означает неспособность, полученную в результате обучения, позволять сторонам решать, что *они* считают относящимся к делу» (*Кристи Н.* Указ. соч. С. 34, 35).

большинство людей в состоянии сами наладить конструктивный диалог, преодолевающий разобщение, злобу и желание отомстить. Но *криминальная или конфликтная*, и поэтому *стрессовая* ситуация, в которую попадают люди, часто «съедает» ресурс для построения диалога. Существующее институциональное устройство, предполагающее как само собой разумеющуюся монополию *представителей государства* на разрешение конфликтов и криминальные ситуации в обществе, также подрывает способность людей к налаживанию конструктивного диалога. Эту способность нивелируют и *современные урбанизированные формы жизни*, когда жизнь в определенных ролях не требует и часто запрещает личностное общение друг с другом. Последнее – удел традиционных форм социальной жизни (деревня и община). Все труднее справиться с конфликтами и в силу *ограниченности знания*, которым люди располагают друг о друге.

Безличностные и ограниченные формы взаимодействия людей приводят к *вытеснению проявления чувства стыда*. У людей формируются установки на проявление и демонстрацию силы, они отучаются показывать друг другу слабость и прячут чувства, которые связаны со стыдом и травматическими переживаниями. Выявление и проявление данных чувств является одним из механизмов исцеления жертвы и глубинного осознания ситуации правонарушителем²⁴.

В российских условиях нередко родственники и знакомые правонарушителя пытаются содействовать заглаживанию вреда и урегулированию криминальной ситуации. Но эти отдельные шаги не всегда обеспечиваются навыками, способствующими освобождению от тяжелых последствий криминальных ситуаций, и часто наталкиваются в России на противодействие представителей органов уголовного правосудия или откровенное мошенничество. Современные условия жизни требуют *институциональной поддержки* важных для общества способов разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. Ответом на эту ситуацию является возрождение суще-

²⁴ См.: *Брейтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002; *Рецинджер С. М., Шефф Т. Дж.* Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи // *Вестник восстановительной юстиции*. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. Вып. 3.

ствовавших прежде во многих странах неформальных и признанных обществом и государством институтов, помогающих урегулировать конфликты в порядке гражданского²⁵ и уголовного судопроизводства²⁶. Создаются службы медиации, которые в новых условиях с помощью подготовленных посредников реализуют принципы неформального правосудия.

Таким образом, ведущему (медиатору) важно:

1. Способствовать освобождению участников криминальной ситуации от последствий криминальной ситуации и травматических действий сотрудников правоохранительных органов.

2. Помогать налаживанию взаимопонимания между участниками криминальной ситуации. Это действие состоит в том, чтобы помочь людям «увидеть» ситуацию с точки зрения другого, а также позитивные личностные особенности друг друга. Для этого самому медиатору важно принимать во внимание особенности людей и уметь превращать их в ресурс для восстановительных действий.

В каком направлении должна быть выстроена деятельность медиатора и социального работника в восстановительном подходе? На наш взгляд, здесь необходимо создать условия для взаимопонимания и восстановительных действий. Эти условия заключаются в том, что специалист помогает людям перейти от отношений разобщения, конфликтности и взаимной ненависти к личностно окрашенному контакту и совместному поиску конструктивного выхода из ситуации.

²⁵ Например, в регламенте Верховного Суда штата Индиана (США), в разделе «Правила использования альтернативных способов разрешения споров» (Rules For Alternative Dispute Resolution), в составе правила 1.1 перечисляются следующие методы: мировые переговоры (settlement negotiation); арбитраж (arbitration); переговоры с посредником (mediation); примирительная процедура (conciliation); налаживание отношений (facilitation); «мини-суд» (mini-trials); сокращенное («аннотационное») судебное разбирательство (summary jury trials); частное судейство (private judges and judging); коллективное оценивание конфликта (convening or conflict assessment); незаинтересованное оценивание конфликта (neutral evaluation and fact-finding); вариантный подбор прецедентов (multi-door case allocations); согласованное установление правил (negotiated rulemaking) // Indiana Rules of Court. Rules For Alternative Dispute Resolution (доступно по адресу: www.in.gov/judiciary/rules/adr/).

²⁶ См.: Посредничество в уголовных делах. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 г., и пояснительные заметки.

Такой переход и должны помочь осуществить взаимосвязанные деятельности медиатора и социального работника.

Исходя из вышесказанного можно задать зону ответственности специалистов (социальных работников и медиаторов), работающих в восстановительной парадигме в ювенальной юстиции. Специалисты отвечают за организацию и формирование повестки дня встречи, семейной конференции или Круга. Здесь главным является, по-видимому, соблюдение баланса вопросов, предложенных специалистами на основании анализа ситуации, и тех проблем, в разрешении которых заинтересованы участники криминальной или конфликтной ситуации.

Второй зоной ответственности является работа по привлечению значимых для процесса людей, которые могут помочь осуществиться восстановительным действиям. Работа по поиску, отбору и подготовке людей к встрече, конференции или Кругу – возможно, самая трудная задача для специалистов в данном подходе.

И третьей зоной ответственности является создание и удержание такого формата встречи, конференции или Круга, который создал бы максимальные условия для восстановительных действий.

Проблемой, которая ждет еще своего методического решения, является нахождение в каждой конкретной ситуации такого способа взаимодействия специалистов и участников криминальной ситуации, который максимально бы способствовал проявлению позитивной активности людей. Как научиться строить свою деятельность, позволяя участникам самостоятельно определять проблемы, интересы и способы выхода из конфликтных и криминальных ситуаций, соблюдая ценностный ориентир, важный для общества²⁷? Удержание этого вопроса, поиск и методическое оттачивание вариантов его решения состав-

²⁷ «Наша тема – социальный конфликт. Кто не почувствует хоть небольшую неловкость, занимаясь своим собственным социальным конфликтом, узнав, что за тем же столом сидит специалист именно по этой проблеме? У меня нет четкого ответа, лишь сильные ощущения, которые привели к такому неопределенному выводу: пусть у нас будет настолько мало специалистов в области человеческого поведения, насколько мы можем себе это позволить. Но если они все-таки будут, ради всего святого, пусть среди них не будет специалистов по преступности и разрешению конфликтов. Пусть у нас будут специалисты общего характера с солидной базой

ляет суть мастерства ведущего программ восстановительного правосудия.

Исходная модель восстановительной медиации

Предыдущие рассуждения позволяют наметить исходную модель восстановительной медиации. Далее мы рассмотрим функциональное устройство модели, то есть будем характеризовать ее не морфологически, не по содержанию, а по функции в рамках целого. Модель состоит из следующих пространств:

пространство ситуации как материал для работы. Это ситуация, которая, прежде всего, характеризуется своими уникальными условиями совершения преступления или конфликта и их последствиями. Данное пространство задает направленность понимания медиатора на индивидуальных встречах для определения повестки встречи по заглаживанию вреда (примирительной встречи). С возможными участниками встречи необходимо обсудить ситуацию в плане условий, способствующих совершению преступления, и его последствий или происходящего конфликта и выделить точки, необходимые для обсуждения. Такое обсуждение задает первый такт разотождествления участников криминальной или конфликтной ситуации с самой ситуацией (конфликтом, преступлением) и со своим «знанием» о другом человеке. Роль ведущего (медиатора), владеющего особыми техниками понимания, заключается в том, чтобы освободить место для нового знания о ситуации и другом человеке. Этот такт можно назвать потенциальным разотождествлением;

пространство персонально ориентированного диалога. Этот диалог обычно происходит на встрече сторон (но может происходить и в форме челночной медиации или через

за пределами системы контроля за преступностью. И последний пункт, касающийся как специалистов в области поведения, так и юристов: если уж мы решим, что в определенных случаях или на определенных стадиях без них никак нельзя обойтись, давайте постараемся объяснить им проблемы, которые они создают для широкого социального участия. Давайте постараемся научить их воспринимать себя в качестве источника информации, отвечающих только тогда, когда их спрашивают, а не тех, кто доминирует, находится в центре. Они могут помочь в воссоздании конфликта, но не должны брать их решение на себя» (Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 40–41).

обмен письмами). Такой диалог позволяет актуализировать и отделить собственные чувства и переживания от «зацикленности» сознания на ситуации или другом человеке, что обычно сопровождается конфликтом или следует после криминальной ситуации. Также здесь должна произойти распаковка новых смыслов о другом, которая позволяет избавиться от демонизации другого, представления его как врага²⁸;

пространство восстановительных действий. Это, прежде всего, действия, позволяющие признать «врага», «злодея» человеком. Это такие действия, которые являются, с одной стороны, результатом нового понимания, с другой – углубляют новое понимание и позволяют состояться медиации. И в этом их «тайна», поскольку каждый раз мы сталкиваемся с непониманием, что же человек ценит в других людях и насколько эта ценность соответствует ценностям общества. Поэтому здесь может происходить актуализация «спящих», непроявленных, но признаваемых каждым смыслов добра, любви, примирения и т. д. Восстановительные действия могут инициироваться медиатором на встрече сторон, но могут продолжаться и за рамками встречи, что также содействует освобождению от знаков клеймения, помогает обрести новую идентичность правонарушителя и укрепляет новые смыслы участников друг о друге;

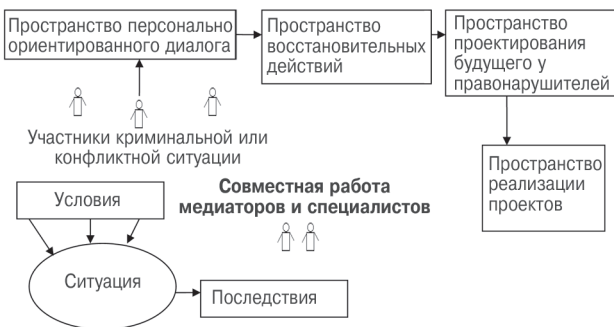
пространство проектирования будущего. Медиатор может инициировать проектирование будущего правонарушителя, что позволяет вовлечь участников в обсуждение и принятие ответственности правонарушителем за собственное будущее и оказать поддержку его планам со стороны ближайшего социального окружения. Без такого самоопределения реабилитационные программы окажут слабое влияние на правонарушителя;

пространство реализации проекта будущего у правонарушителей. Чем тяжелее ситуация в плане участия в проектировании будущего правонарушителя его родственников и значимых позитивных взрослых, тем больше может быть влияние специалистов, которые фактически должны создать эквивалент близкого социального окружения для молодого человека. Функция реабилитационных про-

²⁸ Подробнее о том, как это может происходить, см. в упоминавшейся статье Анны Балаевой «Примирение в медиации и вне ее: сравнительные аспекты».

грамм, на мой взгляд, должна состоять в формировании группы поддержки из значимых позитивных взрослых для подростка²⁹.

Изобразим описанную модель в виде схемы:

На следующем этапе разработки концепции важно провести детальный анализ функций каждого пространства в структуре восстановительной медиации и на этой основе развивать методический инструментарий данной практики.

²⁹ Роль таких реабилитационных программ часто выполняют подростковые клубы. В Москве интересная практика создания позитивных подростковых сообществ существует в клубах «Гладиатор» и «Бастион».

Людмила Карнозова

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ: БАЗОВЫЕ ИДЕИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ (ЗАМЕТКИ К ОБСУЖДЕНИЮ ТЕМЫ)¹

Идея выделить восстановительную медиацию как отдельный тип, или модель, отличную от других моделей: медиации, основанной на интересах, трансформативной и нарративной, – была сформулирована Антоном Коноваловым. В литературе освещаются разные модели медиации, иногда при перечислении они соседствуют с восстановительным правосудием, и задача состояла в том, чтобы произвести сравнительный анализ и определить отличительные характеристики подхода к медиации, который реализуется в наших программах.

Сначала казалось, что в теоретико-концептуальном плане это очень просто, поскольку медиация правонарушителя и жертвы как программа восстановительного правосудия имеет специфику просто в силу особенностей самой ситуации, с которой она работает – уголовное преступление, и, соответственно, номинальных позиций сторон в конфликте – правонарушителя и жертвы. И тип ситуации диктует ряд специфических характеристик медиации, которые определяются концепцией восстановительного правосудия. Или: концепция восстановительного правосудия плюс медиация – вот и получается программа восстановительного правосудия. Но задача оказалась сложнее. Во-первых, распространение в мире и развитие практики медиации привело к тому, что сегодня

выделяются разные концепции и, соответственно, модели медиации². А во-вторых, тот тип медиации, который мы начали отрабатывать в программах восстановительного правосудия с ее четким обозначением позиций конфликтующих сторон – правонарушителя (или обидчика) и жертвы (пострадавшего), мы, с определенными коррективами, стали переносить и на другие типы конфликтов: соседские, школьные, конфликты между заключенными (в женских колониях) – т. е. на так называемые «симметричные» конфликты, где нет однозначного разделения на обидчика и жертву. И тогда связанная с этим специфика вроде бы исчезает.

Разработка стандартов медиации, относящихся к тому виду практикования, которым мы занимаемся, еще раз подвела к необходимости определить особенности этого практикования. Рустем Максудов и Антон Коновалов предложили название «восстановительная медиация», и вопрос об определе-

² Одни авторы придерживаются мнения, что имеет место единая модель медиации, в то время как другие настаивают не просто на множественности моделей, но на их несовместимости. Так, например, отвечая на вопрос о том, можно ли комбинировать трансформативную медиацию с другими моделями, ориентированными в большей степени на решение проблемы и достижение соглашения, Роберт Буш и Джозеф Фолджер отвечают: «Наш опыт показывает, что комбинировать такие модели невозможно, поскольку цели различных моделей, а также практические методы, с помощью которых они реализуются, несовместимы» (Буш Роберт А. Бэрк, Фолджер Джозеф П. Что может медиация. Трансформативный подход к конфликту. Киев, 2007. С. 204). Есть и другие аргументы, указывающие как на наличие разных моделей медиации, так и их несовместимость (см., например: Уинслэйд Дж., Монк Д. Нарративная медиация. Новый подход к разрешению конфликтов. М., 2009).

¹ В основу статьи положено выступление автора на межрегиональном семинаре, организованном центром «Судебно-правовая реформа», посвященном разработке и принятию стандартов восстановительной медиации (Москва, 16 марта 2009 г.).

нии содержания этого понятия становится в связи с принятием стандартов еще более актуальным.

Тезис

Итак, восстановительной медиацией мы именуем тот способ разрешения конфликтов, который мы практикуем. Основной мой тезис состоит в том, что *восстановительная медиация – это не модель медиации, восстановительная медиация – это рамка для целого набора практик разрешения конфликтов.*

Даже если мы не будем вдаваться в специальные рассуждения, а просто возьмем сформулированные стандарты, в которых зафиксированы виды программ, которые сегодня реализуются в нашем сообществе, уже здесь можно увидеть, что речь идет о некоем *наборе практик*, а не одной какой-то практике.

Но есть еще один аспект. Когда я говорю, что восстановительная медиация – это рамка для целого набора практик, я имею в виду не только разные виды программ: медиацию (полный, расширенный и редуцированный варианты), Круги, семейные конференции или разные области их применения (уголовный процесс, школа, система профилактики правонарушений). Другой, не менее важный аспект, – собственно содержательные характеристики способа. И с этой точки зрения выдвигаю предположение, что восстановительная медиация позволяет использовать, в том числе, и разные модели, имея в виду не только оргформы, а *модели медиации, за которыми стоят разные теории.* Медиация, основанная на интересах и ориентированная на решение проблемы и достижение соглашения, трансформативная и нарративная модели, возможно, наиболее четко выделены сегодня как отдельные модели медиации. Суть моего тезиса в том, что восстановительная медиация может ассимилировать эти разные модели или какие-то их аспекты в той мере, в какой это соответствует базовым идеям нашего подхода, или восстановительной медиации.

Конечно, мы движемся в поле несколько неопределенных понятий. Например, а что, собственно, понимается под моделями медиации³? Я буду придерживаться предположения, что то, что мы называем моделью медиации – например, три вышеупомянутые, –

имеет за собой вполне определенную *теорию человека, теорию конфликта (версию, почему происходят конфликты) и ответ на вопрос, что значит, что конфликт разрешен.* На этих исходных положениях строится соответствующий инструментарий и принадлежность к определенному подходу – концепция той или иной модели медиации. Авторы книги по трансформативной медиации очень жестко отвечают на вопрос о возможности комбинирования моделей, «об эклектике»: нельзя сочетать разные модели. Потому что, говорят они, не может медиатор одновременно делать и то, и другое. Естественно, невозможно делать одновременно разные вещи, вопрос в том, можно ли сочетать в *определенных рамках* разные модели или, точнее, идеи разных моделей. Каждый, кто стоит на своей позиции, естественно, будет защищать свою парадигму (свою модель) от эклектики. Это необходимо, чтобы четко определить свою позицию и концепцию, чтобы выделить особое содержание деятельности и социализировать свою практику. Именно так складываются новые области и подходы. Но ведь, кроме того, важно понимать, с одной стороны, границы действенности той или иной модели и, с другой, практическую рамку, которая, как мне представляется, позволяет прихватывать идеи разных моделей для реализации целей, этой рамке соответствующих.

Но и цели – не статичные образования, не вещи; целеполагание осуществляется в рефлексии. Приведу пример. Несколько лет назад мы с М. Флямером в качестве медиаторов вели случай по уголовному делу. Подросток напал на девушку и попытался вырвать из рук сумку с деньгами. Девушка упала, сильно ударилась, подростка задержали. На предварительную встречу с медиаторами потерпевшая пришла с мамой. Девушка расска-

---

искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / Сост. Г. Мета, Г. Похмелкина. М., 2004. Конечно, существование разных практик медиации можно трактовать как наличие разных технологий при единстве метода. Все зависит от масштаба различий. Если медиацию как способ разрешения конфликтов мы сопоставляем, скажем, с уголовно-правовым способом, это один масштаб. В рамках такого различия мы будем выделять черты, которые характерны именно для медиации вообще, безотносительно к ее моделям, и отличающие ее от уголовного процесса. Но когда мы обращаемся к самой медиации, то находим там разные типы практик, которые отличаются базовыми представлениями, установками и вытекающими из них порядками работы.

³ С более широким набором моделей и практических форм медиации можно познакомиться в кн.: Медиация –

зала о своих переживаниях, связанных с этой ситуацией. Она в тот вечер взяла из банка деньги для того, чтобы помочь своей любимой умирающей бабушке – нужно было платить за лекарства и за уход. И вдруг нападение. Эта ситуация тесно связалась с воспоминаниями о бабушке. С нами девушка была открыта и искренна, но с подростком встречаться не хотела, для нее это было бы травматичным, хотя не жаждала для него сурового наказания. В то же время ее мама выразила желание встретиться с подростком, чтобы «посмотреть в глаза его матери». Но мы от этого отказались. Мама потерпевшей не была настроена агрессивно, а подросток переживал случившееся и очень хотел попросить прощение. Но, как нам казалось тогда, это не вписывается в канон программы восстановительного правосудия, где правонарушитель должен встретиться с жертвой. Сегодня мы бы так не поступили, поскольку наше целеобразование претерпело изменения: и область реализации принципов восстановительного правосудия мы видим более широко, чем прежде, и расширяем круг задач, и включаем в наш инструментарий более разнообразный набор процедур, приемов и техник.

Но что это значит – «больше», «шире» и т. п.? Возвращусь к полемике с авторами книги о трансформативной медиации. Сопоставляя разные версии медиации, справедливо указывая на то обстоятельство, что каждая из них, фокусируясь на значимости разных аспектов медиации в соответствии с выбранным акцентом, будет развивать практику медиации в том или ином направлении, Буш и Фолджер приходят к общему выводу, что «в медиации, так же как и в других социальных процессах, сложно, если не невозможно достичь сразу нескольких целей. На практике достижение одной цели неизбежно означает в определенной степени пренебрежение другими целями по причине либо прямого конфликта между шагами по их достижению, либо просто из-за ограниченности ресурсов»⁴. В контексте решения их собственной задачи, а именно, обоснования трансформативной медиации как отдельной модели, с таким суждением можно согласиться. Но только в этих пределах, поскольку как общеметодологическая эта точка зрения весьма распространена, но не безупречна. Ей можно противопоставить

другое предположение: только полицелевой характер системы обеспечивает ее устойчивость и эффективность⁵.

Если мы вернемся к ценностям и целевым установкам восстановительного правосудия: исцеление жертвы, осознание и ответственность правонарушителя, заглаживание вреда, исцеление правонарушителя, восстановление отношений между сторонами конфликта, восстановление мира в сообществе, возвращение людям полномочий на разрешение их конфликтов, извинение и прощение – этот перечень не выстраивается в «дерево целей», это, скорее, разные векторы внутри восстановительного способа разрешения конфликта. А кроме того – на другом уровне – цель еще в том, чтобы сократить в социуме пространство реализации карательных практик, а следовательно, придать восстановительному способу правовой статус, легитимировать его в правовом поле. И, кстати, этот мета-уровень может иметь прямое отношение к самому процессу медиации. К примеру, если юридические последствия примирения сторон могут иметь место только в том случае, если достигнуто письменное соглашение, значит ли это, что при такой цели медиации, как достижение соглашения, мы не можем использовать идеи трансформативной или нарративной медиации, каждая из которых как «чистый» тип (модель) противопоставляется медиации, ориентированной на достижение соглашения (тоже как «чистому» типу)? И не просто использовать какие-то приемы, а ставить цели и работать в соответствующем ключе, имея в виду и урегулирование долгосрочных отношений между сторонами, и выстраивание новой позитивной истории, и придание силы и уверенности каждой из сторон, и достижение взаимопонимания и, в конце концов, достижение письменного соглашения. Конечно, такой процесс предполагает множество фаз и усилий, поскольку цели не достигаются «одновременно». С другой стороны, именно наличие множества целевых ориентиров позволяет медиатору ра-

⁴ Буш Роберт А. Бэрк, Фолджер Джозеф П. Указ. соч. С. 30.

⁵ Такой тип рассуждения мы применяли и раньше, когда обосновывали понятие восстановительной ювенальной юстиции – системы, которая существует одновременно в двух рамках, указывающих на необходимость реализации двух разных концептуальных установок – ювенальной юстиции и восстановительного правосудия. И вопрос состоял в том, каким образом должна строиться практика обращения с несовершеннолетними правонарушителями в такой сложной полицелевой системе.

ботать с конкретной ситуацией адекватно, фокусируясь на одних и меньше уделяя внимание другим аспектам в зависимости от конкретной ситуации и самоопределения участников.

Но тогда возникает вопрос: в чем же определенность восстановительной медиации? И имеет ли она свое инструментально-методическое ядро? Думаю, да, имеет. Можно провести мыслительный эксперимент: медиацию несовершеннолетнего правонарушителя и потерпевшего проводит «обычный медиатор» (понятно, что это упрощение), например, такой, который специализируется на медиации между хозяйствующими субъектами по поводу коммерческих споров. Я полагаю, он проводил бы совсем другую медиацию, чем та, которая проводится нашими медиаторами.

Здесь нужно разделить инструментарий на техники, теории и методическое устройство. Именно последнее вместе с базовыми идеями восстановительного правосудия задает определенность восстановительной медиации⁶. Но коль скоро само содержание, определяющее структурные элементы процесса восстановительной медиации, наращивалось под влиянием разных гуманитарных течений и практик, нельзя и в дальнейшем отрицать это, а также и проблематизацию наших сегодняшних представлений. Например, в центре «Перекресток» (МГППУ) проведены программы медиации правонарушителя и жертвы, где в повестку дня примирительной встречи даже не ставился вопрос о принесении извинений со стороны обидчика. Не было этого и на встрече.

Что позволяет, тем не менее, идентифицировать программу как восстановительную медиацию? Это модель развивающаяся. Вопрос тогда ставится так: что мы фиксируем как точки опоры и что в принципе может меняться? На второй вопрос ответить априорно, наверное, невозможно. Например, десять лет назад мы не могли подвергать сомнению необходимость принесения извинений со стороны обидчика. Или схему «факты-чувства-соглашения», которая сегодня представляется одной из возможных и имеет альтернативы – к примеру, «факты-смыслы-соглашения», поскольку, как показывает опыт, не во всех случаях, не со всеми клиен-

тами нужно ставить акцент на работе с чувствами. Поэтому, скорее, важно зафиксировать, что является неизменным. И это неизменное касается, как я сегодня понимаю, идей восстановительного правосудия.

Таким образом, *восстановительная медиация сохраняет свою идентичность, которая определяется не инструментарием, а чем-то другим, а именно, определенными базовыми характеристиками*. Инструментарий, конечно же, есть, но он изменяется, причем не только количественно. По мере практического освоения базовых идей в ходе проведения восстановительных программ, по мере рефлексии этой практики какие-то положения и инструменты проблематизируются, а какие-то – близкие по духу – включаются в арсенал восстановительной медиации из других подходов и практик.

В определенной мере этот момент отражен и в стандартах восстановительной медиации: «Данные стандарты медиации призваны способствовать поиску новых идей и разнообразию форм организации и проведения медиации при сохранении основных принципов восстановительной медиации и с учетом региональных условий».

Откуда термин?

Когда мы начали обсуждения по поводу содержания понятия восстановительной медиации, то начали с вопроса – что такое восстановительная медиация? Раз восстановительная медиация, значит, надо ответить на вопрос, *что восстанавливается*. И отвечали: восстанавливаются отношения, чувство безопасности, личность, способность к пониманию и пр. Это один ход размышления. А другой ход связан с вопросами, *откуда взялся этот термин* и дальше – я сейчас рассуждаю в рамках гипотезы, что восстановительная медиация есть некая рамка – *каким образом эта рамка насыщалась содержанием*. Я имею в виду общекультурный аспект, т. е. не только наш опыт, а мировую практику программ восстановительного правосудия, которую мы осваиваем. Этот второй ход иной, нежели вопрос о том, что или кто восстанавливается в наших программах.

Итак, каким образом восстановительная медиация, во-первых, получила свое название, и, во-вторых, насыщалась содержанием. В стандартах мы зафиксировали, что основой восстановительной медиации является

⁶ См.: Максудов Р. «Восстановительная медиация: на пути к разработке концепции» в данном Вестнике.

восстановительное правосудие. А в основе восстановительного правосудия, его концепции, его подхода, в отличие от той или иной модели медиации, лежит *не концепция человека или концепция конфликта, а концепция ответа на преступление*. И это является фундаментом, на котором зиждется то, что дальше стало называться восстановительным правосудием. Смена базовых начал важна: не теория конфликта и не теория человека (во всяком случае, непосредственно, поскольку опосредованно так или иначе все в человеческом мире связано с представлениями о человеке), а, условно говоря, *теория или представление о преступлении и должном на него ответе*.

В рамках уголовно-правового (карательного) подхода преступление – это нарушение закона, а закон – это государственный акт, отсюда ответ на преступление есть государственная акция наказания. Концепция восстановительного правосудия подвергает критике такое понятие преступления и, соответственно, такую реакцию на преступление.

Не будем повторять известные из множества публикаций пункты этой критики, рассмотрим только один аспект, непосредственно касающийся формулировки термина. Коль скоро «преступление» – понятие из правового дискурса, обратимся к этому дискурсу и привлечем для анализа еще два важных понятия. Это понятия *предписания* и *санкции*. Предписание – это правило, которое либо обязывает соблюдать то или иное поведение, либо вводит некий запрет, но предписание всегда живет в рамках правовой системы в паре с санкцией: если оно не выполняется, за этим следует санкция или, иначе, общественное принуждение. В праве выделяется два основных типа санкций. Во-первых, исправление неправомерного явления или последствий неправомерного деяния и, если обратимся к латинским терминам, это «репарация», «реституция», что переводится как *восстановление*. И второй тип санкций – *репрессия*.

Восстановление может происходить в разных формах: либо восстановление как возврат к той ситуации, которая была до произошедшего события, либо, если это невозможно, восстановление в форме компенсации, в форме возмещения. А репрессия, или наказание, есть обречение нарушителя на страдание.

Преступление является одной из форм подобного нарушения предписания, но не все

нарушения предписания являются преступлением. Различение «наказания» и «восстановления» как основных институционально закрепленных санкций реагирования на нарушения официальных предписаний придумано не концепцией восстановительного правосудия – концепция восстановительного правосудия взяла его из теории права⁷. И дальше использует его (различение) для анализа сегодняшней ситуации реагирования на преступления. И исходя из ценности мира в совместной жизни людей концепция восстановительного правосудия делает сдвигку в ответе на преступления к этому второму виду санкций. А понятие преступления рассматривается как событие, касающееся всех вовлеченных в него людей и имеющее для них негативные последствия. Но важно, что типы санкций – репрессия как причинение страданий и восстановление – *это правовые формы ответа на нарушение предписаний*. В этом смысле термин «восстановление» берется восстановительным правосудием из правового дискурса.

Это не значит, что на этом концепция восстановительного правосудия останавливается – она насыщается и множеством других смыслов, о чем пойдет речь дальше, но происходит термин из правового дискурса.

Здесь, однако, следует оговориться. Личнейное представление развития концепции восстановительного правосудия в виде ряда последовательных шагов – это чрезмерная редукция. Параллельно следовало бы нарисовать линию развития медиации как внесудебного способа разрешения разного рода конфликтов и правовых споров. Кроме того, восстановительное правосудие опирается на исторические прототипы – общинные формы разрешения конфликтов и традиции примирения, которые можно найти практически у всех народов. Ховард Зер в качестве прототипов анализирует общинное правосудие и правосудие по Завету, т. е. правосудие, где центральной процедурой являются переговоры, горизонтальные отношения между сторонами. Сюда же примыкают религиозные концепции миротворчества, образующие ценностную основу восстановительного подхода⁸. Помимо этого в основе критики кара-

⁷ См. например: Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 335.

⁸ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002.

тельного правосудия лежат обширные криминологические и виктимологические исследования, обращающие внимание на психологическую природу преступного деяния и посткриминальных переживаний как преступника, так и жертв преступлений, так что предлагаемый в ответ на эту критику способ реагирования на преступление учитывает психологическую составляющую. Выход на психологическую проблематику заставляет искать в психотерапевтических практиках способы работы с травмой, с чувством вины, искать приемы и техники коммуникации. И еще можно выделить множество составляющих.

Чтобы представить картину формирования восстановительного правосудия, нужно нарисовать своего рода карту и положить его содержательные источники как сосуществующие. В данной статье я не берусь за эту работу, в определенной мере она проделана в книге Ховарда Зера. Но ведь и формирование парадигмы не закончено, о чем Зер периодически напоминает в своей книге. Остается много вопросов, непроработанных понятий и пр. Практический опыт разных групп приводит к жизни новые формы работы, открывает новые феномены. И все это тоже дает основание говорить о восстановительной медиации как рамке, наполнение которой находится в процессе становления. Но если мы пытаемся произвести некоторую реконструкцию, выстроить (логическую) историю, приходится последовательно вводить содержательные элементы концепции, что не претендует на отражение реальной исторической последовательности.

Содержательное насыщение

Итак, с одной стороны, – понятие восстановления, которое взято из правового дискурса. И именно это понятие задает *рамку новой практики – восстановительного правосудия как другого способа реагирования на преступление*. А дальше эта рамка наполняется содержанием, формируется новый способ. И здесь понадобились уже совсем другие понятия и образцы.

Но сначала – при ближайшем рассмотрении – образцы черпаются в праве, но не уголовном, а гражданском. В концепции восстановительного правосудия меняется содержание понятия преступления. Оно трактуется не как нарушение закона, где жертвой

оказывается государство, а как насилие, обида, причиненные другому человеку (группе людей). Преступление наносит вред конкретным людям, а потому порождает у совершившего его лица *обязательство по заглаживанию вреда* – именно так трактуется понятие ответственности. Радикально переформулируется *цель уголовного правосудия*: не наказание, а восстановление – разрешение конфликтной ситуации между людьми (а не абстрактными процессуальными фигурами), примирение, исцеление и возмещение ущерба. Заметим: в уголовном процессе нет правоотношений между обвиняемым и потерпевшим – этих горизонтальных отношений нет, у каждого из них отношения только с государством. Концепция восстановительного правосудия опрокидывает это доктринальное представление и устанавливает, что жертвой является не государство, не правопорядок, а конкретный человек, который претерпел от преступления, и нужно выстраивать отношения между лицом, его совершившим, и фактической жертвой. Горизонтальные правоотношения между конфликтующими частными лицами (истцом и ответчиком) относятся к области гражданского права. Обязанность возмещения лежит на причинителе вреда. Аналогичным должен быть и ответ на преступление. А институционально, т. е. с точки зрения государственных и общественных институтов, необходимо обустроить условия, чтобы такое стало возможным, чтобы причинитель вреда смог восстановить ситуацию вот в этом самом правовом смысле.

Но такое приближение нового ответа на преступление к гражданско-правовой ответственности – только один аспект. В 70-е годы уже активно практиковалась медиация как альтернатива гражданскому процессу. Именно медиация является способом, при котором люди сами с помощью нейтральной третьей стороны разрешают свой конфликт. Медиация продемонстрировала возможность древнего способа разрешения конфликта в современных условиях.

С другой стороны, восстановительное правосудие не отрицает обстоятельства, что преступление – это класс деяний, требующий особого ответа. И общество в принципе солидарно с уголовным правом в осуждении насильственно-корыстных преступлений⁹, но все

⁹ Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002.

дело в неэффективности принятых способов – ни по отношению к преступнику, ни по отношению к обществу в целом, а жертва вообще оказывается за пределами внимания государственного ответа на преступление. Карательный способ игнорирует человека. Юридический способ не работает с людьми, он имеет дело с процессуальными фигурами. Поэтому не может работать с болью жертв, с тяжестью, которую таит в себе реальное осознание вины преступником, поэтому игнорирует личностные ресурсы людей и их способность нести ответственность, способность людей к пониманию, к изменению, способность ближайшего окружения стать источником помощи и принятия решений и проч. Следующий шаг в формировании восстановительного способа ответа на преступление – это *поворот к гуманизации*, т. е. разработка такой процедуры, которая возвращает конфликт людям. Программы примирения (или медиация) правонарушителя и жертвы и стали образцом новой гуманистической процедуры.

При том что сегодня выделяются разные модели медиации, можно выделить черты, присущие медиации как таковой:

- добровольность участия сторон;
- стороны сами принимают решение;
- нейтральность медиатора;
- роль медиатора – организация взаимодействия сторон;
- конфиденциальность процесса.

Гуманистическое тоже имеет свою трактовку и опредмечивается в определенных понятиях. Его содержание связано с гуманитарными концепциями и практиками и обретает определенный понятийный язык. Медиация, откликаясь на развитие гуманитарных, в первую очередь, психологических и психотерапевтических представлений, оказалась довольно чувствительной к восприятию соответствующего понятийного аппарата и способной к заимствованию из этих областей техник и приемов работы. В изданной в 1990 г. книге Х. Зера – базовой концептуальной работе в области восстановительного правосудия – современное карательное правосудие критикуется с точки зрения *игнорирования потребностей* жертвы и преступника. Понятие *потребности*, заимствованное из гуманистической психологии и психотерапии, оказалось в центре представлений о конфликте. До сих пор доминирующий подход в медиации,

ориентированный на достижение соглашений, рассматривает медиацию как «мощный элемент удовлетворения человеческих потребностей»¹⁰, и технология процесса строится как последовательность шагов по выявлению «подлинных» потребностей, стоящих за декларируемыми позициями конфликтующих сторон.

Другой источник содержательных характеристик программ восстановительного правосудия – религиозный. Ссылаясь на Библию, Х. Зер говорит: «Если преступление наносит людям вред, правосудие должно ставить целью восстановление справедливости, добрых отношений»¹¹. Что восстанавливается? – Справедливость. Понятие справедливости имеет, однако, разные трактовки, оно не специфично именно для восстановительного правосудия. Уголовное право тоже опирается на принцип справедливости, понимая его как соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (см. ст. 6 УК РФ). В концепции восстановительного правосудия справедливость рассматривается иначе – как восстановление добрых отношений, а это значит: исцеление жертвы и правонарушителя, ответственность правонарушителя и возмещение ущерба, восстановление мира в общине, восстановление отношений. Все это трактуется в языке потребностей, но в центре стоит *образ правосудия*: оно «должно начинаться с выявления человеческих потребностей и попытки их удовлетворить»¹². И к числу основных человеческих потребностей принадлежит стремление к справедливости¹³.

Идея потребностей оказалась в формировании процедуры медиации очень продуктивной. В медиации с использованием этого понятия и на основе полученных в виктимологических исследованиях знаний о переживаниях пострадавших от преступлений была выстроена процедура, исходившая из приоритета цели исцеления жертв¹⁴. Как бы кри-

¹⁰ Буш Роберт А. Бэрк, Фолджер Джозеф П. Указ. соч. С. 21.

¹¹ Зер Х. Указ. соч. С. 218.

¹² Там же. С. 223.

¹³ Там же. С. 219.

¹⁴ См.: Stutsman-Amstutz L., Zerh H. Victim Offender Conferencing in Pennsylvania's Juvenile Justice System, 1997. (Стутсман-Амстутц Л., Зер Х. Конференция жертвы и правонарушителя в системе ювенальной юстиции Пенсильвании: Пер. с англ. Архив центра «Судебно-правовая реформа».)

тически мы ни относились сегодня к персоноцентристским представлениям о человеческих потребностях¹⁵, мы вряд ли будем оспаривать, что в большинстве случаев жертвы «нуждаются в поддержке и чувстве безопасности»¹⁶ и т. п. Оперирование категорией потребности приводит Зера к тому, что задача правосудия состоит в исцелении как жертвы, так и преступника.

Такой уровень сложности задач, которые нужно было решать в программах примирения правонарушителя и жертвы, привел к их обозначению как *особого вида* медиации. Если сравнивать с моделью медиации, ориентированной на достижение соглашения, программы восстановительного правосудия делают акцент не на результат, а на процесс – процесс диалога, в котором только и возможно *восстановление нормальных взаимоотношений*. Кроме того особенностью разбираемых в медиации ситуаций, их эмоциональная нагруженность и необходимость установления доверительного контакта медиатора со сторонами привела к необходимости предварительной индивидуальной работы со сторонами до их общей встречи (что не практиковалось в медиации, ориентированной на достижение соглашения). «Доминирующая на Западе модель посредничества, нацеленная на достижение “соглашения сторон”, контрастирует с гуманистическим подходом, направленным на “диалог”, с его недирективным стилем посредничества, который обычно предусматривает встречи посредника с каждой из сторон в отдельности перед началом общей встречи»¹⁷. Такую медиацию Марк Умбрайт определил как *гуманистическую*, здесь на первый план выходит исцеление сторон, восстановление нормальных отношений. *Гуманистическая модель* посредничества, пишет Умбрайт, несет на себе дух гуманистической психотерапии, который «подразумевает безусловную способность каждого человека к трансформации, изменению и личностному росту»¹⁸. Применение этой модели Умбрайт не относит исключительно к области восстановительного правосудия, он рассмат-

ривает ее как общую модель медиации, применимую к разрешению самых разных конфликтов между людьми. Восстановительное правосудие взяло на вооружение эту модель медиации, поскольку она соответствует его ценностям, целям и типу ситуаций, с которыми имеют дело его программы.

Для обоснования гуманистической модели Умбрайт привлекает идеи трансформативной медиации, которая сегодня вычленилась как отдельная модель. Согласно *трансформативной модели*, «люди находят, что в конфликте самое важное – не то, что он лишает их возможности удовлетворения каких-то прав, интересов или достижения целей..., но то, что конфликт заставляет выбирать определенную манеру поведения по отношению к другим и к себе, которая им самим кажется неудобной и даже отталкивающей», «такое поведение лишает их собственной силы и ощущения связи с другими участниками конфликта, что разрушает и подрывает возможность нормального человеческого взаимодействия»¹⁹. Не удовлетворение потребностей, а трансформация взаимодействия сторон от деструктивного к конструктивному, наделение участников конфликта уверенностью в своих силах и обеспечение взаимного признания – вот основные черты трансформативной медиации. На уровне такого рода обобщенных формулировок вряд ли можно сказать, что указанные черты медиации противоречат гуманистической модели или нашей восстановительной модели. Однако перечисленным не исчерпываются характеристики восстановительной медиации, и примеры реализации трансформативной модели, приведенные в книге Фолджера и Буша, указывают на отличие процедуры от того, что делаем мы. Но с точки зрения восстановительной медиации, приведенные там примеры не столько противоречат нашему подходу, сколько, скорее, *частичны* относительно него.

В работах по восстановительному правосудию мы видим как в концептуальных текстах, так и в практических пособиях использование и иных категориальных представлений. Приведем фрагмент из пособия Л. Стутсман-Амстутс и Х. Зера: «Для того чтобы исцелиться, мы должны восстановить наши истории, создавая новые, учитывающие то ужасное, что произошло с нами...

¹⁵ См.: Уинслэйд Дж., Монк Д. Указ. соч.

¹⁶ Зер Х. Указ. соч. С. 223.

¹⁷ Умбрайт М. Гуманистический подход к посредничеству в разрешении конфликтов: путь преобразования, путь миротворчества // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 3. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. С. 88 (статья 1997 г.).

¹⁸ Умбрайт М. Указ. соч. С. 90.

¹⁹ Буш Роберт А. Бэрк, Фолджер Джозеф П. Указ. соч. С. 49.

Виктимизация, по существу, – это разрушение понимания и собственной значимости, так что новая история должна быть восстанавливающей. По мнению Шрайтера, за этим часто стоит пересказывание наших историй с целью восстановления значимости своего я. В процессе создания историй мы узнаем, что можем переносить боль, не сходя с ума»²⁰. Десять лет назад, не знакомые с нарративным подходом, мы не видели здесь того содержания, которое вычитываем сегодня, и тех процедур, которые можно использовать в процессе медиации исходя из нарративных представлений. Мы не можем утверждать, что в пособии использованы идеи нарративной медиации. Тогда она еще не оформилась в отдельную модель. Но нарративный подход интенсивно развивался в 90-е годы, когда было написано это пособие, и его язык получил распространение в гуманитарных дискурсах, придавая соответствующую акцентировку разным концепциям и практикам.

О нарративной медиации мы услышали в 2004 г. на тренинге по проведению программ восстановительного правосудия Винса Мерсера (Великобритания), который с восхищением упомянул книгу Уинслейда и Монка. Еще одно подтверждение, что и другие деятели восстановительного правосудия увидели в этом подходе идеи, близкие нашей практике, идеи, которые нужно попытаться включить в ареал восстановительных программ. В сам тренинг Мерсера проработка идей нарративной медиации не вошла. Да это и не было еще разработано в применении к программам восстановительного правосудия. А сегодня нарративный подход активно осваивается разными группами, которые проводят восстановительные программы²¹.

Если в предыдущих из упомянутых подходов модели медиации определялись онтологией человека, из которой вытекали представления о конфликтах, а коммуникация рассматривалась как метод их разрешения, то нарративный подход в качестве онтологической основы конфликта рассматривает не человека с его интересами, присущими ему потребностями и возможностями (силой), а саму коммуникацию (в социокультурном масштабе), в которой воплощается культурное и социальное разнообразие, неминуемо приво-

дящее к столкновениям. И в этом смысле коммуникация в медиации (в масштабе комнаты) в концентрированном виде воспроизводит различия в культурных дискурсах этой большой социокультурной ситуации и благодаря специальной организации процесса позволяет участникам увидеть конфликт со стороны, и себя в конфликте со стороны, а также по-новому увидеть и услышать партнера. И новые формы общения в медиации могут привести и к пересмотру потребностей.

Нарративный подход органично сочетается с восстановительной медиацией также благодаря культивированию неэкспертной позиции специалиста. У людей нет прямого доступа к истине, люди приносят на медиацию свои «истории», в которых конституируют себя, партнера, конфликт. И суть разрешения конфликта состоит не в том, чтобы выяснить, как все было на самом деле, а в том, чтобы с помощью медиатора стороны нашли в своей собственной жизни те ситуации и ресурсы, соединение которых дало бы возможность выстроить альтернативную, позитивную историю отношений, соединяющую прошлое и будущее. Центрация на отношениях между участниками конфликта и, в общем, центрация на процессе приводит, в конечном счете, к достижению соглашений.

Восстановительная медиация

Теперь обратимся к сформулированному в стандартах понятию восстановительной медиации:

«Восстановительная медиация – это процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости – о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций. В ходе восстановительной медиации важно, чтобы стороны имели возможность освободиться от негативных состояний и обрести ресурс для совместного поиска выхода из ситуации. Восстановительная медиация включает предварительные встречи медиатора с каждой из сторон по отдельности и общую встречу сторон с участием медиатора»²².

²⁰ *Stutsman-Amstutz L., Zerh H.* Указ. соч., 1997.

²¹ См. статьи Р. Максудова «Восстановительная медиация: на пути к разработке концепции» и А. Балаевой в этом выпуске.

²² Стандарты восстановительной медиации. Разработаны и утверждены Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации. М., 2009.

Мы видим, что понятие восстановительной медиации не столько противостоит перечисленным выше моделям, сколько обобщает, «снимает» разработанное в них содержание в контексте, который задается базовыми идеями восстановительного правосудия. В этих рамках развитие теории и практики восстановительной медиации идет по пути рефлексивного «собираения» теоретических представлений о человеке, о конфликте, о том, что значит разрешить конфликт. Наряду с перечисленными в наш понятийный багаж входят понятия из современных (точнее, переформатированных в современные) общинных форм решения проблем – Кругов: единение, целостность, забота, доверие и пр. По мере освоения новых подходов, предыдущие могут проблематизироваться, но все они оставляют свои следы. И то что для той или иной модели выступает как ее специфическое содержание, в теле восстановительной медиации берется в качестве средств, используемых наряду с другими средствами.

По мере освоения разных моделей медиации появляется и понимание, как работает восстановительная медиация с «симметричными» конфликтами (в семье, школе, между соседями), когда нет распределения ролей на обидчика и жертву. Все, в конечном счете, упирается в понимание тех же базовых принципов, которые в этом случае уточняются: исцеление всех, кто так или иначе затронут конфликтом; осознание всеми участниками вреда, причиняемого конфликтом; восстановление отношений; принятие ответственности за разрешение конфликта; выработка решений, направленных на компенсацию вреда, причиненного конфликтом, и пр. Такому уточнению мы обязаны, в первую очередь, нарративному подходу, который указал нам идею и методические ходы по «отделению конфликтов от людей», благодаря которым стороны конфликта начинают объединяться против самого конфликта.

Если вести речь о направлениях развития восстановительной медиации, здесь можно выделить несколько направлений.

Во-первых, средствальное обогащение за счет интерпретации и включения в практику восстановительной медиации способов работы, отработанных в других моделях. В ближайшей повестке дня стоит освоение наработок нарративного подхода и применение

элементов нарративной медиации к разрешению криминальных конфликтов. Необходимо, в частности, специальные разработки, касающиеся понятия ответственности, поскольку понимание природы конфликтов как детерминированных извне, из культурных дискурсов, проблематизирует привычные моральные представления о вине и личной ответственности. Во-вторых, освоение новых форм работы с участниками конфликтов и криминальных ситуаций. В-третьих, выход на новые типы конфликтов и не освоенные пока области использования медиации.

Но главным мне представляется развитие «в глубину» самого восстановительного подхода, выявление новых содержательных пластов его базовых идей. Здесь я дам некоторые комментарии.

Основные ценности и направленность восстановительного правосудия – исцеление жертвы и ответственность правонарушителя – остаются в нашей практике скорее ориентирами и, в меньшей степени, достигаемыми результатами. И если, по крайней мере в теоретическом плане, проблематика жертвы имеет существенные наработки и нужно развивать практический пласт работ в этой области, то тема ответственности несовершеннолетнего правонарушителя (а именно с этой категорией мы работаем) остается во многом непроработанной и теоретически и практически. Что мы имеем в виду под осознанием и ответственностью? Осознание причиненного вреда – это ведь не просто объективная оценка некоего ущерба. Осознание правонарушителя – это осознание собственной вины, понимание, что это вред, причиненный тобой, исходящий от твоего поступка. Но ведь действительное осознание вины – невыносимый груз даже для взрослого. Поэтому самооправдание – это естественный психологический выход из ситуации, чтобы как-то справиться с ней, и в этом смысле самооправдание – не обязательно осознанная стратегия. Мы всегда ищем причины, почему вынуждены были поступить именно так, а не иначе, даже если со стороны наш поступок выглядит не очень хорошим. Возможно, чтобы лучше понимать тех, с кем мы работаем, нужно внимательнее относиться к собственным переживаниям.

И снова обратимся к классике описания программ восстановительного правосудия – к пособию Зера и Стутсман-Амстутс. В этом пособии представлен материал Джанет

Шмидт (Служба медиации в городе Уиннипег, штат Манитоба, Канада), где дается описание стадий, которые проходят правонарушители, прежде чем достичь осознания и раскаяния. После первой стадии – отрицания – «правонарушители испытывают угрызения совести. Они начинают осознавать, что причинили зло. Тем не менее, они приводят оправдания своих поступков с комментариями “да, но...”. Нависшее над ними обвинение может усилить чувство сожаления. На этой стадии правонарушители в состоянии признать свои поступки, но все же настаивают на обстоятельствах, которые “привели” их на этот путь. Правонарушители ищут “быстрого решения”, чтобы поскорее забыть происшествие.

Третья стадия называется *раскаяние*. Именно тогда правонарушители серьезно рассматривают свое поведение и добровольно берут всю ответственность за содеянное без всяких оправданий. На этой стадии правонарушители испытывают собственную боль, так как осознают, какую боль причинили другому человеку. Им необходимо не только выплатить компенсацию, им также необходима помощь, чтобы изменить свое поведение, чего бы это ни стоило ...

На четвертой стадии возникает искреннее желание попросить прощения. Хотя правонарушители могут почувствовать облегчение, выразив свое сожаление на стадии угрызения совести, на четвертой стадии у них возникает желание попросить прощение без всяких оговорок.

... Медиаторы должны помочь правонарушителю перейти в стадию *раскаяния*. Маловероятно, что правонарушитель, войдя в

процесс медиации с угрызениями совести, осознает всю глубину этой стадии за два часа медиации. Тем не менее возможно подвести правонарушителя к началу третьей стадии и помочь вступить в нее. Медиатор должен не только задавать нужные вопросы, он должен быть готов вступить в сферу сильных эмоций. Процесс покаяния очень труден. Многим медиаторам нелегко устоять перед желанием избавить правонарушителя от этой бури чувств и полной сосредоточенности правонарушителя на недопустимости своих действий»²³.

Возможно, подобное стадийное описание чересчур «научно» и схематично, оно в определенной мере оторвано от деятельности медиатора, от контекста взаимодействия с пострадавшим, от диалога. Но описание помогает снова вернуться к вопросу о целях и средствах нашей работы, о времени, необходимом для проведения программ, и темпе (не торопимся ли мы сами?), о той степени глубины, которой хотим достичь, о том, что считать завершенной медиацией, и пр. И именно необходимость дальнейшего освоения базовых идей восстановительной медиации заставляет развиваться, привлекать новые представления, теории, процедуры. Остается также много вопросов и по работе с жертвами, так что выход на новые области отнюдь не означает, что в сфере медиации правонарушителя и жертвы уже все сделано, все понятно и технологически обустроено.

Принятие стандартов восстановительной медиации – очень важный этап ее становления. Зафиксировав достигнутый уровень работ, можно двигаться дальше.

²³ Stutsman-Amstutz L., Zerh H. Указ. соч.

Антон Коновалов

ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ

Esse quam videri

Быть, а не казаться (лат.)

В последнее время мы все больше задумываемся о связке служб примирения и воспитания. Службы примирения ставят целью решение конфликтов через восстановительную медиацию, они не занимаются воспитанием (или перевоспитанием), но при этом в ходе медиации наблюдаются воспитательные эффекты. Во-первых, участие в медиации обращает внимание людей на важные ценности (принятие ответственности, уважение к другим людям, понимание и т. д.) и, во-вторых, наличие службы примирения в школе вынуждает педагогический коллектив выразить свое отношение к происходящему в службе примирения. Педагоги выражают свое согласие или несогласие с принципами и ценностями восстановительной медиации, даже если сами не являются участниками конфликта. Однако часто и у конфликтующих сторон, и у взрослых, работающих в службе примирения, при обсуждении принципов и ценностей медиации постепенно начинает меняться точка зрения: они начинают принимать и поддерживать идеи, принципы и ценности восстановительной медиации. Можем ли мы говорить, что в этом случае происходит воспитание?

Сейчас мы рассматриваем службу примирения как команду детей и взрослых, которая привносит в школьное пространство идеи и ценности восстановительной медиации через разные формы (проведение медиаций и Кругов сообщества, презентации, тренинги по медиации и коммуникации, обсуж-

дение с педагогами, родителями и ровесниками и т. д.). При этом команда службы примирения часто испытывает несогласие или противодействие со стороны людей, придерживающихся других точек зрения¹.

Проблемы школьного воспитания

В чем сложность построения воспитательного процесса в школе? На наш взгляд, существует несколько причин.

1) Школа подменяет цели воспитания удобными для себя «внутренними» целями. «Воспитанным» называют дисциплинированного ученика, удобного учителю. Существует ориентация на воспитание как послушание, внимание к учителю, прилежание. Воспитывается важность оценки учителем, правильность ответа. Однако при попадании в реальную жизнь бывшие хорошие ученики обнаруживают, что им для успешности требуются совсем другие знания, навыки и представления, чем полученные в школьной системе образования². История знает примеры, когда непослушными в школе учениками позже гордилась страна. (Для постановки действительно воспитательных целей требуется представление о социальной ситуации, в ко-

¹ Хотя, может быть, чем больше неприятие службы примирения в какой-то школе, тем больше служба примирения этой школе и нужна?

² Например, ведение переговоров, ответственность за работу, работа в команде, умение видеть связь между явлениями и пр. См., например, сайт www.shsd.ru.

торой будут взаимодействовать выпускники школы после ее окончания, то есть на 5–7–10 лет вперед³).

2) Ориентация на воспитание как поддержание дисциплины приводит к мысли, что педагогика должна быть бесконфликтной. Учителей, у которых в классе конфликты, считают недостаточно квалифицированными, в результате чего учителя стремятся конфликты скрывать. Хотя вроде бы конфликт заложен изначально: ребенок приходит в школу, сталкивается с определенными требованиями (взрослых и ровесников), которые ему приходится выполнять часто против его желания (или отстаивать свое мнение).

3) Для решения воспитательных (точнее, дисциплинарных) задач в школу приглашаются все новые специалисты: психологи, социальные педагоги, уполномоченные по правам участников образовательного процесса, школьные инспекторы и т. д. Возникает идея тестирования⁴, обследования и опеки вместо участия в судьбе подростка. Хотя в зависимости от стиля коммуникации, сложившегося со взрослым контакта, отношения к ребенку, один и тот же ребенок может предстать совершенно разным. В итоге все больше усиливается роль юридических и психологических знаний, объясняющих ситуацию, которые замещают собой понимание ситуации, в которой оказался подросток.

4) Результат воспитания будет зависеть от того, какие образцы поведения демонстрируются воспитанникам в реагировании на проблемную или конфликтную ситуацию, а не от тех слов, которые им говорят. К сожалению, много раз мы сталкивались с ситуацией, когда на словах утверждались одни ценности и принципы, а на деле «транслировались» другие.

В одной из школ, где происходила травля девочки одноклассниками (с применением силы), администрация отказалась от предложения медиатора помочь решить конфликт путем переговоров под предлогом, что у администрации школы хорошие контакты с милицией, к которой они обратятся, и что все можно решить, если надавить на родителей. А уж родители «пристрелят» своих детей.

³ См.: Щедровицкий Г. П. «Система педагогических исследований» // «Педагогика и логика». Касталь, 1992.

⁴ Из ответа школьного психолога: «Когда я пришла в школу, то не знала, что мне делать, поэтому решила всех протестировать, чтобы потом общаться с учителями. Сейчас у меня нет времени на создание службы примирения, поскольку надо проверить все эти тесты».

Обратите внимание на схожесть поведения детей и администрации. Как только возникает сложный случай (например, аутсайдер в классе), и та и другая стороны обращаются к насилию. Только дети это делают непосредственно, а администрация официально, с помощью милиции и родителей. И те и другие не берут на себя ответственность за решение ситуации, не считают ее своей.

И пока школьники видят у взрослых силовой, насильственный путь решения проблем (не только видят, но и чувствуют его результаты на себе), странно думать, что они будут проявлять человеколюбие, толерантность и взаимопонимание. Скорее всего, подростки станут травить сверстника чужими руками или объявят бойкот.

Другой пример.

Педагог рассказывает: «У меня в группе были две девочки, конфликтующие между собой. Девочки очень способные, но когда они обе присутствовали на занятиях, они постоянно мешали друг другу и всем окружающим, что нередко приводило к срыву занятия».

На вопрос, почему она не провела медиацию, о которой знала, педагог ответила: «Но ведь на это нужно время, а у меня занятия, я не могу отвлекаться».

«Впрочем, – добавила она, – я эту ситуацию уже решила: теперь эти девочки ко мне не ходят».

Какие ценности демонстрируют такие педагоги? Убрать «неудобного»?⁵ Еще пример.

В одной из «школ здоровья», где детям запрещают курить, курят 60 % педагогов. Естественно, объяснению о вреде курения дети не верят, разговоры, что «до 18 курить нельзя, а там как хотите», вызывают у них усмешку, а запрет и наказания за курение – обиду. Рассказ ребят об этом конфликте вызвал бурные обсуждения на тренинге о соответствии педагогов тем ценностям, к которым они призывают.

Думается, что вреда от такой «двойной морали» больше, чем от самого курения, поскольку подрывает веру подростков в справедливость взрослого мира.

Попробуем высказать идею воспитательного процесса в связке с восстановительной медиацией.

⁵ Педагогу бывает сложно прервать учебный процесс и заняться воспитанием, но тогда ему нужно кооперироваться с другими специалистами, например, с медиаторами школьной службы примирения.

Развивающее воспитание

Под воспитанием понимаются разные представления, которые считается необходимым привить подрастающему поколению (физическое воспитание, эмоциональное воспитание, патриотическое воспитание, с недавнего времени – экологическое воспитание и пр.). Для этого проводятся акции, мероприятия, недели, месячники, создаются различные органы и т. д. Но давайте выделим из всего многообразия часть воспитания, связанную с человеческими отношениями, и задумаемся, как можно ее поддержать, укрепить и развить.

Для дальнейшего описания нам необходимо понятие «проблемной ситуации», к которому мы будем часто обращаться. Словарь социальной психологии определяет **проблемную ситуацию** как «содержащее противоречие и не имеющее однозначного решения соотношение обстоятельств и условий, в которых разворачивается деятельность индивида или группы». То есть в такой ситуации нет однозначного решения, поскольку существующие способы решения не подходят или приведут к нежелательным последствиям, и конструктивные выходы еще требуется найти.

Для аналогии посмотрим на развивающее обучение. Одна из основных идей развивающего обучения связана с тем, что для подростка создается учебная ситуация, в которой у него пока нет средств к ее решению. Пытаясь найти эти средства, он может обратиться к аналогичным случаям, может обсудить вопрос в команде для выработки группового решения, в некоторых случаях обратиться за помощью к взрослым. То есть акцент воспитания делается не на передаче знания, а на самостоятельной выработке знания (пусть и в специально организованной педагогом ситуации).

А можно ли создать **воспитательную ситуацию**? На наш взгляд, есть множество примеров, когда такие ситуации создавались и приводили к успеху. Например, некоторые тренинги (например, «веревочный курс») также создает серию конфликтов и проблем, которые требуют от участников нестандартного решения и совместного выполнения.

Но в реальности, как только у подростков возникает настоящая значимая для участников ситуация (конфликт), большинство педагогов вместо того, чтобы видеть в ней потенциал к воспитанию и развитию, стара-

ются ее «заглушить»⁶. На наш взгляд, конфликт можно и нужно использовать в процессе воспитания, и роль педагога заключается в том, чтобы увидеть в нем педагогическую ситуацию и помочь участникам самим найти ее решение.

Воспитание как трансляция ценностей

Наиболее ярко личность (как результат воспитания) проявляется как раз в проблемных ситуациях, где требуется нравственный выбор, а если все «гладко», то нет места для проявления личности.

На одном из последних тренингов медиаторов-школьников в группе присутствовал мальчик, который в первый день разрушал весь тренинговый процесс. Говорил все невпопад, отвлекал, смялся, довел группу до конфликта и противостояния: «выгоните его, либо он остается, либо мы». Сказали, что этот мальчик ужасно ведет себя на уроках, что учителя не знают, что с ним делать. Все это время мне приходилось терпеливо объяснять, что желание применить силу (даже административную) и выгнать кого-либо – не мой путь, надо искать такое решение, которое устроило бы всех. К вечеру решение было найдено: мы разделились на подгруппы, и нашлись ребята, готовые работать с ним.

На следующий день мальчик пришел на тренинг в спокойном состоянии и проявил себя неплохо в роли медиатора. На вопрос, что изменилось с прошлого дня, он ответил: «А я всегда новых педагогов проверяю». После тренинга я задумался, а что именно ученики проверяют в педагогах? Наверное, чтобы слова не расходились с поступками. Одно дело говорить о дружбе и понимании, и совсем другое – демонстрировать и проявлять дружбу и понимание там, где это делать сложно.

Как люди ведут себя в сложной, конфликтной ситуации? В ходе обсуждения на тренингах удалось выделить несколько типов реагирования.

1) Действуют по привычке, по тем шаблонам, которые у них есть. Если инициатора конфликта не остановить (порой и с применением административных мер), он и дальше будет совершать плохие поступки. Но ведь после «остановки» административными мерами работа должна только начинаться, а на практике зачастую этими мерами все и за-

⁶ Должна ли воспитательная ситуация находиться в зоне ближайшего развития ребенка – то есть некоторые ситуации он может решить сам, некоторые только вместе со взрослым, а некоторые находятся за пределами этой зоны. Возможно, нам стоит посмотреть на конфликты и криминальные ситуации в школе как на зону ближайшего развития несовершеннолетнего в воспитательной ситуации?

канчивается. Сами административные действия обычно сводятся к наказанию или к угрозе наказания, а также к морализаторству и пояснению нарушенных правил, законов, уставов. Такая реакция взрослых чаще приводит к запугиванию, чем воспитанию. Такой стиль взаимодействия взрослых и детей мало помогает осознанию, пониманию негативных последствий поступка и не способствует принятию на себя обязательств по исправлению ситуации. Скорее, наоборот: ребенок отгораживается от болезненной для него ситуации, ищет самооправдание своим действиям, хочет все забыть.

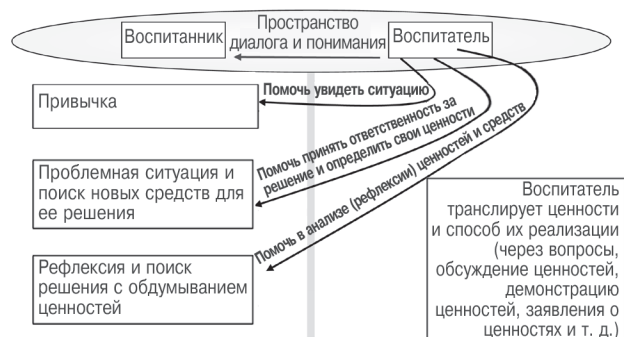
2) Начинают искать способы решения конфликта исходя из своего опыта или из опыта значимых для них людей. Для подростка это могут быть родители, близкие, ровесники, герои книг, фильмов и т. д. Если эти способы не срабатывают (приводят к нежелательным для него последствиям), нужны новые подходы, скорее всего, не из знакомых и привычных источников. Но если в школе и своем окружении подросток видит только примеры насилия, угрозы наказания, манипуляции, смесь юридических и психологических представлений, то ему просто неоткуда взять ИНЫЕ образцы поведения, иные ценности, иные подходы к решению проблемы. А если при этом у него еще отсутствует коммуникация и от сильных негативных переживаний представления о произошедшем сжимаются и вытесняются из сознания, нахождение новых и конструктивных способов реагирования маловероятно.

Приведу пример. Подросток, совершивший правонарушение, оказывается в проблемной ситуации и пытается найти из нее выход привычным или принятым у друзей способом: попытаться обмануть взрослых, отмолчаться, пригрозить потерпевшему. Но если эти способы не срабатывают или приводят к нежелательным последствиям и если при этом подросток признает наличие у него проблемной ситуации, есть шанс найти выход из положения, начать обсуждать другие способы решения, другие принципы и ценности. Это может сделать медиатор в ходе медиации, хранитель на Кругах сообщества и в дальнейших переговорах.

При этом подчеркну, что сама проблемная ситуация уже есть, и благоприятный момент для воспитания сложился естественным образом. И вместо того чтобы использовать его, администрация школы чаще нацелена на

угрозы наказанием или на то, чтобы «заглушить» конфликт.

3) Сами участники готовы проанализировать конфликтную ситуацию и начинают искать конструктивные выходы из нее. Итогом такой систематической работы становится то, что подростка уже не надо запугивать администрацией, направлением на КДН и пр., чтобы он остановился и задумался о совершенном им поступке. Теперь для анализа ситуации и рефлексии ему уже не нужна помощь воспитателя или медиатора. Он может сам проанализировать случившееся, подойти к другому, поговорить и уладить проблему. Как нам говорили ребята через некоторое время после участия в медиации: «Мы поняли, что другого можно слушать».

Воспитательная деятельность начинается с установления контакта и построения пространства для диалога и понимания. К сожалению, этому важнейшему этапу не учат в педагогических и психологических институтах. Например, не единожды работники школы нам говорили: «С этим подростком/родителем разговаривать бесполезно, и даже не пытайтесь», но мы как медиаторы приходили к людям, организовывали диалог, и нередко это завершалось примирительной встречей.

При работе воспитателю важно учитывать самостоятельное движение подростка к изменению ситуации. Это могут быть его предложения по решению проблемы, его внутренний процесс осознания случившегося, который требует времени.

Роль восстановительной медиации в воспитании

Посмотрите, насколько такое представление о воспитании близко работе медиатора. Причем медиатор работает с уже имеющимися ситуациями, ему не надо их создавать. В ходе медиации и Кругов сообщества

могут возникать разные воспитательные эффекты, например:

- подростки начинают строить коммуникацию, слышать себя и другого. И многие из них в дальнейшем в подобных ситуациях применяют освоенные в ходе медиации способы взаимодействия, не давая конфликту разгореться;
- в нашей культуре не принято говорить о чувствах, поэтому часто люди их не высказывают, а выражают в виде оскорблений, упреков и прочего вплоть до насилия. Подростки в ходе медиации начинают понимать и принимать свои чувства и чувства других участников ситуации (такие, как стыд, страх, обида, злость и прочее), высказывать в корректной форме свои чувства, называть их, избавляться от их негативного влияния;
- подросток в ходе медиации учится принимать на себя ответственность (за исправление всех негативных последствий своего поступка). Например, многие родители решают все сложные ситуации за подростка, поэтому он или инфантилен, или, наоборот, разрушает все вокруг себя, не чувствуя никакой ответственности, а медиация сфокусирована на принятии ответственности подростком;
- анализ (рефлексия) произошедшего события с разных точек зрения и разных позиций. В сознании большинства подростков болезненный опыт «схлопывается», вытесняется или воспринимается как нечто не зависящее от самого подростка. На медиации же подросток обсуждает следующее: как событие разворачивалось во времени, к каким последствиям привело, как к этому отнеслись разные люди (родители, друзья, учителя и т. д.), какие чувства испытывал он и остальные участники ситуации, что, на его взгляд, чувствует и хочет вторая сторона конфликта, какие он видит выходы из ситуации и к каким последствиям они приведут;
- планирование подростком своего будущего и поиск поддерживающего окружения;
- подросток вступает во взрослые, ответственные отношения с людьми (с родителями, другими участниками конфликта, друзьями и т. д.);
- подросток больше узнает о жизни, о других людях (кто что любит, чем интересуется, что для кого представляется

значимым и что беспокоит) и часто раскрывается сам, устанавливая неформальные отношения;

- для подростка в какой-то степени становятся значимыми такие ценности, как уважение и внимание к другому человеку, управление своей жизнью.

Как уже говорилось, служба примирения – это команда ребят и взрослых, которая транслирует в школе определенные ценности конструктивного взаимодействия. Основной способ трансляции у службы примирения – это, разумеется, медиация и Круги, в ходе которых реализуются ценности восстановительной медиации и ситуация меняется в лучшую сторону. Второй способ – это коммуникация с людьми в ходе презентаций и обсуждений, например: «Почему эту конфликтную ситуацию не передали в Службу примирения»⁷? Круги сообщества и другие формы работы по разрешению конфликтных ситуаций постепенно насыщают школу ценностями восстановительной медиации. Часто это вызывает неприятие, сопротивление, недоверие и непонимание значительной части педагогического коллектива. Но без смены установок и ценностей не будет и серьезных изменений в школе.

Тема ценностей в подготовке медиаторов

Обсуждение ценностей мы часто начинаем на тренинге по медиации и продолжаем на тренинге по Кругам сообщества. Часто ребята впервые задумываются над следующими вопросами: «Какие ценности передаются в вашей семье?», «В каких случаях это происходит?», «Как вы передаете и можете передавать их другим?» и т. п.

Подростки обсуждают это дома с родителями. Нередко оказывается, что в семьях есть свои ритуалы для обсуждения ценностей (например, отец с сыном забирались под крышу деревенского дома и там по вечерам подолгу разговаривали)⁸.

⁷ Типичные ответы: «Эта ситуация слишком сложная!» – тогда можно задать вопрос: «А почему не попробовали?»; или: «Ситуация слишком простая» – тогда вопрос: «Почему не дали возможность подросткам решить ситуацию самим?».

⁸ Хотя бывали и казусы. Так, одной девочке на вопрос: «Как передаются ценности в нашей семье?» мать ответила: «Не бойся, дочка, я умру – все твое будет». Может, это говорит о том, что тема ценностей в некоторых семьях не обсуждается?

Затем мы просим участников тренинга обсудить, какие ценности они будут удерживать как медиаторы службы примирения. Вот для примера два варианта предложенных медиаторами ценностей из разных школ Москвы:

Медиаторы школы 1429	Медиаторы школы 1062
Дружеское общение	Уважение
Дружелюбие	Сочувствие
Терпимость к другому	Понимание
Уважение	Умение слушать
Вера в возможности другого человека	Ответственность
Вера, что нет неразрешимых ситуаций	Готовность договариваться
Доверие и конфиденциальность	

Вопрос, требующий дальнейшего прояснения: каким образом ценности сначала транслируются от тренеров к Службе примирения, затем от Службы примирения – к участникам конфликта и администрации, а от них постепенно к другим педагогам и школьникам? И как способствовать проявлению и удержанию ценностей?

Как обсуждаются и формируются ценности воспитания у самих педагогов? Есть ли в педагогическом коллективе пространство для вдумчивого и дискуссионного обсуждения ценностей или, скорее, делается вид, что все понятно и все со всем согласны?

С одной стороны, ценности воспитателя требуют осмысления и обсуждения отношений того будущего общества, в котором будут жить и действовать его воспитанники через 5–10 лет⁹, осмысления будущего, тенденций развития страны и т. д. С другой стороны, речь идет не об обсуждении ценностей, которые нужно передать детям (слиш-

ком часто мы хотим, чтобы другие делали то, что мы сами в своей жизни не делаем), а о личных ценностях взрослых и как они проявляются в школе (особенно в проблемных для взрослых ситуациях).

Некоторые способы группового взаимодействия, превратившиеся в стереотипы, требуют переосмысления. Например, одним из привычных способов принятия группового решения является голосование, считающееся «демократичным», в то время как, с точки зрения ценностей восстановительной медиации, решение должно быть принято всеми и с учетом понимания ситуации каждого. В ходе медиации такой способ принятия решения реализуется, хотя он обычно требует большего времени¹⁰, чем привычное голосование.

Поддерживает воспитательный процесс проведение «аналитической беседы» с участниками медиации через определенный промежуток времени после того, как медиация состоялась. В ходе аналитической беседы обсуждаются такие вопросы: «Что важного для себя вы поняли после медиации (оцените по прошествии времени)?» или «Применяешь ли в жизни то, что узнал на медиации»? и т.д., что дает участникам возможность проанализировать опыт, полученный в процессе медиации, и выделить значимые для себя моменты¹¹.

Связка школьных служб примирения с воспитанием может дать толчок к новому этапу развития служб примирения и к пересмотру воспитательных практик и ценностей в учреждениях системы образования. Если нам удастся разработать воспитательную практику, которая более точно отражает многообразие современного мира и несет в себе ценности восстановительной медиации, это будет большим шагом вперед.

⁹ Этими вопросами занимаются футурологи, организаторы ролевых игр, организаторы форсайт-проектов.

¹⁰ В Тюмени нам рассказали, как в одной сельской общине обсуждали место для рытья колодца, предварительно договорившись, что решение будет принято, только если все с ним согласятся. На принятие такого решения потребовалось полтора года, но зато люди начали слышать и понимать друг друга.

¹¹ Также см.: *Максудов Р.* Укрепляя доверие: что могут сделать для России школьные службы примирения // Школьные службы примирения. Идея и технология. М.: МОО Центр «СПР», 2009.

Надежда Ефремова

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)

В современных условиях поиска путей совершенствования отечественного правосудия немаловажное значение имеет опыт становления и развития его организации. Этой теме посвящена обширная историография. Одной из проблем в создании надлежащей модели правосудия является гармонизация соотношения частного и публичного права в процессе разрешения конфликтов. В этой связи весьма интересным является институт примирения, к которому на протяжении всей истории человечества, вероятно, еще до возникновения государственного суда, обращались люди. Учитывая многогранность этой проблемы, выберем один из ее аспектов – исторические этапы и формы примирения с потерпевшим в российском дореволюционном уголовном процессе в контексте признания его носителями государственной власти.

Как известно, в уголовном процессе преобладает публичное начало, что обуславливает включение его в сферу публичного права. Это, однако, не исключает наличия в нем и частного начала, которое в различные эпохи, характеризующиеся особенными социально-экономическими и идеолого-политическими условиями в целом, а также пропорциональностью соотношения защищаемых правом частного, общественного и государственного интересов в частности, получает большее или меньшее значение. История уголовного процесса в отечественной и зарубежной юстиции начиналась с господства в нем частного начала и нераздельностью видов процесса, иначе говоря, совпадением уголовного с гражданским. Главной целью юридической ответственности, в том числе наказания, было

возмещение вреда – морального, физического или материального.

Институт примирения встречается уже в памятниках древнерусского права. Так, уже по Русской Правде (XI–XII вв.) виновный за причинение смерти другому лицу (без отягчающих обстоятельств) привлекался к уплате штрафа (виры) и к головномучеству – возмещению ущерба родственникам убитого. Тем самым преступник избавлял себя от кровной мести со стороны последних. По-видимому, члены семьи убитого, принимая плату и отказываясь от мести, фактически прощали убийцу и примирались с ним.

Исследователи полагают, что и другие случаи примирения с потерпевшим при наличии воли последнего известны во времена Русской Правды, однако его формы законом не регламентировались. Псковская Судная грамота (по мнению И. Д. Мартысевича – между 1462–1471 г.¹) уже прямо говорит о прощении или примирении. Например, Псковская Судная грамота в ст. 80 предусматривала возможность примирения сторон – «решения дела миром» в случае драки. Об этом говорилось так: «промеж себе прощенье возьмут», – вследствие чего преступник освобождался от наказания.

Возможность решать дело миром предусматривалась ст. 37 Псковской Судной грамоты и на завершающей стадии процесса: если в ходе судебного поединка – «поля» бойцы «толко прощение возьмут, ино приста-

¹ См: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984–1994. Т. I. М., 1984. С. 329 (далее – Российское законодательство...).

вом по 3 деньги, а князю продажи нет, оже истец чего не возможет»². Таким образом, в случае мировой сделки пошрины уплачивались в половинном размере, тогда как полный – это 6 денег в пользу пристава. Штраф в пользу князя в этом случае не уплачивался, т. е. ответственность не наступала, наказание не устанавливалось.

Следует заметить, что судебный процесс по желанию тяжущихся мог быть прекращен на любой стадии: пред «полем», в ходе «поля». Вместе с тем Псковская Судная грамота выделяет перечень преступлений, по которым освобождение от ответственности, в том числе и на основании примирения, не допускалось. В ст. 7 было установлено: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигальнику тем живота не дати³». Следовательно, за наиболее тяжкие преступления: кражу из Кремля, конокрадство, измену и поджог – безальтернативно назначалась смертная казнь.

Аналогичная изложенной в ст. 80 Псковской Судной грамоте норма содержалась в Двинской уставной грамоте (1397–1398 гг.), причем примирение сторон происходило до обращения в суд.

В ст. 3 предусматривалось: «А учинится бои в пиру, а возмут прощение, не выида ис пиру, и наместником и дворяном не взяти ничего; а вышед ис пиру возмут прощение, ине наместникам дадут по кунце шерстью»⁴. Во втором случае указанного деяния (при обращении к судье) речь идет о начальной стадии процесса, следовательно, об освобождении от наказания ввиду примирения можно говорить только до вынесения судебного решения, однако пошлина судье полагалась. Размер штрафа, предусмотренный этой статьей, составлял половину стоимости иска. По мнению Е. А. Симоновой, это «свидетельствует о материальной природе рассматриваемых норм» и об отсутствии уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных субъектов⁵.

Так же и Судебник 1550 г. допускал примирение сторон до начала «поля» – судебного поединка. Эта процедура уже облага-

лась особой пошлиной: «А досудятся до поля, да не став у поля, да помирятся, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку, и подьячому, и неделщику пошрин полевых не имати» (ст. 9)⁶. А в ст. 10, предусматривавшей примирение после начала поединка, – «А у поля став помирятся», порядок взимания пошрин не был регламентирован⁷, однако на практике пошлина взималась с обеих сторон: «Стояв у поля истец с ответчиком да помирятся, и им (недельщикам) с обеих пошрин имати 10 денег»⁸.

И предыдущий Судебник 1497 г. предусматривал примирение сторон как до обращения в суд, так и после начала судебного разбирательства, однако примирение считалось действительным только после утверждения его судьей и было также возмездным. Так, в ст. 53 Судебника 1497 г. было установлено: «А кто кого поимает приставом в бою, или в лае, или в займех и на суд ити не восхотят, и они доложат судии, помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче ездю и хоженного»⁹. Таким образом, наказание не назначалось, а уплата пошрин, связанных с началом дела, предусматривалась. Так, например, размер вознаграждения неделщика за проезд от Москвы до других населенных пунктов устанавливался в ст. 30 Судебника 1497 г. и составлял в зависимости от расстояния от 8 рублей (до Двины и Колмогор) до 10 алтын (до Дмитрова).

Вместе с тем в указанных памятниках права устанавливался круг дел, примирение по которым не допускалось, причем исторически перечень их расширялся. Например, в ст. 8 Судебника 1497 г. было установлено: «А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное лихое какое дело, и будет ведомо лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити из его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе»¹⁰. Очевидно, что в случае деяний, предусматривавших безальтернативное наказание – смертную казнь, исключалось примирение. При этом перечень деяний, исключавших освобождение от выс-

² Российское законодательство. С. 339, 335.

³ Там же. Т. 1. С. 332.

⁴ Там же. Т. 2. М., 1985. С. 181.

⁵ См.: Симонова Е. А. Примирение с потерпевшими в российском законодательстве и теории. // Под. ред. Б. Т. Разгильдяева. Саратов, 2004. С. 49.

⁶ Российское законодательство. Т. 2. С. 98.

⁷ Там же.

⁸ ААЭ Т. 1. № 225. С. 278 // Цит. по: Российское законодательство. Т. 2. С. 133.

⁹ Российское законодательство. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 55.

шей меры наказания, не был исчерпывающим, поскольку под «лихим делом» понималось любое деяние, посягнувшее на государством установленный порядок, а «ведомо лихой человек» – это рецидивист, т. е. уже совершивший ранее «лихое дело».

В следующем царском Судебнике 1550 г. перечень таких деяний и оснований увеличился: «розбой, или душегубство, или ябедничество», или «подписка» (подделка документов), или «иное какое лихое дело», или «ведомой лихой человек», подсудные суду боярина (ст. 59), или «татьба» и «иное какое лихое дело, опричь розбоа», подсудное наместнику или волостелю (ст. 60). Виновному назначалось наказание – смертная казнь, а возмещение приказных убытков и расходов (в случае суда боярина) было возможным лишь при наличии истца «статка», но в пользу судей и должностных лиц суда (боярин, дьяк, недельщик) «не имати ничего» из имущества казенного. Это положение, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, свидетельствовало о том, «что центральные суды гораздо ранее, чем провинциальные, потеряли все свойства кормлений»¹¹. Так, судьям – наместникам и волостелям и их тиунам – все еще полагалось вознаграждение в том случае, если после удовлетворения истца что либо остается у «лихово статка» (ст. 60). При этом, как отмечал Б. А. Романов, закон запрещал судьям искать своих доходов на истце при отсутствии у казенного ответчика имущества¹². А по мнению В. Н. Татищева, хотя разрешение судьям возмещать расходы за счет «статка» осужденного поощряло их должностное рвение, но в то же время на практике наносило «великий вред», поскольку «сребролюбивый судия, забыв закон божий, для своей корысти невинного осудит»¹³.

И хотя к XVII в. все еще сохранялись частные начала процесса, однако тенденция к их ограничению проявилась отчетливо. Так, в боярском приговоре от 23 февраля 1645 г. о прекращении дел о поличном в случае неявки в суд обвинителя в недельный срок было установлено: «Буде кто приветчи с поличным, а о указе бить челом не учнет неделю, и тем отказывать против того же государева

указу, хто х кому, пристава и не учнет искать неделю»¹⁴.

Как установил Л. Н. Лянго, уже 9 июня 1645 г. был издан Указ о запрещении заключать мировые с разбойниками помимо суда, за нарушение которого к истцу (потерпевшему) применялись штрафные санкции – «и... татем и разбойником Указ чинить по прежнему Уложению, хто чего доводится; а исцом за то пеня чинить, смотря по делу»¹⁵.

О примирении говорилось и в Соборном уложении. Так, например, в ст. 121 оно предусматривалось до начала процесса – «до совершения судных дел» и в ходе процесса, до его окончания – «до вершенья судного дела». В первом случае истцы и ответчики должны были представить суду «мировые челобитные за своими руками» (т. е. подписью). Если же они этого не сделают, то необходимые пошлины следовало взыскать с поручителей. Обязательность пошлин сохранилась со времен Судебников: ст. 4 Великокняжеского и ст. 9 Царского. Кроме того, ст. 154 Соборного уложения запрещала повторный пересмотр дела, завершеного примирением сторон, предусматривая за повторный иск телесные наказания: «бить батоги, чтобы ему и иным таким, на то смотря, неповадно было так делать»¹⁶. Интересная норма содержалась в ст. 184 Соборного уложения: в случае совершения «обиды» группой лиц потерпевшему примирение последнего с одним из обидчиков не освобождает от суда остальных¹⁷. Следовательно, лица, связанные единством ответственности, могут выступать в деле самостоятельно. Признание иска одним из соответчиков не предрешает, таким образом, исхода дела в целом. Так же как и Судебники, Соборное уложение не допускало примирения с «лихими» людьми, совершившими тяжкие уголовные преступления, например, разбой.

В законодательстве Петра I примирение стало исключением, зато правилом стал донос. Основанием для исключения были дея-

¹¹ Памятники русского права. Выпуск четвертый. М., 1956. С. 301.

¹² См.: Судебники XV–XVI вв. М.-Л., 1952. С. 250–251.

¹³ См.: Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 311.

¹⁴ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты // Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. С. 222 // Цит. по: Лянго Л. Н. Примирение с потерпевшим, его уголовно-правовое и процессуальное значение: исторический анализ // Проблемы права и социологии. Межвузовский сборник научных статей. Волгоград, 2002. Вып. 2. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 215 // Цит. по: Лянго Л. Н. Указ. соч. С. 20.

¹⁶ Российское законодательство. Т. 3. М., 1985. С. 117, 126.

¹⁷ Там же. С. 132.

ния, осуждение за которые возможно было лишь по частному обвинению. Так, например, ст. 170 Артикула Воинского, утвержденная 26 апреля 1715 г., предусматривала случай примирения, придавая ему значение смягчающего вину обстоятельства и не освобождавшего от наказания. В официальном толковании к статье говорилось: «Ежели невинной супруг за прелюбодеющую супругу просить будет, и с нею помиритца... то мочно наказание умалить»¹⁸. Интересно, что равным указанному смягчающему вину основанию было то, что «прелюбодеющая сторона может доказать, что в супружестве способу не может получить телесную охоту утолить»¹⁹.

Так же как и в законодательстве предшествующего «московского периода», были установлены составы, примирение по которым не допускалось, список их возрастал: это и измена, и умышленное убийство, и другие тяжкие преступления.

В законодательстве Екатерины II в духе просветительских гуманистических идей было предусмотрено примирение по особым категориям дел, подсудным Совестному суду, однако это уже относилось лишь к гражданским спорам, где примирительный порядок был регламентирован и предусматривал возможность участия посредников²⁰.

Вместе с тем положения о примирении уголовного законодательства Алексея Михайловича и Петра I оставались действующими. Однако в условиях изменения взглядов законодателя на сущность преступления и определением его не только как вреда, причиненного частному или публичному охраняемому интересу, но и как посягательства на верховную абсолютную волю неограниченного во власти монарха, выраженную в законе, наказание стало осуществляться в интересах, прежде всего, публичных, а не частных, вследствие чего сфера примирения стала сужаться. К тому же, как отметил А. Ф. Бернер, примирение стало возможным «тем реже и исключительнее, чем чаще и обильнее делалась повинность доноса»²¹.

Аналогично характеризовал ситуацию и классик российской уголовно-правовой доктрины А. Лохвицкий: «Преступление потеряло частный характер; оно признается поэтому нарушением общественного интереса; преследуется общественной властью и помимо жалобы или желания потерпевшего лица. Это одно из важнейших отличий между новой и старой эпохой уголовного права»²².

Исключением из этого правила были деяния, преследования и наказания за которые были возможны по заявлению частного лица: против чести и достоинства, семьи и нравственности и некоторые другие.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. примирение оставалось еще возможным до исполнения приговора. Со временем перечень составов, возбуждение дела по которым зависело от жалобы потерпевшего, менялся, регулирование дел частного обвинения было отнесено к уголовно-процессуальному законодательству.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 160 предусматривало отмену наказания в случае примирения обиженного с обвиняемым²³. Это распространялось на дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего (частному обвинению), такие как: нанесение легких ран, письменная клевета, обольщение незамужней женщины торжественным обещанием на ней жениться, жестокое обращение мужа с женой и, наоборот, прелюбодеяние, упорное неповиновение детей родителям, плагиат²⁴.

Однако, согласно ст. 162, отмена приговора о наказании по основанию примирения была возможна лишь до исполнения приговора и за исключением ряда преступлений: оскорбление подчиненными начальства, изнасилование и обольщение, самовольное лишение свободы, противозаконное вступление в брак²⁵.

Таким образом, к середине XIX в. по общему правилу преступления наказывались без учета воли частных лиц – потерпевших, поскольку обиженным признавалось не част-

¹⁸ Российское законодательство. Т. 4. М., 1986. С. 360.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. ст. 400 // Российское законодательство. Т. 5. М., 1987. С. 275–276.

²¹ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права (прим., прилож. и доп. Н. Неклюдова). Часть Общая. СПб., 1867. Т. 1. С. 907.

²² Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. Т. 1. С. 226 // Цит. по: Симонова Е. А. Указ. соч. С. 51.

²³ Примирение обиженного с обидчиком рассматривалось как одно из обстоятельств, «погашающих наказание» (п. 2 ст. 16. Уложения 1845 г.)

²⁴ См. об этом: Л. Н. Лянго. Указ. соч. С. 21.

²⁵ См.: Российское законодательство. Т. 6. М., 1988. С. 323.

ное лицо, а общество в целом²⁶. Также Н. Д. Сергиевский, говоря о более позднем периоде, отмечал, что «всякое нарушение права отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное, поэтому всякое причинение вреда в наше время мыслится, как преступное деяние против всего общества, хотя бы оно нарушалось ближайшим образом только интересы частного лица»²⁷.

Определенные изменения в отношении процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого произошли в связи с утверждением начал нового, более прогрессивного суда в ходе либерально-демократической судебной реформы 1864–1899 гг. Однако модернизация, в частности, уголовного процессуального права не повлекла существенного обновления материального уголовного права, в сущности своей сохранившего архаический карательный характер.

Так, по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в 1864 г. примирение допускалось и после вступления приговора в силу (ст. 22). Примирение предусматривалось в случаях, установленных ст. 18, 19 указанного закона за совершение следующих преступлений: кража, мошенничество, присвоение чужого имущества между супругами, а также между родителями и детьми (по жалобе потерпевшего), против чести и прав частных лиц и некоторых других²⁸.

Также и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. в качестве одного из оснований прекращения судебного преследования в отношении обвиняемого было установлено примирение с обиженным (п. 3 ст. 16)²⁹. Примирение допускалось по делам частного обвинения «при посягательствах на права известного частного лица без особого посягательства на безопасность общества» (ст. 2)³⁰.

Примирение с обиженным рассматривалось как одно из условий, устранявших наказуемость, но процессуальная сторона имела в нем существенное значение. Это же было предусмотрено и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Однако

и в этом случае для освобождения от наказания виновного (не применения наказания) требовалось «изъявление воли потерпевшего»³¹.

В конце имперского периода примирение потерпевшего обидчиком как основание, погашающее наказание, стало носить характер редкого исключения, допускалось лишь в так называемых «исковых» или «неофициальных» преступлениях. Уголовное преследование здесь ставилось в зависимость от воли пострадавшего, поскольку в них «элемент частный до того преобладает над общественным, что за вычетом из них частного элемента, в остатке получится столь маловажная вина в отношении к обществу, что и карать ее не стоит», полагал В. Спасович³².

Подводя итог, следует сказать, что институт примирения в российском дореволюционном уголовном процессе характеризуется следующими чертами: 1) примирение выступало как основание освобождения от наказания либо для смягчения его; 2) примирение призвано было удовлетворять частный интерес, но вместе с тем обеспечивало и общественный интерес, защита которого возлагалась на публичные судебные органы, освобождаемые от соответствующей обязанности волей частных лиц; 3) в целом примирение с потерпевшим – это исторически сложившееся частное начало в публичном праве, известное не только российской правовой системе.

Таким образом, при некоторых различиях в основаниях, последствиях, процедуре примирения общими оставались, прежде всего, наличие и выражение воли на то со стороны потерпевшего и эффект института – умиротворение участников конфликта. И в современной юриспруденции большое число специалистов рассматривают примирение преступника с потерпевшим как наиболее приемлемую альтернативу уголовному наказанию. Сторонники такой точки зрения обосновывают ее следующим образом: «...государство не должно без особой на то надобности вмешиваться в личные отношения граждан.

²⁶ См.: Учебник уголовного права / Сост. В. Спасович. СПб., 1863. Т. 1. С. 313.

²⁷ Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. СПб., 1904. С. 52.

²⁸ См.: Российское законодательство. Т. 6. М., 1991. С. 397.

²⁹ Там же. С. 121.

³⁰ Там же. С. 253.

³¹ См. подробнее: Симонова Е. А. Примирение с потерпевшим в российском законодательстве и теории // Под ред. Б. Т. Разгильдяева Саратов, 2004. С. 46–54; Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. // Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984–1994. Тт. I–VI – указанные памятники права; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1904. С. 165.

³² См.: Симонова Е. А. Указ. соч. С. 53; Учебник уголовного права / Сост. В. Спасович. 1863. Т. 1. С. 314.

У каждого гражданина должно остаться право самому решать вопрос о необходимости обращения в суд за защитой своих прав либо о прекращении судопроизводства на любой стадии процесса, когда конфликты между людьми могут быть решены и без вмешательства государственных органов»³³.

Примирение с потерпевшим так же, как и приговор суда, разрешает конфликт, однако другим способом, и, следовательно, способствует правосудию, являясь при этом частной альтернативной его формой, что вполне соответствует актуальной задаче гуманизации уголовного права и процесса.

---

³³ Лянго Л. Н. Примирение с потерпевшим, его уголовно-правовое и процессуальное значение: исторический анализ // Проблемы права и социологии. Межвузовский сборник научных статей. Волгоград, 2002. С. 22.

Леонид Земцов

ПРИМИРЕНИЕ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ЮСТИЦИИ РОССИИ (60-е – 90-е ГОДЫ XIX ВЕКА)

В России второй половины XIX – начала XX в. параллельно существовали две правовых системы. Одна основывалась на писаном законе, другая – на крестьянском обычном устном праве. Первая находилась во второй половине XIX в. в стадии становления после издания документов 20 ноября 1864 г., отражала важнейшие принципы, выработанные наукой. Вторая охватывала значительную часть населения страны (по данным переписи 1897 г., крестьянство составляло 77,1 % населения России), существовала в бесписьменной среде, опиралась на народные обычаи. Многие в содержательной части устного народного права отражала известная русская поговорка: «Что ни город, то норы, что ни деревня – то обычай».

Очевидно, что многонациональный характер страны не позволяет ко всему крестьянскому населению применить исследуемое явление, но в великорусских губерниях крестьянство составляло свыше 90 %, и можно предположить, что распространена была обычная правовая система на несколько десятков миллионов человек. В ее рамках действовал волостной суд, разбиравший гражданские дела и судивший проступки крестьян.

Если изучению крестьянского суда уделялось в дореволюционный период пристальное внимание¹, то своеобразию содержания народ-

ного обычного права, его применению при решении дел в ходе судебного заседания – гораздо меньше². В советской же историографии обычное право начали изучать только с конца 80-х гг., хотя способам распределения земли в общине как одному из проявлений устного права всегда уделялось достаточно внимания³. Значительное количество газет-

устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии // Киевские университетские известия. 1874. Сентябрь, октябрь, ноябрь; *Мордовцев Д.* Как народ сам себя судит // Дело. 1874. № 1; *Скоробогатый П.* Очерки крестьянского суда. М., 1882; *Бразоль Г. Е.* Об упразднении волостных и сельских судов. Харьков, 1886; *Леонтьев А.* В поисках за обычным правом // Русское богатство. 1894. № 11; его же: Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1909; и мн. др.

² *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. I. Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877; Т. II. Семейные права, наследство и опека. СПб., 1879; *Соловьев Е. Т.* Гражданское право: очерки народного юридического быта. Вып. 1–2. Казань, 1888–1893; *Качоровский К.* Народное право. М., 1906 и др.

³ *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М., 1992; *Траат А. М.* Опыт и некоторые результаты статистической обработки документации волостных судов (на примере эстонских) // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. *Тарабанова Т. А.* Состав волостных судов // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. 1993. № 2; ее же: Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993; *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1–2. СПб., 1999; *Шатковская Т. В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. № 11–12; ее же. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, 2000; *Вронский О. Г.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999; и др.

¹ *Зарудный М. И.* Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874; его же. Опыт исследования местного крестьянского суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. № 2; его же. Неразрешенный еще вопрос русской общественной жизни (крестьянский суд) // Там же. № 3; *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. Сб. ст. М., 1884; *Чепурный К. Ф.* К вопросу о юридических обычаях:

ных и журнальных статей, отдельных изданий подводили итоги внимательному изучению народного суда и обычного права, но полярно противоположные оценки сохраняются вплоть до настоящего времени.

В современных условиях принципы достижения справедливости в народной среде, уровень правовой культуры и процессы ее развития вызывают дополнительный интерес. Это связано с тем, что и в нашей стране претворяются в жизнь новые подходы к осуществлению правового регулирования жизни граждан. На первый план выдвигается человек, подходы с точки зрения антропологии права, восстановительного правосудия с приоритетом примирения, медиация⁴. Они требуют обоснования не только исходя из общечеловеческих принципов содержания и отправления правосудия, развивающихся в иной социокультурной среде, на Западе, но и как элементов, присущих историческим традициям русского народного обычного права. Необходимо посмотреть, не являются ли привлекаемые ныне методики попыткой приложить западноевропейское лекало к углам российской истории.

Для рассмотрения данного вопроса мы имеем возможность привлечь достаточно полный комплекс источников. Интерпретационный анализ нами применяется к конкретным решениям волостных судов – их сохранилось достаточно, в том числе и опубликованных⁵. Большое значение имеет привлечение и неопубликованных материалов в виде «Книг для записи решений волостных и третейских судов», хранящихся в провинциальных архивах.

Нами привлечены представленные в т. 1 «Трудов...» сведения о 82 волостных судах всех уездов Тамбовской губернии и Солнцевского суда из Раненбургского уезда Рязанской губернии. Кроме того, в нашем распоряжении оказались книги записи решений волостных судов Данковского и Раненбургского уездов Рязанской губернии, сохранившиеся в Государственном архиве Липецкой области⁶.

⁴ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002; Медиация – искусство разрешать конфликты. М., 2004; Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002; Максудов Р., Коновалов А. Школьные службы примирения. М., 2009; и др.

⁵ См., например: Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1–6. СПб., 1873. Далее: «Труды ...»

⁶ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 206, 245.

Эти материалы позволяют рассмотреть ряд вопросов, касающихся менталитета российского крестьянства, его правовой культуры, организации и деятельности суда.

В дальнейшем мы остановимся только на выяснении распространенности «миролюбивых соглашений» крестьян, предусмотренных законом усилий суда по примирению сторон⁷, и выясним – по каким делам (только ли по спорам) делались попытки примирения, долю дел, закончившихся примирением сторон. Это позволит определить, насколько характерно для крестьянства было стремление мирного решения спорных проблем между односельчанами, общую настроенность крестьян на мирный или насильственный способ решения возникавших жизненных проблем, в том числе и вне своего общества и сословия. Эти данные послужат основанием для выводов о возможности реализации в современной России восстановительного правосудия с его акцентом на примирение, которое отвечает национальным традициям русского народа.

Функционирование народного суда как явления, санкционированного государством, происходило в новой истории России с середины XIX в., хотя привлечение отдельных социальных групп к отправлению правосудия – явление в прошлой истории давнее, а с середины XVIII в. – постоянное. В законодательных актах второй половины XVIII в., ориентированных на отдельные группы мастеровых, экономических, удельных и государственных крестьян, главной целью выборных, которым предлагалось осуществлять судебные функции, называлось примирение сторон.

В XIX в. передача суда выборным была связана с известной реформой управления государственными крестьянами П. Д. Киселева. В ее рамках в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. были созданы Устав о благоустройстве в казенных селениях и Сельский судебный устав. В волостях государственных крестьян создавались крестьянские суды – сельская и волостная расправы. Созданные выборные судебные органы (возглавляли которые представители сельской и волостной власти) разбирали как споры и тяжбы, так и

⁷ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Ст. 107 // Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954.

мелкие проступки в своей среде. В законодательных актах утверждались традиционные принципы деятельности крестьянского самосуда, необходимость обращения к обычному праву. Одной из важных особенностей в подходах к решению дел народным судом являлся закрепленный государством приоритет примирительного завершения судебных случаев.

Для всего крестьянского сословия волостные суды были созданы реформой 1861 г. – в соответствии с «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Законодатель считал необходимым сохранить в реформируемой России на некоторый, по его мнению, не очень значительный, период времени элементы сословности, одним из которых и являлся отдельный крестьянский суд, ориентированный на традиционное мировосприятие крестьянства. В интересах защиты крестьян от помещичьего произвола и обеспечения самостоятельности в решении их внутренних проблем все крестьянское самоуправление (и суд в том числе) создавалось только из местных крестьян. Состав суда (от 4 до 12 человек) избирался на волостном сходе, на каждом судебном заседании должно было присутствовать не менее трех его членов. Таким образом, судейский корпус рекрутировался из обычных крестьян, которые при рассмотрении дел оперировали мирскими представлениями о справедливости и совсем не знали писаного законодательства.

Суд имел право рассматривать споры и тяжбы с величиной иска не более 100 рублей, а также судить мелкие проступки крестьян. Ведению его подлежали только дела местных крестьян, но, по желанию тяжущихся, допускалось участие лиц иных сословий, если дело касалось крестьян волости. За проступки суд имел право приговорить виновного к общественным работам (до 6 дней), штрафу (до 3 рублей), аресту (до 7 дней) или телесным наказаниям (до 20 ударов).

Примечание 2 к ст. 93 «Общего положения ...» признавало факт наличия судов, ранее созданных по местным обычаям, и подтверждало их законность с тем только, чтобы избирала судей «вся волость». Многие современники, публицисты и исследователи, как сторонники, так и, в большей степени, противники официального крестьянского волостного суда указывали на то, что последний не является единственной формой народной юстиции. Действительно, существовало большее число различных по форме местных су-

дилищ: семейных, соседских, стариков, третейских, старосты, сельского схода, добросовестных, выборных и т. п., что не было тайной и для столичных чиновников, любой помещик знал о правовом быте своих крестьян, да и в печати 60-х гг. об этом много писалось. Многочисленные факты о существовании сельского суда представлены в работах известного юриста и исследователя народной юстиции М. И. Зарудного⁸.

Итак, было ясно, что в деревне рядом с волостным судом существует крестьянский обычный суд. Наличие сельских судов по всей территории России, хотя и различных по форме, вполне объяснимо: исторически – как связь с традициями обыденной крестьянской жизни на протяжении столетий, социально-психологически – как выражение недоверия казенному суду, а в юридической сфере – как отражение стремления решить несложные противоречия крестьянской жизни быстро, дешево и общественно значимо.

Властные структуры также принимали во внимание факт существования сельского самосуда. При подготовке Уставов 1864 г. обсуждался вопрос о соотношении создаваемой мировой юстиции с уже действовавшими законными волостными и неформальными сельскими судами. Рассматривалось мнение Государственного совета от 28 апреля 1862 г., в котором утверждалось, что мировой судья «не может вполне заменить тех мелких судов, которые останутся, как и теперь, не в виде самостоятельного суда, а в виде предварительной местной расправы...». И далее приводились сведения о суде стариков по ряду губерний (Пензенской, Саратовской, Нижегородской и др.). 25 мировых посредников Калужской губернии считали, что «знаком заслуженного уважения к вековому народному обычаю было бы оставление в своей силе юрисдикции крестьянских судов...; и теперь, несмотря на учреждение волостного суда, крестьянские обычные суды продолжают действовать по местам вне покровительства закона. Несомненно, что и волостные, и крестьянские суды требуют лучшей организации, основанной на разумных обычаях и явлениях народной жизни»⁹.

⁸ Зарудный М. И. Указ соч.

⁹ Цит. по: РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Справка III. Соображения составителей судебных постановлений 20 ноября 1864 г. по вопросу об отношениях волостных судов к общим судебным учреждениям. Л. 247 об. – 249.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого нами периода в различных слоях русского общества и в правительственных структурах существовало представление о сознательной воле законодателя, ориентированной на сохранение сельских судилищ. Совершенно очевидно понимание и государственными мужами, и местными деятелями не только факта наличия сельской неформальной юстиции, но и признание ее значения. Следовательно, функционирование сельских судов принималось как терпимое или даже необходимое, поскольку считалось, что они выполняют определенную задачу в среде крестьянского населения, хотя и требующую улучшения. Их существование отвечало представлениям власти о необходимом составе обычно-правовой системы в деревне. Крестьянский мир после отмены крепостного права, передачи государственных крестьян в ведение общих учреждений стал саморегулирующейся единицей при минимуме внешней власти, поэтому снятие внутренних противоречий путем активизации общественного мнения стало необходимым.

Статус некоторых сельских судов в соответствии с «Положениями ...» 19 февраля приобретал существенный налет официальности и действительно отвечал духу законов 1861 г. Сельский староста имел право разбора различных обстоятельств деревенской жизни при отпращивании своей должности не только в силу традиции, но и в соответствии со ст. 64 Общего положения. Но чаще всего исполнение им судебнополицейских функций не было единоличным, а сопровождалось организацией и поддержкой общественного мнения в лице соседей, добросовестных или схода и т. д., и представляло, таким образом, коллективную форму суда.

Очевидно, что официальными, с точки зрения крестьян, являлись судебные действия не только старосты, но и схода. Ведь их разбирательство и решение споров односельчан в присутствии избранных миром добросовестных и других должностных лиц вполне соответствовали ст. 99 и 100 «Общего положения...». Эти статьи предусматривали возможность вместо волостного суда по всем делам (кроме проступков) обращаться к третейскому суду, «не стесняясь никакими формами»¹⁰.

Последнее «нестесняющее» утверждение закона вполне можно применить ко всем тем крестьянским судилищам, которые бытовали в селах и деревнях России, поскольку они могут быть отнесены к своеобразной форме третейского суда по совести.

При ответе на вопросы о возможных судебных действиях в селе крестьяне практически в каждой из волостей говорили о коллективных судебных действиях в сельском обществе: прямо в волостной суд «никогда не обращаемся, так как в каждом селении есть свой суд сельского старосты со стариками»¹¹.

В 60-х – 80-х гг. XIX в. практически в каждой из волостей крестьяне сохраняли коллективные судебные действия в сельском обществе. В их совместных решениях сказывалась склонность русского крестьянина к мирскому, коллективному решению дел: «Что мир порядил, то Бог рассудил». По мнению самих крестьян, свой суд в селении (прямо не разрешенный законом!) – дело хорошее. В результате «до волостного суда доходит самое незначительное число дел»¹². Обратим внимание на это крестьянское замечание для того, чтобы понять, почему в волостном суде рассматривалось не очень большое количество дел.

Сложилась ситуация, при которой волостной суд выступал по отношению к сельской юстиции как вторая инстанция, имевшая право пересмотреть дело по существу. Более точно можно сказать, что волостной суд не имел права пересматривать решения той части структуры, которая не была формально признана законодательством. Но так как крестьяне не были знакомы с писаным правом, очевидно, что за короткий промежуток времени сложился правовой обычай, основа которого была заложена властью через создание волостного суда. У крестьян постепенно формировалось представление, что при решении споров, тяжб и проступков помимо сельского общества можно обращаться в суд, который, оказывается, стоит выше мира и имеет возможность по-другому решить спорный вопрос.

Обыденность ситуации очевидна в протоколе заседания суда Воейковской волости. Судьи (при полном согласии всех участников процесса и без всяких оговорок) разбирали

¹⁰ Общее Положение ... // Указ. соч. Ст. 99, 100.

¹¹ «Труды ...» Т. 1. С. 252.

¹² Там же. С. 517.

жалобу крестьянина Ивана Борисова волостному правлению «на судей того же сельца», которые несправедливо его оштрафовали. Волостной суд рассматривает дело и решает: так как Иван Борисов «несправедливо принес жалобу», то его еще дополнительно подвергнуть штрафу на 2 руб¹³. «Судьи того же сельца», как можно предположить, – это или специально выбранные, или соседи, или волостные судьи, избранные от данного общества. Подобного свойства дела и обращения в суд присутствуют в каждой волости.

Многочисленные свидетельства, встречающиеся в «Трудах ...», позволяют утверждать, что основной формой решения спорных дел на уровне сельского общества было заключение мировой, т. е. снятие претензий, часто взаимных, и подтверждение того, что ни одна из сторон не будет обращаться в суд. По словам крестьян, староста и старики «не судят, а мирят» (3 заявления), «мирят» (29 случаев), «мирят сельские сходы» (12 случаев) – «всякое дело сначала староста со стариками старается помирить...»¹⁴. Таким образом, в 45 волостях в 83 случаях заявлено о примирительных действиях уже в сельских обществах. Отсутствие опровержений другими крестьянами такой практики позволяет предположить ее всеобщую распространенность. Тем более, что в других волостях «разбирали» или «решали дела» на уровне сельского общества, что, очевидно, означало не только наличие суда, но и осуществление примирительных действий местными стариками или должностными лицами. Для того чтобы закрепить примирение сторон, крестьяне употребляли письменные свидетельства. Интересно то обстоятельство, что нет одинаковой формы как для записи мировых решений, так и для их наименования – это и «миролюбивая записка», и «мировая записка», и «мировая сделка». Разница в наименованиях не отражает отличий в содержании¹⁵; скорее, своеобразие связано с употреблением названий тем или иным писарем, так как во многих

случаях тот или иной почерк определяет и специфику названий мировых записей.

Именно на сельском уровне крестьянская юстиция ранее всего исчерпала свой потенциал – уже к концу 80-х гг. Ее действия часто бывали пристрастны и, по мнению некоторых современников, осуществлялись «пьяной толпой», были подвержены влиянию богатеев, старост, горланов, пустограев, крикунов, мироедов, влиятельных стариков, кабатчиков, водки и, во многих случаях, далеки от выражения народной справедливости. Заметим некоторую долю истины в таких утверждениях.

Ограничиваться только утверждениями о том, что «внутриобщинные отношения строились на основах крестьянской этики, крестьянского понимания правды и справедливости», значит приукрашивать человеческую природу и игнорировать выдающееся значение крестьянского мира: умение при всех противоречиях обыденной жизни строить взаимоотношения на основе общего согласия.

В активную мирскую жизнь в конце 80-х гг. вступили домохозяева, чье мироощущение сформировалось вне крепостного бесправия, они в большей степени понимали значение «закона», его носителей и ориентировались на это. У них складывалось несколько иное представление о справедливости, перестал устраивать главный способ решения дел – примирительный исход и способы решения дел стариками, мирской сходкой и ее представителями, постоянные магарычи как форма юридического закрепления принятого решения и «оплаты за труд».

Но примирение сторон было необходимым элементом обсуждения дел и в волостном суде. Это соответствовало воле законодателя в соответствии со ст. 107 «Общего положения»: «Судьи, по выслушании тяжущихся сторон, стараются склонить их к примирению».

В каждом волостном суде, по словам крестьян-судей, они старались помирить истца и ответчика: «... в этом больше и суд-то происходит»¹⁶. Из 83 судов, материалы которых приведены в т. 1 «Трудов ...», только в двух не ясен ответ крестьян на вопрос: мирят ли в суде? В остальных – однозначно: мирят. Предложения судей тяжущимся «кончить дело миром» звучат почти в каждой записи решений суда. Мало того, в некоторых уездных

¹³ Земцов Л. И. Волостной суд в России. 15.11.1864. № 21. С. 72.

¹⁴ «Труды...» Т. 1. С. 57.

¹⁵ Встречаются и исключительные явления. Примером может служить оформленная как миролюбивый акт (от 13 июля 1871 г.) «разводная записка». Другого пути избавиться от семейной тирании женщина просто не нашла. См.: Назарьев В. Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. 1872. № 2. С. 619.

¹⁶ «Труды...» Т. 1. С. 211.

мировых съездах основанием для ликвидации решения волостного суда являлось «непредложение примирения»¹⁷.

Сложность в подсчете количества заключенных мировых соглашений заключается в том, что во многих волостных судах законченные миром дела не вносились в книги записей решений. По нашим подсчетам, из 83 волостных судов ответ на вопрос о записи мировых в книгу дан в 52 случаях; он положителен в 17 волостях, отрицателен – в 26, а в 9 вносились в книгу только «самые важные» любовные сделки или в которых «присутствует какое-либо условие».

В «Книге записи решений волостных и третейских судов» Солнцевской волости Раненбургского уезда Рязанской губернии приведены несколько «миролюбивых записок», следовательно, заключение мировой было делом волостного суда. Миролюбивые решения касались не только проступков, но и споров вокруг наиболее важных для крестьян проблем хозяйственной жизни.

Тексты мировых сделок показывают, что полюбовное решение дела предусматривало вовсе не христианское прощение, а, в первую очередь, возмещение убытка со стороны того, кто очевидно для всех являлся виновным. Подобного свойства подход к мировому разрешению дел вполне соответствует нормам современного восстановительного правосудия, когда примирение жертвы и преступника дополняется теми или иными формами компенсации принесенного вреда¹⁸.

Кроме различных способов возмещения ущерба, намеченных в ходе решения дела в суде, виновный, а иногда и обе стороны вместе, благодарили стариков, волостных судей, старшину, старосту традиционным способом: «Если удастся помирить, то стороны ставят магарычи и распивают их с выборными и со старостой ...»¹⁹, «где мир, там и вино, магарычи пьют все»²⁰.

Достаточно широко было распространено представление, что если дело внесено в книгу, то уже мириться нельзя²¹. Однако часто встречаются записи уже решенных дел, а затем на полях – приписка: «Решение прекра-

щено миром» или: «Дело это кончено миром». Нет однозначного решения и о возможности примирения в случае проступка, особенно кражи. Одни считают, что «если мирятся и по краже – то и Бог с ним, что его судить», «прощеное дело чего судить», мирим «по любому делу», таких (из имеющихся 65 ответов) – 35, другие – «в кражах никогда не мирят» – 28, в двух волостях «не было случая», т. е. краж²². Как отметил еще в прошлом веке один из публицистов, для «нашего крестьянина-судьи ... формальное право не имеет смысла», он «считает себя вправе как наказать преступника, так и простить его ...», в таком подходе проявляются «наши настоящие национальные особенности»²³. Примирительный исход приветствовался при любом содержании дела, при любых спорах, тяжбах и проступках. Такой вывод позволяет сделать просмотр большого количества решений волостного суда.

Приведем подсчет дел, законченных миром и внесенных в «миролюбивые записки», в Солнцевской волости Раненбургского уезда Рязанской губернии. Просмотрев книги нескольких волостей, мы пришли к выводу, что именно в Солнцевской волости писарь в первой половине 70-х гг. наиболее последовательно записывал дела этого рода в книгу. В 1871–1875 гг. волостной суд рассмотрел 163 дела. Из них 20 (12,3 %) закончились миром или мировые по их содержанию записаны в книгу решений суда и утверждены волостными судьями. Среди этих 20 дел 11 спорных (из-за имущества, земли, денег, дважды – споры наемных работников и нанимателей) и 9 – проступки (драки и оскорбления)²⁴. Из последних только в одном случае истец, примирившийся с ответчиком, не требовал денежного возмещения. Из 20 случаев 13 представляют собой просто запись мировой сделки, а в 7 случаях рядом с записью протокола судебного заседания с вынесенным уже решением на полях сделана приписка: «Дело это кончено миром», т. е. судьи этой волости не считали предосудительным на первый план выставлять мировое соглашение, несмотря на уже принятое и записанное в книгу решение. Приоритеты крестьянских представлений вполне понятны: главное

¹⁷ См.: Земцов Л. И. Крестьянский самосуд. Воронеж, 2007. С. 59.

¹⁸ Зер Х. Указ. соч. С. 230–233.

¹⁹ «Труды ...» Т. 1. С. 612, 623.

²⁰ Там же. С. 694.

²¹ Там же. С. 21.

²² Там же. С. 58, 117, 211, 354 и др.

²³ Б-в И. Юридические воззрения народа // Исторический вестник. 1887. № 7. С. 167, 168.

²⁴ Подсчитано нами по: ГАЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 98.

не судебное решение, а мир и согласие между односельчанами.

Подсчитаны и 545 решений по Воейковской волости. Из них мировые заключены в 22 делах (4,1 %). Казалось бы, меньше, чем в соседней Солнцевской волости. Но в 38 случаях (7 %) писарем записано: дело кончено «по согласию», или «по добровольному согласию». В большинстве случаев это означает, что дело завершено без вмешательства исполнительной власти. В таком подходе очевидно и примирение, ведь без него крестьяне без принуждения не соглашались на исполнение решения суда. При этом завершение дела «по согласию» происходило не на основе судебного приговора, а в несколько иной форме, скорее всего, смягченной для виновного. На наш взгляд, это несколько иное выражение факта примирения, и тогда им закончилось 11,1 % всех дел, что близко к их доле в Солнцевской волости²⁵.

В Красносельском волостном правлении Ярославской губернии велась книга записи жалоб, предназначенных для разрешения в волостном суде. Здесь доля примирившихся в 1883 г. составила 28 % (из 179 жалоб в 50 случаях указан итог – примирились), а в 1886 г. в Займищенской волости Пошехонского уезда той же губернии из 126 жалоб завершились миром 31 (24,6 %). Больше число мирowych связано со спецификой источника – ведь некоторое число жалоб заканчивалось примирением еще до разбора в волостном суде, в момент записи дела в книгу волостного правления²⁶.

Складывается впечатление, что при учете действия обеих ступеней обычно-правовой системы минимальная доля дел, заканчивавшаяся примирением, составляла одну треть всех разбираемых конфликтов, а в отдельных территориях она была существенно больше.

Таким образом, в органах крестьянского самоуправления, в первую очередь, в деятельности судей волостного суда проявлялись некоторые черты менталитета российского крестьянства. Подкрепленное силой общественного мнения представление о важности полюбовного разрешения спорных дел и проступков было достаточно широко распространено среди крестьян и объединяло обе

ступени обычно-правовой системы. Примирительное разрешение значительной доли дел являлось выражением принципиальных национальных подходов великорусского крестьянства. Достижение согласия на основе примирения являлось тогда и, скорее всего, может являться и сегодня наилучшим исходом из несложных гражданских дел и при рассмотрении проступков.

Такое решение никак не ущемляло производственные возможности крестьянства, напротив, содействовало снятию противоречий и созданию благоприятного общественного климата для мирского сосуществования и продолжения хозяйственной деятельности.

Подобного свойства подходы к решению дел в рамках обычного права сохранились и в следующем законодательном акте, пересмотревшем многие стороны деятельности волостного суда, – «Временных правилах о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках» (12 июля 1889 г.).

В этих «Правилах» сохранился ряд утверждений, характерных для традиционного судопроизводства: о решении дел по совести и о разборе тяжб и споров между крестьянами, особенно дел о разделе крестьянского наследства на основе местных обычаев (ст. 25). Точно так же, как и в Положении от 19 февраля, предусматривался приоритет примирения (ст. 26) по спорам и тяжбам, но отмечалась возможность мирowych и по некоторым проступкам: ст. 35 «Правил...» требовала при разрешении последних руководствоваться статьями Устава о наказаниях, «налагаемых мирowymi судьями». Ст. 20 Устава определяла, что некоторые проступки «не влекут за собой наказания в случаях примирения обиженного или потерпевшего убыток с виновным в проступке лицом». Ст. 22 Устава, названная среди тех статей, которыми необходимо руководствоваться волостным судьям при вынесении решений, также утверждала, что наказание, определенное приговором, отменяется вследствие примирения обиженных, что закрепляло достаточно распространенное в крестьянстве примирение после вынесения судебного решения²⁷.

²⁵ Подсчитано нами по: Земцов Л. И. Указ соч. С. 64–386.

²⁶ Подсчитано нами по: Государственный архив Ярославской области. Филиал в г. Рыбинске. Ф. 393. Оп. 2. Д. 78.

²⁷ Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках // Сборник узаконений о крестьянских и судебных учреждениях, преобразованных по закону 12 июля 1889 г. СПб., 1890. С. 125–169.

Использование примирения как наилучшего исхода при возникновении проблем во взаимоотношениях с соседями связано с общим принципом мирской жизни крестьянина – решением проблем через достижение общего согласия. На сельском сходе после длительного обсуждения согласие обычно достигалось. Крестьянину было присуще убеждение в правомерности только общего, мирского, коллективного решения дела. Этого можно было достигнуть только путем взаимных уступок, компромисса.

Один из наблюдателей крестьянской жизни так пишет о причинах единогласного решения сходов: «Я много раз присутствовал на сельских сходах и каждый раз был очевидцем единогласного решения схода. Это единогласие достигалось тем, что меньшинство, если не убедится доводами, добровольно уступает большинству, чтобы быть заодно со всеми. Случалось иногда, – продолжает автор, – что при всех стараниях схода уломать меньшинство, единогласие на сходе не достигалось, в таком случае мир откладывал дело до другого раза, пока все члены общины не придут к единогласному решению»²⁸. Такая направленность в действиях схода была отражением общих принципов взаимоотношений крестьян.

Многочисленные рассказы современников о сельских сходах обычно сведены к описанию процесса достижения общего согласия. Действительно, достаточно большая доля дел в крестьянских волостных судах о «взятии за грудки», вырванных бородах, порванных рубахах, побоях, оскорблениях во время сходов связана с достижением согласия на сходе. Это, однако, не мешало прийти к тому решению, которое устраивало всех. Точнее будет сказать – не устраивало никого; каждый уходил со сходки с убеждением о не самом лучшем, но мирском решении. Именно поэтому народные поговорки обозначали убеждение не только, «Что мир порешил, то Бог рассудил», но и что «Мужик умен, да мир дурак» и т. п. Но в ходе обсуждения достигалось самое главное – компромиссное решение вопроса. Это и было высшим проявлением справедливости.

Необходимость выработки согласованного решения и понимание только такого исхода дела были столь велики, что деревенский староста требует «высшей меры» – наказания розгами крестьянину, который своим поведением на сходе «сквернословит» и тем самым расстраивает «единогласие крестьян»²⁹.

Мир, сельский сход воспитывал своих членов во вполне определенной системе ценностей, формировал правовую культуру на основе народных ценностей. Один из исследователей высказал в конце XIX в. верную мысль: «У нас часто слышатся обвинения народа в грубости, невежестве и редко отыскиваются, даже при добром желании, верные средства для уничтожения их наиболее ярких проявлений. Говорят, например, о жестокости, проявляемой крестьянами при самосудах; о пьянстве (магарычах) при каждом договоре, после каждого решения дела в волостном суде; о невежественном непонимании народом преступности многих деяний вроде, например, рубки чужого леса, потравы и т. д.; о неясности, с нашей точки зрения, многих постановлений крестьянских судов, даже в том случае, когда суды эти действовали вполне беспристрастно, без подкупа и т. д. Но все это получит иное освещение, когда ему найдется разумное объяснение из данных, слагавшихся иногда веками»³⁰. «Разумное объяснение» находится в народном обычном праве с его приоритетом мирских ценностей, трудового начала, примирением и т. п.

Таким образом, волостной суд решал дела на основе народной «правды», правды-справедливости. Подкрепленное силой общественного мнения представление о важности полюбовного решения спорных дел и проступков было достаточно широко распространено среди крестьян, оно было проявлением ментальных характеристик русского человека, устремленных к мирному разрешению конфликтов.

Складывается убеждение, что данный тип разрешения проблем присущ человеку вообще, и проявлялся, прежде всего, в рамках небольших коллективов. «Общинное правосудие, – пишет Х. Зер, – ставило на первое место поддержание добрых отношений, при-

²⁸ Красовский В. Э. Ундоровская община (Симбирской губернии) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины в России. СПб., 1880. С. 371.

²⁹ ГАЛО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 28. 28. 06. 1870. № 166.

³⁰ Филиппов А. Народное обычное право как исторический материал // Русская мысль. 1886. № 9. С. 70–71.

мирение. Тем самым, форма общинного правосудия гораздо точнее отражала подлинное положение вещей ...»³¹. Недаром Священное писание подчеркивает приоритет того права, которое существует в человеке: «Потому что не слушатели закона праведны перед Богом, но исполнители закона оправданы будут, Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон. Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах: о чем свидетельствует совесть их...» (Рим. II. 13–15).

Ряд действий власти в начале XX в., грандиозные социальные перевороты существенно изменили направление формирования правовой культуры. Только сейчас начинают восстанавливаться некоторые из тех принципов, которые когда-то лежали в основе обычного права. Время покажет, будут ли восприняты забытые нами подходы, отражающие давние принципы народной правовой культуры, или проповедь насилия как главной преобразующей силы, господствовавшей десятки лет, изменит содержание ценностных приоритетов народа.

³¹ Зер Х. Указ. соч. С. 127.

Рустем Максудов

ПОДДЕРЖКА РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ – ВАЖНЕЙШИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР ДВИЖЕНИЯ ЗА ВОССТАНОВИТЕЛЬНУЮ ЮСТИЦИЮ

В настоящее время продвижение законопроекта о ювенальных судах в Российской Федерации, принятого несколько лет назад в первом чтении Государственной Думой, затормозилось. В то же время активно развернулась работа по созданию пилотных площадок в области отработки элементов ювенальной юстиции¹. Создание пилотных площадок также проводится в определенной стратегии. Одна из таких стратегий – способствование «внедрению» западных технологий (разработка ученых одного из университетов Канады) в деятельность субъектов профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних.

Основной ставкой при таком внедрении является принудительное исполнение специалистами решений органов власти. Сами специалисты лишаются права голоса на выбор тех или технологий в работе с детьми группы риска и несовершеннолетними в конфликте с законом. При этом постулируется недоверие к ресурсам и возможностям специалистов, их опыту и достижениям в области работы с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации.

Можно следующим образом схематизировать данную стратегию «внедрения» иностранного и российского опыта, которая проводится при поддержке фонда «Нет алкоголизму и наркомании»²:

Основной вопрос, который здесь возникает: каким образом формируется и удерживается профессионализм и ценности в работе? Устройство социальной сферы приводит к существованию параллельных действительностей, в которых пребывают специалисты-практики (ценности восстановительного правосудия) и управленцы верхних эшелонов (ценности количественных показателей в отчетности). А управленцы среднего звена, которые знают работу специалиста и должны выполнять спущенные сверху требования отчетности, оказываются в разрывной ситуации, поскольку отчетные показатели и стилистика управления не соответствуют особенностям работы и направленности деятельности специалистов.

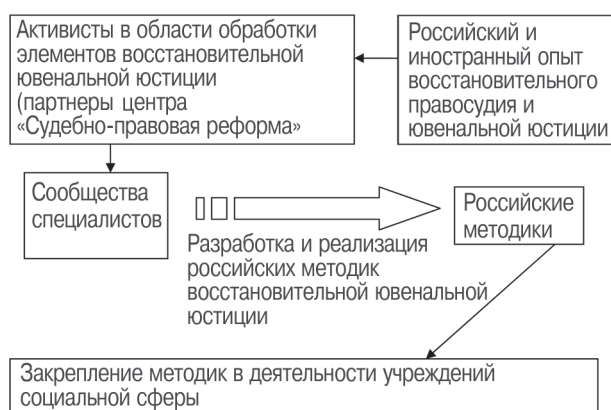
Постановка глубоких вопросов, ориентированных на удержание профессионализма в работе специалистов и их развитие, а не на ассимиляцию деятельности, сегодня невозможна в недрах административных структур. Такая постановка, на наш взгляд, возможна внутри сообществ, ориентированных на удержание принципов деятельности как ценностей индивидуальной работы и развития собственной практики.

¹ Этой работе способствует деятельность Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

² Подчеркнем, что здесь идет речь не об управленческой поддержке, что дает возможность массового внедрения и распространения тех или иных ювенальных технологий, а о способах разработки самих методик.

Специалисты центра «Судебно-правовая реформа» придерживаются такой идеологии создания пилотных площадок, которая, прежде всего, инициировала бы деятельность сообществ на материале освоения иностранного опыта и создания российских моделей. В течение 13 лет российский и иностранный опыт был материалом для создания Центром российских методик восстановительного правосудия³.

Совместно с партнерами из Москвы, Перми, Лысьвы, Тюмени, Великого Новгорода, Волгограда, Урая, Дзержинска, Петрозаводска, Новосибирска, Казани были разработаны стандарты восстановительной медиации, методика восстановительной медиации⁴, способы интеграции программ восстановительного правосудия в уголовное правосудие⁵ и деятельность КДН и ЗП⁶, форма мониторинга программ восстановительного правосудия, кооперации программ восстановительного правосудия и социальной работы⁷, создание и функционирование школьных служб примирения⁸. Данные разработки развиваются и реализуются многими региональными сообществами. В процессе их использования происходят коммуникация, взаимообогащение и творческая доработка методик. Можно следующим образом схематизировать данную стратегию распространения восстановительного подхода, которая реализуется при поддержке центра «Судебно-правовая реформа»:

Таким образом, важнейшим стратегическим ориентиром развития движения за ювенальную юстицию в России является деятельность по формированию сообщества специалистов, практикующих восстановительный подход с детьми и семьями в трудной жизненной ситуации (в том числе, и в работе с правонарушениями несовершеннолетних).

На заседании представителей регионов, где проводятся программы восстановительного правосудия, в Федеральном институте развития образования (Москва) при участии общественного центра «Судебно-правовая реформа» (Москва) 17 марта 2009 г. была создана Всероссийская ассоциация восстановительной медиации и принят устав ассоциации. Членами ассоциации являются более 30 представителей различных регионов и территорий РФ. Ассоциация создана без образования юридического лица как структура гражданского общества, в которую могут входить не только организации, но и частные лица. Ассоциация представляет собой сообщество медиаторов, кураторов служб примирения и всех, кто развивает в России восстановительную медиацию. Ассоциацией приняты стандарты восстановительной медиации, рекомендованные для применения на территории России при создании служб примирения и проведения медиации в системе образования, уголовной юстиции, спорта и молодежной политики, социальной защиты и пр. В рамках работы ассоциации созданы рабочие группы по направлениям:

1. Разработка форм оценки и мониторинга.
2. Разработка образовательных программ по подготовке медиаторов.
3. Разработка региональных моделей служб примирения.
4. Разработка концепции восстановительной медиации.

В 2009–2010 гг. при поддержке центра «Судебно-правовая реформа» в Тюмени,

³ См.: Восстановительная ювенальная юстиция: модели работы в регионах // Под ред. Р. Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2008.

⁴ См.: Максудов Р. Р. Восстановительная медиация: идея и технология: Методические рекомендации. М.: Институт права и публичной политики, 2009.

⁵ См. Карнозова Л. М. Включение программ восстановительной ювенальной юстиции в работу суда. Методическое пособие. М.: Институт права и публичной политики, 2009.

⁶ См.: Максудов Р. Р., Флямер М. Г. Комиссия по делам несовершеннолетних: реалии и перспективы // М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 2000.

⁷ Модели интеграции программ восстановительного правосудия, социальной и психологической помощи сегодня отрабатываются специалистами центра «Судебно-правовая реформа» совместно со специалистами ЦДиК «Коньково», ЦДиК «Рост», РСР ЦППРиК «На Снежной», управлением по социально-психологической адаптации и развитию подростков Московского городского психолого-педагогического университета, межрайонным центром «Дети улиц» ЮЗАО.

⁸ См.: Школьные службы примирения. Российская модель школьной медиации // Под ред. Р. Р. Максудова, А. Ю. Коновалова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2009.

Волгограде, Новосибирске и Перми созданы территориальные отделения Всероссийской ассоциации и собственные ассоциации.

В настоящее время общественный центр «Судебно-правовая реформа» совместно с региональными партнерами разрабатывает и реализует стратегию, направленную на методологическую, проектную и предметно-аналитическую поддержку становления местных сообществ, практикующих восстановительный подход в реагировании на преступления и конфликтные ситуации.

Направления анализа восстановительных практик

Для специалистов центра «Судебно-правовая реформа» приверженность идее восстановительного правосудия не может быть осуществлена в рамках какого-либо одного проекта. Речь идет о широкой и длительной программе деятельности, включающей практическое изменение характера функционирования правоохранительных институтов, отношения сообществ и граждан к вопросам конфликтов, преступления и наказания. Такое изменение невозможно без постоянного аналитического сопровождения. В целях выстраивания пилотных площадок восстановительной ювенальной юстиции и для распространения опыта восстановительных практик требуется исследовательская работа на следующих уровнях.

1. Управленческие технологии в социальной сфере. Такой анализ даст возможность интегрировать программы восстановительного правосудия и социальную работу в деятельность существующих учреждений социальной сферы, адекватной принципам восстановительного подхода.

2. Организация работы специалистов и анализ их деятельности.

3. Анализ законодательных условий и административных условий деятельности. Такой анализ даст возможность органично вписать программы восстановительного правосудия и социальную работу в рамки существующей юридической регламентации.

4. Организация взаимодействия специалистов пилотной площадки и их партнеров.

5. Оценка и мониторинг деятельности проведенных программ восстановительного правосудия⁹.

⁹ Серьезная работа по оценке и мониторингу проведенных программ восстановительного правосудия и рабо-

Прогноз снижения преступности несовершеннолетних в результате проведенной работы не может являться оценкой качества работы пилотных площадок. Какие факторы влияют на снижение преступности несовершеннолетних? Как минимум, кроме программ восстановительного правосудия и социальной работы с несовершеннолетними это следующие факторы:

- демографическая ситуация;
- уголовная политика;
- изменения в законодательстве;
- территориально-средовая ситуация;
- способы статистической отчетности о преступности.

Практически во всех регионах России преступность несовершеннолетних снижается¹⁰. В связи с демографической ситуацией можно ожидать дальнейшего снижения преступности несовершеннолетних и в тех регионах, где не проводится масштабная социально-ориентированная работа с несовершеннолетними правонарушителями.

На уровне управления социальными программами анализ может быть затруднен из-за отсутствия заинтересованности чиновников менять способы собственной работы в области управления социальными учреждениями. На наш взгляд, ведомственные исследовательские учреждения не в состоянии переломить эту тенденцию. Поэтому исключительно важной здесь является роль региональных сообществ, способных проводить независимые исследования. Практика, выстроенная на принципах восстановительного подхода, с необходимым аналитическим сопровождением сформирует лицо российского правосудия по делам несовершеннолетних в ближайшее десятилетие.

Проектные ориентиры в области восстановительных практик

В рамках развития концепции восстановительного правосудия требуются и проектные и методические разработки в следующих направлениях.

1. Развитие модели восстановительного правосудия на современном этапе. Отказ мно-

ты школьных служб примирения ведется в Волгограде Ириной Маловичко.

¹⁰ Поскольку это приводит к уменьшению количества протоколов и уголовных дел, этот фактор, на наш взгляд, повлиял на введение школьных инспекторов милиции во многих российских школах.

гих потерпевших от участия в примирительных программах не означает прекращения работы медиаторов. Арсенал восстановительного правосудия позволяет проводить Круги сообществ и семейные конференции. Основой развития деятельности в области восстановительных технологий является отработка структуры из трех типов программ восстановительного правосудия – восстановительной медиации, Кругов сообществ и семейных конференций.

2. Разработка модели школьных служб примирения в плане связей с воспитанием и программами восстановительного правосудия.

3. Разработка также технологии создания служб примирения. Здесь необходимо достичь баланса между административными установками на «внедрение» и принципом добровольности участия.

4. Решение задачи по анализу и включению опыта российских традиций примирения в технологию восстановительного правосудия.

5. Разработка стратегии влияния сообществ на принятие административных решений и способы управления, которые диктуются чиновниками субъектов федерации, кон-

тролирующих процесс распределения материальных ресурсов и определяющих функционал специалистов.

Данные проектные и аналитические цели, как мы считаем, поддерживают создание структур гражданского общества в области работы с ситуациями совершения преступлений. Как в свое время пророчески утверждал приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета С. К. Гогель, «деятельность общества и его органов является краеугольным камнем всей новой постановки дела, без ознакомления с этой деятельностью общества даже не вполне понятна и самая постановка. Законодательные постановления сами по себе есть не более как архитектурный план, контур, содержание которого всецело наполняется деятельностью общества. И это в сущности совершенно понятно, если не упускать из виду основного принципа новых мер борьбы с детской преступностью – личного воздействия и руководства опекаемого. Конечно, всякое выполнение таких обязанностей органами администрации будет только чисто формальное в виде общих административных мер, иначе пришлось бы содержать невероятную армию чиновников»¹¹.

¹¹ Гогель С. К. Роль общества в борьбе с преступностью. С.-Пб., 1906. С. 249.

Елена Невельсон

АССОЦИАЦИЯ МЕДИАТОРОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Пермский край явился первым регионом в России, где восстановительный подход в разрешении конфликтных ситуаций внедряется в массовом масштабе в деятельность КДН, судов, социальных и образовательных учреждений. В течение последних 5 лет в крае распространяются восстановительные технологии, в каждом районе края создаются службы примирения. Восстановительные технологии рассматриваются специалистами Пермского края как основа пермской модели ювенальной юстиции. Ключевым моментом, определяющим успешность применения восстановительных процедур, является медиация (от латинского «mediatio» – посредничество) – процесс, при котором независимый посредник помогает конфликтующим сторонам решить спор путем прямых переговоров между ними. Это возможность сформулировать проблему, обсудить и понять ее, рассмотрев различные точки зрения, а затем найти решение, приемлемое для всех участников спора или конфликта.

Восстановительные технологии позволяют провести так называемое исцеление жертв конфликта, т. е. восстановить у них чувство справедливости и безопасности, снизить враждебность и угрозы со стороны обидчика или детской среды в целом (если в конфликт была вовлечена группа участников), а также достичь деятельностного раскаяния обидчика (возместить вред, который был причинен совершенным им правонарушением).

По данным Л. А. Соболевой, помощника председателя Пермского краевого суда, доцента кафедры социальной работы ПГУ, к 2009 г. в крае было создано более 440 школьных служб примирения, в муниципалитетах было создано 40 муниципальных служб примирения. Соглас-

но данным мониторинга 2008 г., из 1408 рассмотренных в школьных службах примирения конфликтов 1088 (это 77 %) закончилось примирением сторон, 78 случаев (это 5,5 %) передано в муниципальные службы примирения, работа которых направлена на разрешение конфликтных ситуаций в образовательных учреждениях на ранней стадии их возникновения. Согласно данным мониторинга, который муниципальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав ежемесячно представляют в краевую КДНиЗП, из всех дел, отобранных комиссиями для применения восстановительных программ (1887 случаев), 72 % закончились успешно.

Однако наряду с очевидными успехами в этой области имеется и ряд моментов, препятствующих развитию самой идеи восстановительного подхода в правосудии. На это было указано в аналитическом отчете независимых экспертов из общественного центра «Судебно-правовая реформа», организующего в России деятельность по распространению идеи и практики восстановительного правосудия (Максудов Р., Карнозова Л. Г., Коновалов А., 2009). В ряде замечаний, представленных авторами в отчете, указывается, в том числе, и на то, что существующей административной системой восстановительные технологии рассматриваются, прежде всего, как средство изменения статистической отчетности, что порождает в практике специалистов нарушение принципов и ценностей восстановительного подхода. В крае назрела необходимость создания профессионального сообщества специалистов, которое могло бы стать «управленческой инстанцией, осуществляющей контроль качества работы

по определенным стандартам, выявляющей проблемы реальной деятельности и способствующей их решению».

В июне 2009 г. в Перми была создана Ассоциация медиаторов Пермского края, которая объединила специалистов, готовых стать посредниками в разрешении конфликтных ситуаций.

Ассоциация медиаторов Пермского края является добровольным объединением юридических и физических лиц, созданным в целях координации действий, представления общих интересов в государственных и иных органах, международных организациях. Ассоциация объединяет на началах добровольности и равноправия граждан, специализирующихся в обучении и практике альтернативных способов разрешения конфликтов.

Цель создания ассоциации – внедрение, применение и продвижение альтернативных подходов при разрешении конфликтов, создание профессиональной системы обучения специалистов.

Основные задачи ассоциации:

- развитие и распространение стандартов медиации;
- популяризация медиации и восстановительных технологий посредством организации конференций, семинаров и прочих мероприятий, в том числе с помощью средств массовой информации;
- взаимодействие с органами государственной власти и судами в целях продвижения и применения примирительных процедур при рассмотрении споров и разрешении конфликтов;
- подготовка, повышение квалификации, сертификация специалистов в области медиации и восстановительных технологий;
- разработка критериев качества и стандартов профессиональной деятельности медиаторов;
- обобщение и представление опыта членов ассоциации на российском и международном уровне;
- создание и организация работы примирительных комиссий и др.

Для успешного решения поставленных задач Ассоциация планирует осуществлять:

- проведение семинаров, курсов, поддерживающих сессий, а также принимать учас-

тие в подобных меро-приятиях, проводимых другими организациями;

- постобучающее сопровождение;
- методическое сопровождение деятельности специалистов, в том числе путем издания соответствующей литературы;
- создание и координацию мобильных групп медиаторов;
- представительство профессионального сообщества во взаимоотношениях с государственными и общественными институтами, профессиональными объединениями и др.

Индивидуальными членами ассоциации могут быть граждане, прошедшие курс подготовки по программам восстановительных технологий или посредничества в российских или международных школах.

В сентябре 2009 г. на общем собрании Ассоциации были определены направления ее деятельности в соответствии с принятым Уставом.

В октябре состоялось собрание участников направления «Обобщение и распространение опыта работы», на котором были определены основные задачи развития:

- обобщение и распространение опыта уже существующих школьных и муниципальных служб примирения (описание существующего опыта функционирования восстановительных технологий в работе с судами; обобщение имеющихся пакетов нормативных документов по ШСП, МСП; публикация материалов с прошедших олимпиад по ШСП среди школьников и др.);
- создание методических разработок для функционирования школьных служб примирения (разработка требований к публикациям; экспертиза материалов для публикации; разработка методических рекомендаций по проведению кругов сообществ и др).

На сегодняшний день Ассоциация объединяет специалистов разных ведомств, работающих в образовательных учреждениях и учреждениях социальной сферы Пермского края, преподавателей ПОИПКРО и ПГУ, специалистов КДНиЗП, работающих в русле восстановительного подхода в правосудии, и является важным ресурсом в формировании новой философии реагирования на преступления и девиантное поведение несовершеннолетних.

Анна Хавкина

ПОДДЕРЖКА СООБЩЕСТВА МЕДИАТОРОВ В ПЕРМИ

Школьные службы примирения начали действовать в Пермском крае с 2003 г. в Индустриальном районе Перми и в Лысьве, выбранных в качестве пилотных площадок в областном проекте «Разработка стандарта и системы профилактики преступности несовершеннолетних»; с 2006 г. идет массовое распространение деятельности школьных служб. В крае и городе начата масштабная подготовка руководителей школьных служб примирения для обязательного внедрения служб в воспитательную систему образовательных учреждений.

Нормативно-правовая база деятельности школьных служб примирения определена приказами министерства образования Пермского края № 26-01-04-123 от 30.07.2007 «Об организации работы по выполнению бюджетных заданий по предупреждению социально опасных явлений среди учащихся» и Департамента образования администрации г. Перми № 1118 от 15.10.2008 «Об организации работы по реализации приоритетных краевых проектов».

Однако несмотря на созданные управленческие условия, есть и трудности:

- отсутствие мотивации руководителей школьных служб примирения к работе, что обуславливает непонимание учащимися ценностей восстановительного подхода и трудности в обучении навыкам работы медиатора;

- из-за отсутствия единых требований в подготовке руководителей искажаются технологии и ценности, передаваемые участникам службы;

- недостаточно разработана система стимулирования руководителей школьных

служб, и не в полной мере она понятна директорам школ.

Изучение мероприятий, проводимых в крае с целью развития мотивации участников школьных служб, показало преобладание одной формы – слетов (конкурсов) для участников школьных служб примирения разного уровня. При их проведении оцениваются в основном умения презентировать деятельность своей службы, публичных выступлений и командной работы. При этом не обращается внимание на знания и умения участников, которые требуются для осуществления главной цели службы – проведения программ примирения, медиаторской деятельности.

Анализ трудностей, возникающих в ходе организации служб в учреждениях, подготовки руководителей и участников школьных служб примирения, и желание изменить ситуацию на своей территории в лучшую сторону привели специалистов ЦППМСП Индустриального района к идее проведения мероприятий, которые могли бы:

- повысить мотивацию участников и руководителей школьных служб примирения к осуществляемой ими деятельности;

- носить развивающий характер и задавать стандарты деятельности ведущих школьных служб примирения;

- способствовать популяризации идей восстановительного подхода;

- показывать администрации образовательных учреждений значимость деятельности школьной службы и необходимость ее поддержки на местах.

По нашему мнению, достижение вышеперечисленных результатов возможно через

организацию и проведение олимпиад участников школьных служб примирения.

Олимпиада представляет собой конкурс участников школьных служб, непосредственно занимающихся медиаторской деятельностью. В отличие от слета, в ходе олимпиады происходит оценка каждого ее участника для определения индивидуального первенства лучших ведущих программ примирения.

В качестве пробного варианта в апреле 2009 г. в Индустриальном районе Перми была организована и проведена первая районная олимпиада участников школьных служб примирения, ставящая своей целью выявление и поддержку лучших учащихся, работающих в школьных службах, а также повышения качества деятельности служб. Поставленные цели были успешно реализованы. На подведении итогов олимпиады у участников появилась идея о создании районного сообщества медиаторов; эта работа начата.

Успешный опыт проведения районной олимпиады позволил ее организаторам предположить, что подобное мероприятие на уровне города будет способствовать развитию мотивации участников школьных служб примирения и привлечет внимание общественности к деятельности по разрешению конфликтных ситуаций.

Проект «Пульс есть!», написанный специалистами ЦППМСР Индустриального района, стал победителем городского конкурса проектов по разработке и реализации системы первичной профилактики правонарушений несовершеннолетних среди учреждений – субъектов профилактики, проводимого в рамках реализации мероприятий долгосрочной целевой программы «Безопасный город» на 2009–2012 гг.

Проект был ориентирован на выявление и поощрение наиболее подготовленных учащихся и руководителей школьных служб примирения, пропаганду ценностей восстановительного подхода как основу для улучшения качества работы по первичной профилактике правонарушений.

В ходе реализации проекта была разработана концепция олимпиады, проведены районный и городской этапы олимпиады. По итогам проекта организуется и поддерживается работа сообществ подростков-медиаторов и руководителей школьных служб, а также в интернете создается виртуальное пространство для общения подростков-медиаторов.

В разработке концепции олимпиады организаторы использовали:

– принцип личного первенства участников, который предполагал индивидуальную оценку каждого и выявление наиболее сильных ведущих программ примирения;

– принцип системной оценки участников олимпиады, который предполагал изучение уровня как теоретических знаний, практических навыков, так и понимания ценностей участниками. Для каждого уровня были разработаны критерии оценки;

– принцип включения сообщества, который предполагал возможность участия руководителей школьных служб примирения и учащихся из группы поддержки в городском этапе олимпиады.

Организация и проведение районного этапа олимпиады осуществлялись силами специалистов муниципальных служб примирения Перми. В районном этапе олимпиады приняли участие более 100 учащихся, работающих в школьных службах примирения города.

По 5 лучших участников из каждого района приняли участие в Первой городской олимпиаде участников школьных служб примирения. Также были приглашены их руководители, специалисты муниципальных служб примирения, которые принимали участие в подготовке олимпиады и ее участников в районах, а также участники из школьных служб примирения, не прошедшие на городской этап олимпиады, но желающие оказать поддержку своим коллегам. В ходе олимпиады для руководителей школьных служб примирения и участников из группы поддержки проводились обучающие мастерские и тренинги.

В качестве заочного задания на городском этапе олимпиады участникам было предложено написать эссе на тему: «Мое прошлое, настоящее и будущее в школьной службе примирения». Работы оценивались по следующим критериям: понимание учащимся ценностей восстановительного подхода; раскрытие темы личной значимости службы примирения для автора эссе; раскрытие темы службы примирения для школы, а также оригинальность и нестандартный подход к раскрытию темы.

В ходе городской олимпиады участники демонстрировали теоретические знания и практические навыки работы по разрешению конфликтных ситуаций. Теоретические знания проверялись в ходе выполнения письмен-

ных заданий. Навыки работы ведущего учащиеся могли показать в процессе проведения предварительной встречи с участником конфликтной ситуации. Жюри оценивало умение медиаторов устанавливать контакт, удерживать нейтральную позицию, работать с чувствами и потребностями участника конфликтной ситуации.

В качестве членов жюри были приглашены компетентные специалисты из города и края, представители Ассоциации медиаторов Пермского края и Всероссийской ассоциации восстановительной медиации.

По итогам олимпиады были определены и поощрены наиболее сильные участники школьных служб примирения и их руководители. Награждение проходило в торжественной обстановке, что позволило участникам почувствовать значимость их деятельности.

Общение участников и специалистов в ходе подготовки, проведения мероприятий олимпиады и данные опроса подтвердили необходимость проведения поддерживающих мероприятий для участников школьных служб примирения. По мнению участников опроса (учащиеся, входящие в состав школьных служб, руководители школьных служб, специалисты муниципальных служб примирения), подобные мероприятия способствуют развитию мотивации к дальнейшей работе, задают стандарты деятельности медиаторов,

повышают статус участников школьных служб примирения, оказывают влияние на формирование сообщества медиаторов.

Более 85 % опрошенных выразили желание вступить в сообщество медиаторов для повышения уровня своей профессиональной компетентности, возможности общения с единомышленниками и обмена опытом.

Кроме того, опрос позволил определить и проблемные зоны в деятельности школьных служб примирения:

- нечеткое понимание самими участниками школьных служб целей своей работы;
- отсутствие информированности о работе школьной службы со стороны учащихся, педагогов, администрации школ, родителей;
- отсутствие поддержки руководителей школьных служб со стороны коллег и администрации.

Поскольку решение заявленных проблем в рамках проведения олимпиады не представляется возможным в связи с выбранным форматом мероприятия, организаторы проекта видят перспективу в развитии и поддержании работы детского и взрослого сообществ медиаторов. Деятельность неформальных профессиональных сообществ позволит решать вопросы, связанные с качеством деятельности медиаторов, их поддержкой и продвижением идей восстановительного подхода.

Татьяна Стукачева

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ В НОВОСИБИРСКЕ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Современное общественное устройство порождает кризисные отношения в подростковой среде. Волна агрессивного поведения среди несовершеннолетних не спадает и проявляется в жестокости, нетерпимости к сверстникам с иными убеждениями, социальным положением, национальностью. В агрессивном поведении подростков прослеживается стремление самоутвердиться за счет более слабых сверстников или даже взрослых людей путем их устрашения или с помощью насилия.

Стремление запугать окружающих обычно связано с неудовлетворенностью потребностей в социальном признании, доминировании, материальных, сексуальных и прочих доступными подросткам средствами. Агрессивность в личностных характеристиках подростков формируется в основном как форма протеста против непонимания взрослых, неудовлетворенности своим положением в обществе.

В настоящее время проблемой полноценной социальной адаптации подростков, совершивших правонарушения или преступления, занимаются различные организации. Для специалиста, работающего в системе профилактики правонарушений, важно понимать не только причины, которые могут привести к деформации личности, но и четко представлять, как опасно явление делинквентности для общества в целом и для самой личности несовершеннолетнего.

Общество прилагает много усилий для того, чтобы снизить количество правонарушений в среде несовершеннолетних. Анализируя мировой и российский опыт успешной работы с правонарушителями, следует отме-

тить программы, использующие восстановительный подход в работе с несовершеннолетними. В Новосибирске реализация таких программ началась в 2006 г. Отправной точкой стал семинар «Обучение программам восстановительного правосудия», проведенный специалистами общественного центра «Судебно-правовая реформа». Первые два года программа с символическим названием «Мост» реализовывалась под эгидой КДН и ЗП, органов молодежной политики города и области при поддержке депутатов областного совета. К результатам этого периода следует отнести привлечение внимания специалистов к программам, основанным на восстановительном подходе, поиске единомышленников и первых практических шагах.

Таким образом, программа «Мост» включала два направления:

- развитие восстановительного правосудия;

- развитие школьных служб примирения.

Проект реализовывали:

- суд Ленинского района города Новосибирска и муниципальное бюджетное учреждение – городской социально-реабилитационный центр для подростков «Прометей»;

- отдел образования Заельцовского района (в лице общеобразовательных школ) и муниципальное бюджетное учреждение – районный центр психолого-педагогической и медико-социальной помощи «Вита».

Реализация проекта началась с ресурсами, которые смогли выделить вышеназванные учреждения в рамках своей деятельности. Проект активно поддерживается КДН и ЗП, Союзом юристов НСО, органами моло-

дежной политики. В этот период было важно не только информирование и обучение специалистов, работающих в сфере профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, но и поиск ресурсов для поддержки проекта. Активно шло и теоретическое осмысление восстановительного подхода.

2009 год начался с мощной поддержки Союза юристов Новосибирской области, который выиграл грант в рамках российского конкурса социально-значимых проектов. Необходимо заметить, что для судебных органов и юридического сообщества опыт Ростовской области внедрения программ ювенальной юстиции является важным. И новосибирская команда в рамках гранта вплотную познакомилась с опытом работы этого региона.

2009 год ознаменовался для нас несколькими важными моментами, которые дали возможность более четко понять, по какому пути движется новосибирский опыт. Во-первых, в Новосибирске в рамках пилотного регионального проекта одновременно реализуется несколько моделей, взаимно дополняющих друг друга. Назовем их:

- модель восстановительных технологий (восстановительное правосудие, службы примирения в образовательных учреждениях, Круги сообществ и семейные конференции);

- реабилитационная модель – психологическая и социально-педагогическая помощь несовершеннолетним, отбывшим срок заключения или имеющим виды наказания, не связанные с лишением свободы;

- организация работы по месту жительства по привлечению несовершеннолетних в социально одобряемые формы досуга.

Возможно, что такое разделение несколько искусственно и может быть связано со сложившимися направлениями и формами работы по профилактике правонарушений в среде несовершеннолетних. Эти направления стали ресурсом для поиска и реализации других форм работы с несовершеннолетними правонарушителями. Следует отметить, что наличие этих моделей не только делает работу организаций более эффективной, но и привлекает новые организации. Например, взаимодействие между центром «Прометей» и судом Ленинского района позволило усилить позиции сотрудничества «Прометей» и ГУФСИН в реабилитационной модели. В данный момент опыт работы этих двух организаций представляется на российском уровне как

пример сотрудничества исполнительной системы наказания с учреждением оказания помощи социально-психологической и педагогической направленности как служба профилактики.

Что касается работы с несовершеннолетними по месту жительства, здесь важно отметить:

- организацию пространства для деятельности неформальных подростковых и молодежных объединений в сфере досуга;

- предоставление возможности подросткам и молодежи для развития их общественной позиции (поддержка молодежных инициатив, организаций, объединений). В принципе, это некие превентивные формы профилактики правонарушений и преступлений.

И второй момент хочется отметить из опыта нашего региона. Именно в 2009 г. мы столкнулись с таким явлением, как альтернативный взгляд на ювенальную юстицию. В целом, в российском сообществе есть сторонники и противники введения ювенальной юстиции. Мы достаточно сильно ощущаем прессинг оппонентов в виде городских пикетов, сборов подписей и формирования общественного мнения. Мы не считаем, что ювенальная юстиция может ограничить права родителей. А вот помочь подростку и его семье в ситуации криминального конфликта, безусловно, может. Наша команда участвует в дискуссиях и отстаивает право на технологии, которые помогут снизить напряженность в отношениях людей, особенно когда речь идет о восстановительных технологиях.

Итак, в регионе сложилась некоторая эклектичная модель помощи несовершеннолетним в ситуациях правонарушений и преступлений. С точки зрения автора этой статьи, восстановительная технология является более универсальной формой, т. е. ей легче и быстрее обучить специалистов. Она является более краткосрочной, по сравнению с психокоррекцией и психотерапией для клиента. Не секрет, что подросток и его семья часто отказываются от продолжительных форм работы.

В то же время как организация, помогающая подросткам и их семьям, мы оставляем за собой право и на реализацию реабилитационных программ там, где они необходимы.

К успехам относим расширение сотрудничества между организациями разных ведомств, повышение качества этого сотрудничества, понимания общей задачи. Снижение повторных правонарушений среди подро-

стков, которые участвовали в программах восстановительного правосудия. В городе работают службы примирения в 3 общеобразовательных школах и 2 ССУЗах. Нами апробированы технологии семейных конференций, Кругов сообществ. Важным показателем нашей работы стал интерес со стороны профессионалов, специалистов, родительской об-

щественности, средств массовой информации. Повышается квалификация специалистов, работающих в рамках восстановительного подхода, увеличивается их число. Все это позволило нам в текущем году создать региональную ассоциацию медиаторов, целью которой является поддержка и продвижение восстановительного подхода в социальной сфере.

Анна Балаева

ПРИМИРЕНИЕ В МЕДИАЦИИ И ВНЕ ЕЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ¹

Стремление к миру и согласию, к гармонизации нарушенных отношений заложено в человеческих существах вне зависимости от культурно-исторических условий и уровня социально-экономического развития общества. Обратимся к этнологическим данным наблюдения за детьми из разных культур. Наблюдения проводились одновременно в нескольких странах: России (русские и калмыки), США, Италии и Швеции. Дети после конфликта часто примиряются друг с другом, даже если сразу после ссоры они прерывают общение и уходят. В данном случае речь идет именно о примирении, т. е. повышенной потребности в дружественных контактах с бывшим противником, а не о случайных дружественных контактах с последним. Феномен примирения в разных культурах по многим базовым показателям являлся сходным. Можно, видимо, говорить о наличии универсальной предрасположенности к восстановлению мира у детей².

Универсальные принципы примирения, описанные у детей, проявляются и у взрослых людей. Исследователи просили американских и японских студентов оценить влияние извинений на социальные отношения партнеров. Большинство студентов (80 % американцев и 90 % японцев) сообщили, что после извинений отношения с бывшим соперником налаживались или даже становились более тесными, чем до ссоры³.

¹ Автор выражает благодарность Людмиле Карнозовой за идею данной статьи.

² *Бутовская М. Л.* Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования. Электронный ресурс: http://atheistic.narod.ru/ethology/human_ethology.htm

³ Там же.

В данной статье сделана попытка сравнить естественное примирение и процедурное примирение, происходящее благодаря участию специально подготовленного посредника, медиатора, на примере двух реальных ситуаций из нашей практики. Следует иметь в виду, что в естественных условиях также используется посредничество третьей стороны, но в этом случае отсутствует специально заданная процедура, каковой является медиация, однако присутствует элемент традиции⁴.

Медиатор как специально подготовленный посредник привносит в процесс примирения определенную структуру, которая, с одной стороны, задается правилами встречи, оглашаемыми сторонам, ролью медиатора, а с другой – способами организации встречи и обсуждаемыми на ней вопросами. Основные правила примирительной встречи (не перебивать говорящего, не оскорблять друг друга, соблюдать конфиденциальность) направлены на создание безопасной атмосферы диалога сторон. Роль медиатора состоит в том, чтобы поддерживать активность сторон, согласившихся на встречу, в процессе медиации, пере-

⁴ «В традиционных культурах дети проводят много времени в смешанных по возрасту коллективах (это не только сверстники, но и более старшие или младшие мальчики и девочки). В этих условиях роль медиатора (мирителя) значительно более выражена. Старшие дети вмешиваются в конфликты младших и останавливают их, если конфликты слишком затягиваются или становятся опасными. Тот факт, что у калмыцких детей выявлена большая частота участия третьего ребенка в примирении (мирителя), указывает на большую сохранность традиционных установок в этой культуре по сравнению с русской, американской или шведской». *Бутовская М. Л.* Там же.

давая им ответственность за принятие решения по поводу конфликтной ситуации.

Способы организации встречи, а именно действия медиатора по организации диалога сторон, включают в себя: 1) предложение сторонам рассказать свою версию случившегося и его последствия; 2) предложение сторонам высказать свое отношение к услышанному; 3) поддержку активности сторон⁵. Традиционно обсуждаемые на примирительной встрече вопросы касаются последствий содеянного для обеих сторон и возможных мер, чтобы произошедшее не повторилось.

Данная структура с каждым из правил, вопросов, образующих процедуру, несет в себе определенные ценности, которые она призвана реализовать. Например, давая возможность сторонам обращаться к чувствам, медиация ссылается на ценность личности и ее переживаний в противовес формальным юридическим представлениям о конфликте. Тем самым медиация пытается вывести конфликт и его решение в зону подлинного человеческого контакта между сторонами. Правило конфиденциальности указывает на ценность субъективной правды перед юридической истиной и на другие ценности, такие как искренность, безопасность. Обсуждение последствий содеянного важно с точки зрения ценности осознания поступка, а также для создания пространства понимания. Причем обсуждение последствий затрагивает не только непосредственный вред от преступления – утрата ценности, физический ущерб и пр., но и отдаленные последствия произошедшего, такие как изменение отношений с окружающими, личностные трансформации, которые могут произойти не только с потерпевшим, но и с обидчиком.

Принципы, правила, способы, заложенные в медиации⁶, направлены на преобразование процессов понимания ситуации таким образом, чтобы стороны-участники могли породить для себя новые смыслы, помогаю-

щие глубже осознать произошедшее, другого человека и, возможно, найти ресурсы для изменения себя, своей жизни. В этом смысле можно говорить о психотерапевтическом (целительном) потенциале медиации.

По нашим наблюдениям, естественный процесс примирения свернут и может протекать по шаблонному сценарию с произнесением со стороны обидчика фраз типа: «прости, черт попутал» или «извините, я раскаиваюсь, я больше такого не совершу» и многозначительным молчанием потерпевшего, завершающимся судьбоносным «прощаю». Не умаляя значимости этих процессов, все-таки зададимся вопросом: может ли извинение, принесенное в естественных условиях, пусть и искреннее, быть адекватным, пропорциональным той мере страдания, которое претерпела жертва? И дает ли оно возможность избавиться от тех негативных состояний, которые последовали за нанесением вреда? Насколько глубоко осознание произошедшего обидчиком? Многочисленные случаи из нашей практики показывают, что подобные извинения далеко не всегда удовлетворяют жертв, хотя и вынуждают их прощать своих обидчиков на словах.

Рассмотрим случаи, которые демонстрируют иные возможности медиации по сравнению с так называемым естественным примирением, которые имело место в обеих ситуациях.

Случай 1⁷

Подросток Арсен, 17 лет, играл в видеоигры в торговом центре. Решил позвонить 26-летнему Михаилу, с которым недавно познакомился. Когда пришел Михаил, у Арсена возникла идея похитить у него мобильный телефон, чтобы продать и купить еды (в семье Арсена неблагополучная ситуация). Арсен подошел к Михаилу и попросил позвонить. Взяв мобильный телефон, Арсен скрылся и уже в метро при помощи другого, взрос-

⁵ Максудов Р. Р. Восстановительная медиация: идея и технология. Методические рекомендации. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 42–43.

⁶ Когда мы говорим о медиации, мы имеем в виду ее восстановительную модель. Данная модель близка нарративной модели, и довольно четко отличается от модели медиации интересов, которая фокусируется на решении проблемы (конфликта) путем достижения соглашения. Как пишут Д. Уинслейд и Д. Монк, модель медиации интересов уделяет недостаточно внимания истории взаимоотношений между сторонами, развитию взаимного

уважения между ними и в целом не работает с проблемой отношений. См. в кн.: Уинслейд Д., Монк Д. Нарративная медиация: новый подход к разрешению конфликтов. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2009. С. 122. В свою очередь, в центре модели восстановительной медиации, нуждающейся еще в дополнительной разработке, находится способность людей понимать друг друга, на восстановление которой направлен процесс медиации. Об этом см.: Стандарты восстановительной медиации. М., 2009. С. 3.

⁷ Случай из работы А. Великоцкой и А. Балаевой.

лого товарища, продал мобильный Михаила, выручив 100 рублей. Михаил стал искать ребят и обнаружил их в метро, там же находился милиционер, к которому Михаил обратился, сказав, что у него похитили данные подростки. Статья обвинения 161 ч. 1 УК РФ (грабеж, т. е. открытое хищение чужого имущества).

Предыстория Арсена, 17 лет. Проживает с матерью и младшим братом. По характеристике из школы, обладает такими качествами как справедливость, честность, порядочность, занимается спортом. За последнее время успеваемость снизилась. Воспитывается в неполной семье: год назад отца жестоко убили молодые люди, предположительно скинхеды.

Предыстория Михаила, 26 лет. Молодой человек в момент кражи у него мобильного телефона был без работы, испытывал материальные трудности. На этот мобильный телефон он копил месяц, хотя стоимость его около 1000 руб. Проживает в социальной гостинице, что говорит в целом о неблагоприятной жизненной ситуации. С его слов, в результате «подставы», в свое время был осужден и заключен в колонию. Материальных претензий к Арсену у Михаила нет, телефон ему вернули на следствии, а сейчас Михаил его уже потерял и купил себе новый, но он испытал обиду, когда все произошло, и не мог понять, зачем Арсен это сделал. Михаил произвел впечатление добродушного, открытого, но немного инфантильного и стеснительного молодого человека. С выраженной готовностью согласился на предложение медиаторов поучаствовать во встрече с Арсеном.

Когда участники собрались в комнате для переговоров, встреча неожиданно пошла не совсем так, как запланировали медиаторы. Молодые люди начали энергично «мириться» сразу же, как только увидели друг друга, воспользовавшись технической заминкой ведущих. Они пожали друг другу руки, о чем-то оживленно заговорили, в ходе беглого обмена фразами типа «как дела?» Арсеном были произнесены извинения. Ведущие были несколько сконфужены, так как не знали, как дальше действовать в этой ситуации: несмотря на усилия по организации специальной встречи, стороны стихийно примирились и выглядели совершенно удовлетворенными. Что в этой ситуации делать медиаторам? Ведущие приняли решение начать встречу, организуя ее по традиционной схеме восстановительной медиации (см. выше). Арсен и

Михаил с серьезным видом начали отвечать на задаваемые медиаторами вопросы об отношении к ситуации, о том, как сделать так, чтобы она не повторилась. При этом они были повернуты к ведущим, и их рассказы, хотя и были искренними, звучали как правильно выученный урок. Казалось бы, предмет встречи был исчерпан. Но тут один из ведущих спросил Михаила: «А есть ли какой-нибудь особенный вопрос, на который бы Вы хотели получить ответ у Арсена?». Это действие медиатора внезапно совершенно изменило ход встречи: Михаил встрепенулся, резко повернулся к Арсену с вопросом: «Ах, да, точно. Я хотел тебя спросить... Тебе что, понравилось воровать? Зачем ты это сделал?». После этого между сторонами начался оживленный диалог на тему правонарушения, его причин и последствий. Михаил, в частности, говорил о том, что его волнует будущее Арсена. Он не хочет, чтобы Арсена посадили, так как сам дважды был в местах лишения свободы, и уверен, что Арсен там не выживет. Арсен, в свою очередь, попытался проанализировать, почему он совершил кражу.

Основное отличие данного процесса от дружелюбного диалога, который вели стороны до начала медиации, – это его рефлексивный характер, заданный привнесенной медиаторами структурой. Уже не первый раз в нашей практике потерпевшие хотят «докопаться» до причины совершенного в их отношении поступка, но ответ на этот вопрос зачастую требует создания особых условий, которые бы «распаковывали» свернутый процесс естественного примирения, насыщая его новыми возможностями.

Случай 2⁸

Компания несовершеннолетних подростков, среди которых был Сергей и Алексей, распивала алкоголь на квартире у одного из ребят, когда родители уехали на дачу. Алкоголь по-разному подействовал на всех: кто-то почувствовал себя плохо и ушел домой, кто-то начал веселиться, Алексей просто уснул. Сергей в это время стал потешаться над уснувшим товарищем, для чего не нашел

⁸ Здесь рассматривается случай, с которым работали ведущие восстановительных программ Е. Женодарова, Л. Монастырняя и Р. Максудов. Также нами использованы результаты обсуждения на секции «Арсенал восстановительной медиации» шестой научно-практической конференции «Подросток и общество: кто кого?» 16 апреля 2010 г. в ЦСПА и РП «Перекресток» МГППУ.

ничего лучше, чем взять аэрозоль и зажигалку. В результате – Алексей оказался в больнице с ожоговой болезнью. Статья обвинения 111 ч. 1 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью).

Известно, что стороны предприняли попытку помириться, которая состоялась в кабинете директора школы. В ходе этой встречи Сергей принес извинения, но у потерпевших возникли сомнения в искренности подростка, несмотря на то, что он плакал. Дело в том, что за время обучения у потерпевшего подростка и у его родителей о Сергее сложилось негативное представление, поскольку зачастую его проступки «сходили ему с рук».

Далее информация о деле поступила в службу по работе с правонарушениями несовершеннолетних центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток» и в центр «Судебно-правовая реформа», и ведущие восстановительных программ службы предложили сторонам встречи уже в рамках процедуры медиации. В ходе индивидуальных встреч медиаторов со сторонами были выяснены последствия для обеих сторон. Потерпевший Алексей рассказал и о том, что у него началась переоценка своих личных качеств, принципов и убеждений. После двух случаев насилия, совершенного в отношении него (в том числе и поджога), он решил поменять себя и стать похожим на членов ордена ассасинов⁹, про которых он узнал из компьютерной игры. Алексей считал, что раньше он очень часто проявлял жалость, сочувствие и доброту по отношению к окружающим его людям (родным, знакомым, друзьям), но не избежал жестокости в свой адрес. Поэтому он решил воспитывать в себе хладнокровие и безжалостность, как у ассасинов. Таким образом, подросток начал формировать новое желаемое представление о самом себе, которое могло привести его к серьезному внутреннему конфликту, так как по натуре он добрый и сопереживающий. Сначала Алексей скептически отнесся к идее

встречи с Сергеем. И тогда медиатор задал вопрос: «А важно ли Вам прийти на встречу, где Вы могли бы увидеть изменения, которые произошли в Сергее?». Этот вопрос попал, что называется, в точку: и для Алексея, и для его мамы было необходимо подтвердить или развеять свои сомнения. Также их волновали два вопроса: «Как сделать так, чтобы ничего подобного не повторилось?» и «Что будет, когда контроль за Сергеем со стороны родителей ослабнет?». Именно эти вопросы медиаторы вынесли на примирительную встречу. Таким образом, предварительные индивидуальные встречи как с потерпевшим, так и с обидчиком были направлены на то, чтобы стороны увидели для себя смысл в примирительной встрече.

Важно отметить, что на предварительных встречах стороны заявили о своих установках по отношению к противоположной стороне: обидчик думал, что потерпевшему будет неприятно с ним встречаться, а потерпевший и его мама считали обидчика избалованным ребенком, которому все сходит с рук, и пр. Именно возможность проверить свои представления о противоположной стороне на предмет их соответствия действительности, со слов ведущих, была одним из основных мотивирующих встречу факторов. Почему? Мы можем предположить, что за этим стоит стремление восстановить свое чувство безопасности, которое остается очень шатким в условиях, когда образ другой стороны конфликта остается затуманенным. Это заставляет наполнять его собственными страхами и сомнениями. Примирение, состоявшееся в кабинете директора, не создало условий для понимания сторонами друг друга, и поэтому, несмотря на извинения, слезы и предложение денежной компенсации, чувства сторон оставались «замороженными» на стадии недоверия.

На последовавшей примирительной встрече не было принесения извинений (они были принесены ранее). Как сообщается в примирительном договоре, составленном по итогам встречи, «заглаживание вреда состояло в обсуждении вопросов, которые предложила для обсуждения сторона потерпевшего подростка». По сообщению специалистов, проводивших встречу, у данной медиации были следующие итоги: 1) отец Сергея стал понимать границы своих действий в отношениях с сыном; 2) произошло уплотнение пред-

⁹ Под именем ассасинов в XI–XIII вв. были известны члены исламского Ордена, стоявшего на страже интересов Аламутской державы. Государство это, созданное религиозной сектой нисаритов, причудливо сочетало признаки коммунистической утопии, тоталитарной секты и преступной организации. Постепенно ассасины спустились до роли обыкновенных убийц, которые за деньги готовы были лишить жизни кого угодно (вследствие чего с XII столетия французы для обозначения коварных убийц стали употреблять слово *assassin*).

почитаемой истории¹⁰ обидчика, его позитивной идентичности, что было важно как для него самого, так и для Алексея, который мало верил в изменения Сергея; 3) был сделан шаг в сторону деконструкции¹¹ новой формирующейся идентичности потерпевшего (отождествление с ассасинами), а значит, возможно, предотвращен процесс превращения жертвы в преследователя; 4) потерпевший и его мама смогли услышать развернутые ответы на волнующие их вопросы.

Рассмотрев данные случаи, можно сделать следующие выводы.

Медиация как специальная процедура со своими принципами и правилами позволяет сделать более глубоким и осмысленным процесс восстановления отношений между обидчиком и потерпевшим, чем когда это случается в естественных условиях (за рамками процедуры). Следовательно, медиация может влиять на качество последующих отношений участников. За счет чего это происходит?

Во-первых, медиация «распаковывает» свернутый процесс естественного примирения, давая возможность потерпевшим получить ответы на вопросы, которые их терзали,

но которые они не решались задать, а обидчикам – глубже осознать свой проступок и продумать точечные меры, чтобы не допустить подобного в дальнейшем. Во-вторых, медиация «работает» не только на процесс диалога сторон и восстановление их отношений, у данной процедуры имеется большой потенциал для инициации личностных изменений у участников (в отличие от примирения в естественных условиях). В-третьих, медиация привносит в примирительный процесс ценности, которые, возможно, недостаточно осознавались сторонами, а благодаря медиации актуализировались и, возможно, сохраняют свое влияние в дальнейшем. В-четвертых, медиация позволяет сторонам обрести более реальное и насыщенное представление о другом человеке, что, в свою очередь, способствует как налаживанию отношений и восстановлению чувства безопасности, так и избавлению от негативных переживаний, связанных с «образом врага». Разумеется, все эти выводы не являются исчерпывающими. Также они носят во многом гипотетический характер и нуждаются в подтверждении с помощью исследований.

¹⁰ Предпочитаемая история – понятие нарративного подхода в помогающих практиках. Это такое представление о человеке, которое выстраивается как альтернатива доминирующей проблемной истории. В данном случае о Сергее существовало негативное представление (история) как о мальчике, которому все сходит с рук, и который не несет ответственности за свои действия. В процессе медиации обсуждались шаги к позитивным изменениям, которые позволили «уплотнить», насытить новую, предпочитаемую историю.

¹¹ Деконструкция – понятие нарративного подхода в помогающих практиках. Может быть определено как процесс, в ходе которого ставятся под сомнение доминирующие установки и убеждения человека.

Анастасия Великоцкая

И КТО ЖЕ ЖЕРТВА?

(ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ В РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ-ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ КАК ИСЦЕЛЕНИЕ ТРАВМЫ)¹

Когда один человек нападает на другого человека, то того, который напал, обычно считают «плохим и жестоким», а того, кто пострадал, – несчастным. Это схема, которая необходима людям, обществу, чтобы понимать, что происходит, чтобы отличать «добро» от «зла». Так в ситуации насилия появляются «агрессор» и «жертва», а в ситуации уголовного преступления «обидчик» и «поплевший». Но проста ли эта схема?

Когда человек становится участником ситуации насилия, он испытывает стресс или, как принято говорить об этом в психологии, получает психическую травму, независимо от того, возникла ли эта ситуация случайно или была заранее запланирована. Психолог Рахиль МакНаир провела исследования и предположила, что травматические последствия у людей, причиняющих травму другим людям, намеренно или нечаянно, могут быть такими же тяжелыми или даже более тяжелыми, чем у жертв их насилия². То есть «агрессор», являясь, можно сказать, причиной ситуации насилия, тоже испытывает страдания. Что же это за страдания? И как на страдания «агрессора» реагирует общество?

Можно предположить, что если человека поймали на месте преступления и ему грозит наказание, то он испытывает страх перед наказанием. Но чаще оказывается, что наказания родственников, отношение друзей или взрослых, значимых для совершившего пре-

ступление подростка больше действует на его поведение, чем санкции и приговор суда.

В рамках социального опроса, проведенного Британским правительством, молодых людей просили оценить различные последствия ареста. В то время как лишь 10 %, выбирая наиболее важное последствие, назвали возможное наказание, 55 % самым важным посчитали, что могут подумать их родственники или подруги. Еще 12 % назвали самым главным последствием огласку и связанное с ней чувство стыда как последствия судебного процесса, и это в среднем оценивалось как последствие более важное в сравнении с возможным наказанием³.

И действительно, за «жертвой» ситуации насилия общество признает право на страдания, «жертве» сочувствуют родственники и друзья, а что же происходит по отношению к «агрессору»? Для того чтобы хотя бы отчасти ответить на этот вопрос и подтвердить вышеизложенные предположения, хотелось привести пример из практики работы с подростками-правонарушителями центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток» в сотрудничестве с центром «Судебно-правовая реформа».

Работа с подростками-правонарушителями в «Перекрестке» строится на основе применения *программ восстановительного правосудия* (в частности, программы *восстановительной медиации* между «жертвой» и правонарушителем).

Восстановительная медиация – это процесс, в котором медиатор создает условия

¹ Впервые опубликовано в газете «Первое сентября» № 11, июнь, 2010.

² *Йодер Каролин*. Исцеление травмы: краткое пособие. Издательство «Пилигрим».

³ *Брэйтуэйт Д.* Преступление, стыд и воссоединение. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости – о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций. В ходе восстановительной медиации важно, чтобы стороны имели возможность освободиться от негативных состояний и обрести ресурс для совместного поиска выхода из ситуации⁴. Основой восстановительной медиации является создание условий для диалога между «обидчиком» и «жертвой», в результате которого стороны находят свое собственное решение выхода из сложившейся ситуации.

В одном из случаев мы работали с подростком-правонарушителем, который, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, напал в переходе на девушку, сильно избил ее и отобрал у нее сумку. Когда мы начали работу с этим случаем, мы столкнулись с тем, что значимые люди в окружении подростка настроены по отношению к нему крайне недружелюбно.

Женя является воспитанником интерната, и из разговора с администрацией мы поняли, что его считают чуть ли не «закоренелым преступником», причиной чему является то, что его отец был очень агрессивным, нападал на женщин и находился в местах лишения свободы. Отношение администрации к участию этого подростка в программе восстановительного правосудия было достаточно скептическим, с пессимистичными прогнозами, но нам разрешили попробовать.

Каково же было наше удивление, когда в первой же беседе Женя поделился тем, что испытывает очень большой стыд перед потерпевшей девушкой и очень хочет с ней поговорить. Он не спрашивал нас, какой ему грозит срок или о чем его будут спрашивать на судебном заседании, он попросил договориться о встрече с потерпевшей.

Ему повезло: девушка, пострадавшая в этой ситуации, согласилась на участие в программе и на встречу с ним. Более того, из беседы с девушкой выяснилось, что у нее изначально было желание помочь ему. Ситуация началась с того, что недалеко от перехода девушка увидела подростка, лежавшего на земле, и подумала, что надо вызвать

«скорую», чтобы помочь ему. Конечно же, ее ошеломило, что через несколько минут именно этот молодой человек напал на нее и отобрал сумку. И несмотря на то что семья девушки не одобряла ее участие во встрече с подростком, особенно ее муж, она все равно сказала, что приняла решение и пойдет до конца.

Из бесед с Женей стало понятно, что ситуация его преступления оказалась для него самого достаточно травматичной и причиной этой ситуации, предположительно, могла стать тяжелая психическая травма, пережитая им в детстве. Молодой человек не помнил ничего из самой ситуации нападения. Он помнил, как он оказался около перехода и как возвращался в интернат.

Можно предположить, что эта созданная им ситуация насилия могла быть отыгрыванием – поведением, которое обращает энергию неизлеченной травмы против самого человека (действие, направленное внутрь) или против окружающих (действие, направленное наружу), – это признак душевных страданий и неизлеченной травмы⁵. К этому объяснению нас подводил тот факт, что и на ситуацию собственной агрессии подросток отреагировал как на травмирующее событие – *он забыл, что произошло*. Такая реакция больше характерна для маленького ребенка, который попадает в ситуацию травмы, но в этом случае, видимо, психика подростка отреагировала привычным для него способом.

В итоге в этой ситуации перед нами стояла непростая задача, так как мы, по сути, работали с двумя «жертвами» ситуации насилия, а не с «жертвой» и «агрессором».

Проанализировав ситуацию, мы поняли, что технология восстановительной медиации, в рамках которой мы работаем, в этом случае может быть исцеляющей как для одной, так и для другой стороны.

Одним из важных в восстановительной медиации является момент, когда *обе стороны рассказывают о том, что произошло*, и делятся своим пониманием и чувствами.

В нашей ситуации это было очень важно для Жени, так как *он не знал, что произошло на самом деле*, а единственным свидетелем произошедшего была сама потерпевшая. При этом важно отметить, что при работе с психической травмой восстановление травмиру-

⁴ Стандарты восстановительной медиации. М, 2009.

⁵ Йодер Каролин. Указ. соч.

ющей ситуации («дебрифинг»⁶) является отправной точкой для начала излечения психики травмированного человека. Ситуация, которая сначала кажется экстраординарной, пугающей и в чем-то нереальной, становится более-менее нормальным событием в жизни человека и занимает свое место в ряду других событий.

Для потерпевшей в нашей ситуации момент проговаривания ситуации также мог стать ключевым, так как ее мучил вопрос: «Почему он напал именно на меня?», и ответ на этот вопрос она могла получить только от самого подростка.

Другим важным моментом и результатом восстановительной медиации являются *восстановительные действия*⁷ – это может быть извинение со стороны «обидчика» и прощение со стороны «жертвы», обещание «обидчика», что он больше такого не совершит, договоренности между сторонами о возмещении ущерба.

Для Жени возможность совершить такие действия могла стать исцеляющей, так как это возвращало его в активную позицию по отношению к ситуации, он мог хотя бы что-то предпринять. До этого он просто «наблюдал», как вокруг него развиваются события: суть произошедшего до него донесли следователи, суть наказания – администрация интерната и судья, и никаких действий, кроме как согласиться или нет, с его стороны не ожидалось. Если же рассматривать ситуацию преступления как травмирующую для него, то энергия этой, уже свежей травмы, снова копилась у него внутри и для нее не находилось выхода. В будущем это снова могло привести к повторному отыгрыванию и к повторному насилию либо по отношению к себе, либо снова по отношению к другому случайному человеку.

Одной из потребностей человека, пережившего травму, является также потребность в восстановлении контроля. Так, практики нарративной терапии отмечают, что челове-

ку, находящемуся в травмирующей ситуации, необходимо понимать, что он способен на *ответные действия*, это дает надежду, что в будущем он будет способен преодолеть последствия травмы и восстановить свою жизнь. И в нашей ситуации Женя в процессе медиации, совершая такие восстановительные действия, как принесение извинений потерпевшей и обещание, что ситуация не повторится, восстанавливая справедливость через какие-то реальные договоренности и шаги, смог бы восстановить контроль над своей жизненной ситуацией в целом.

Взвесив все «за» и «против», мы решили проводить медиацию.

На этой встрече особенно важно для нас было создать такие условия, чтобы обе стороны чувствовали себя в безопасности. Непосредственно перед встречей мы поговорили с Женей о том, что на встрече важно заботиться о своей безопасности и о том, что он может в любой момент остановить встречу или обратиться к нам, чтобы встреча была остановлена.

В начале встречи девушка-потерпевшая еще раз рассказала о произошедшей ситуации, ей было достаточно тяжело говорить, было много эмоций. Женя внимательно слушал ее рассказ, хотя был очень напряжен и сильно нервничал. Когда Жене предоставили слово, он рассказал все, что помнил об этой ситуации, все, кроме самого момента избиения. Он совершенно не помнил, что натворил, помнил только, как расстался с другом, с которым много выпил. Судя по его рассказу, около 4 часов жизни он не помнил. Женя рассказал также о том, как ему стыдно и как он все это время переживает и чувствует себя виноватым.

Вначале было трудно вывести Женю и пострадавшую девушку на диалог. Женя был закрыт, напряжен, с трудом мог говорить и смотреть на нее, переживал и, как потом сам признался, ему было страшно и очень стыдно. Девушке тоже было трудно смотреть на Женю в начале встречи, свой рассказ она обращала в основном к нам, ей было трудно обращаться к Жене напрямую.

Напряжение начало спадать после того, как мы предложили Жене обратиться с извинениями непосредственно к потерпевшей. Неуверенно вступив с ней в диалог, Женя извинился за то, что сделал. Было видно, насколько искренне он просил прощения в этот момент. Девушка же просто подняла

⁶ Дебрифинг – это метод, который предусматривает анализ травматических переживаний, поощрение эмоционального выражения и стимулирование осмысления переживаний на когнитивном уровне. Дебрифинг содержит три основных лечебных элемента: вентиляцию эмоций в контексте групповой поддержки, нормализацию реакций и информацию о психологическом реагировании после перенесенного психотравмирующего события.

⁷ Максудов Р. Р. Восстановительная медиация: идея и технология. Методические рекомендации. М.: Институт права и публичной политики, 2009.

глаза и сказала, что простила его. Потом она продолжила, сказав, что понимает, как это бывает, когда человек ничего не помнит, и привела в пример случай с одним из ее знакомых, который разбил собственную машину в алкогольном опьянении, а потом сказала, что ей важно, чтобы в жизни Жени такое больше не повторилось, что ей не хочется, чтобы кто-то еще пострадал.

Женя ответил, что уже несколько месяцев не принимает спиртные напитки, так как именно в состоянии алкогольного опьянения он становится агрессивным и не может себя контролировать, и что после этого случая одна только мысль об алкоголе вызывает у него отвращение. И также сказал, что в трезвом состоянии не способен даже на мелкую агрессию и делает и сделает все, чтобы больше не употреблять спиртные напитки.

Только к концу встречи потерпевшая «вспомнила» о материальном ущербе, связанном со случившимся, и назвала сумму. Женя согласился с этой суммой, сказал, что она вполне справедливая и сообщил, что если бы эти деньги были у него, он бы сразу их вернул. В конце встречи «жертва» и «обидчик» мирно пили чай и увлеченно рассказывали друг другу о себе, своих увлечениях, планах.

В договоре о заглаживании вреда мы прописали шаги, которые может предпринять Женя, чтобы девушка получила обещанную сумму. Для Жени было важно, что он мог участвовать в процессе передачи суммы, так как фактически ущерб возмещала администрация интерната, и было понятно, что у самого Жени таких денег нет. Мы договорились, что Женя сам сообщит потерпевшей, когда интернат соберет эту сумму и будет готов ее передать.

Что же произошло в этой истории? Как ни парадоксально, в этой ситуации «жертва» и «обидчик» оказались друг для друга теми, кто их может поддержать. И несмотря на скептическое отношение администрации интерната к ситуации Жени и неодобрение семьи в ситуации пострадавшей девушки, они решились встретиться и поговорить.

Что им дала эта встреча? Женя узнал детали произошедшего и смог, наконец, почувствовать себя активным участником этой ситуации и отреагировать на нее, высказать свое отношение к произошедшему. Пострадавшая девушка получила ответы на свои вопросы и, главное, получила для себя под-

тверждение, что Женя действительно не хочет повторения ситуации и делает для этого какие-то шаги.

Важно отметить, что психолог интерната, который также присутствовал на медиации, с удивлением заметил, что он не знал, что все случилось именно так, как рассказала пострадавшая. Он был уверен, что Женя был не один, а с друзьями, и что причиной нападения было желание Жени «погеройствовать» перед друзьями. И до встречи психолог, видимо, и не пытался узнать о ситуации подробнее.

Администрация интерната уже после подписания договора о заглаживании вреда и заключения договоренностей с потерпевшей пыталась «помешать» заочному участию Жени в передаче денег, объясняя это тем, что интернату «важно, чтобы он прочувствовал свою вину до конца». Нам предлагали сделать все так, чтобы Женя не знал, что потерпевшая получила деньги, и чувствовал себя виноватым перед ней. Здесь нам важно было настоять на четком соблюдении пунктов договора, иначе для Жени снова сложилась бы ситуация, в которой *он не знал, что произошло*. В итоге нам удалось убедить администрацию интерната, что все прописанные шаги необходимы и важны, Жене разрешили поговорить с потерпевшей и он узнал, что она получила деньги.

Можно предположить, что хотя психолог интерната и администрация интерната и были сторонними наблюдателями, история с Женей создала и для них свою травмирующую ситуацию, от которой они защищались своим «видением» случившегося.

Таким образом, возвращаясь к тому, о чем шла речь в начале статьи, можно сказать, что ситуация насилия может быть травмирующей не только для того, кто оказывается «жертвой» избиения или издевательства, а является травмой и для того, кто ее непосредственно создает, т. е. для «агрессора». Также могут быть травмированы и значимые люди из окружения «жертвы» и окружения «агрессора», которые включаются в ситуацию, когда все уже случилось.

Выделение в ситуации «обидчика» и «потерпевшего» помогает тем, кто дальше работает с этой ситуацией, помогает, в том числе, тем, что создается понятная схема, защищающая психику от травмирующей ситуации.

Но, как показал наш пример, это разделение иногда не столь очевидно, и если чело-

век фактически является «обидчиком» – это не означает автоматически, что у него есть «злой умысел» и что он-то никак не пострадал и не нуждается в помощи и поддержке.

Иногда «обидчик» может стать «жертвой» созданной им самим ситуации и отношения к нему близких людей. Это можно проиллюстрировать еще одним случаем из нашей практики, когда мы работали с подростком, совершившим кражу мобильного телефона.*

Из первой же беседы с ним и его матерью стало понятно, что семья подростка очень жестко отреагировала на его поступок, намного жестче, чем «реагирует» на такие преступления уголовный кодекс. В соответствии с законодательством, молодому человеку грозил минимальный условный срок. Но в глазах своей семьи он стал преступником. Азербайджанец по национальности, он совершил то, что в его культуре наказывается максимально строго. Его родственники объявили ему бойкот, его мать, как она сама выразилась, «чуть не убила его». При этом если для нас, специалистов по работе с подростками, встречавшимися с разными ситуациями и разными реакциями подростков на свои проступки, раскаяние этого подростка было очевидным, то для его матери это было совсем не так.

Ситуация осложнялась тем, что совсем недавно его семья пережила тяжелое горе – убили его отца, и убийство это было совершено подростками. Как и в предыдущем случае, ситуация правонарушения этого подростка усложнялась здесь ситуацией тяжелой травмы, которую перенесла его мать. Он «перешел границу» и в ее сознании стал близок к «тем, которые убили ее мужа». Так его кража привела к очень острому конфликту с матерью и семьей.

При этом история его отношений с матерью показывала, что в них он был, скорее, «жертвой». Ему было трудно завоевывать доверие матери, он не раз подвергался физическому и эмоциональному насилию с ее стороны. Поэтому, как и в предыдущей истории, можно предположить, что эта кража была отыгрыванием его собственной травмы – неудачной попыткой отреагировать на свое положение в семье, совершить какое-то самостоятельное действие.

И как и в предыдущем случае с Женей, этот подросток получил поддержку от потер-

певшего. Они были немного знакомы до этого, но это было, скорее, случайное знакомство, чем дружба. Потерпевший находился в очень тяжелом социальном положении, был в местах лишения свободы, ему трудно было найти постоянную работу, поэтому он жил за счет случайной подработки. На мобильный телефон, который у него украл наш подросток, потерпевший копил несколько месяцев. Казалось бы, ему был нанесен значительный ущерб, но на нашей встрече потерпевший больше говорил о том, что очень не хочет, чтобы его «обидчика» посадили, что хочет помочь ему, чем сможет.

В итоге, когда мы проводили медиацию, основной темой обсуждения стало не примирение сторон – стороны «помирились» как только вошли в кабинет, перекинувшись парой фраз. Основной темой разговора стало то, что делать дальше подростку, чтобы не попадать больше в такую ситуацию.

При этом подросток говорил о том, что ему важно...*чтобы он был наказан*, что так он может быть спокоен за то, что больше ничего подобного не совершит. А потерпевший в этой ситуации выступал больше в роли защитника и советчика, предлагая различные варианты. Мама подростка появилась уже после медиации, ей было важно забрать сына домой, чтобы «разобраться» с ним, тот факт, что состоялась его встреча с потерпевшим, которая может повлиять на приговор суда, казалось, не имел для нее большого значения. А подросток уже ушел...вместе с потерпевшим. Узнав, что подростка нет в Центре, но он обещал быть дома к десяти, его мама немного успокоилась, поблагодарила нас за участие, подписала документы для суда и ушла.

В суде этот сценарий практически повторился, конфликт между матерью и подростком продолжался, она отчитывала его в коридоре суда, не обращая внимания на окружающих. А потерпевший пытался поддержать его после ссоры с матерью. Когда подростка допрашивали уже в зале суда, то казалось, что ему неважно, о каком наказании говорит прокурор, – он был уже наказан своей семьей.

Продолжилась эта история совсем для нас парадоксально. После вынесения приговора о минимальном условном сроке мама и подросток пришли к нам на встречу, и мама сообщила нам, что собирается отдать сына в закрытую школу. Приговор суда показался ей слишком мягким.

* «Зеркальное» описание этой ситуации см. в предыдущей статье. – Примеч. ред.

Что мы видим в этой ситуации? Мы видим, что «обидчик» находится в роли «жертвы» в собственной семье, и ситуация правонарушения только усугубляет уже сложившуюся травмирующую ситуацию. В этом случае проведенная нами медиация стала необходимой поддержкой для «обидчика» и даже вынесение наказания стало для него в этой ситуации, скорее, спасением, «искуплением» в глазах семьи. Но в отличие от предыдущего случая, где медиация принесла ощутимый исцеляющий эффект, в этом случае медиация выступала как временное облегче-

ние страдания, так как основная травмирующая ситуация развивалась в семье.

На примере этих двух случаев хотелось показать, как может меняться схема «агрессор» – «жертва» или «обидчик» – «потерпевший» в ситуациях, если «обидчиком» является подросток-правонарушитель, переживший психическую травму или находящийся в травмирующей ситуации во время совершения преступления, а также какие возможности для исцеления психической травмы заложены в технологии восстановительной медиации.

Елена Женодарова

РАБОТА СО СЛУЧАЕМ В ОДНОЙ ИЗ МОСКОВСКИХ ШКОЛ

К нам в Центр обратилась администрация школы Москвы с просьбой помочь разобраться с проблемной ситуацией в 6-м классе. Ситуация, на их взгляд, состояла в следующем: есть несколько человек, которые своим поведением мешают одноклассникам учиться, срывают уроки у молодых преподавателей, в целом создают напряжение и некомфортную атмосферу в классе.

У нас была возможность подключить к работе не только ведущих восстановительных программ, но и психологов-тренеров из подразделения ПП (психологической помощи), работающих с классными группами на командоформирование, а также диагностику внутригрупповых процессов.

Индивидуальные встречи

На индивидуальные встречи с молодыми учителями, которые ведут уроки в 6-м классе и у которых возникают трудности с дисциплиной в этой учебной группе, а также с классным руководителем, были вынесены следующие вопросы: прояснение их видения данной проблемы, отношение к ней и пути решения. Все из опрошенных преподавателей сходились на том, что есть только один выход из сложившейся ситуации – одного (из двух проблемных) ребенка лечить, а другого убирать из класса, иначе все бесполезно. Мы получили от этих преподавателей согласие на участие в Круге по решению данной проблемы. Хотя, по их мнению, вряд ли что можно сделать посредством предложенной нами процедуры.

Тренинг в 6-м классе

Пока одни специалисты проводили индивидуальные предварительные встречи, параллельно этому процессу специалисты психологической службы проводили тренинг в 6-м классе.

Из отчета тренеров О. Сковычевой и Е. Донерчук:

«Впечатление о группе: ребята сотрудничающие... Многие с низкой произвольностью. ...Нет опыта самоорганизации совсем. ...Ребята, которых охарактеризовали как помощников классного руководителя, в динамической ситуации часто дестабилизируют группу, а в качестве лидеров проявляются другие...отношения формальные...Если их «не строить», групповое обсуждение или просто выслушивание по кругу невозможно. Очень быстро устают от разговоров. Во время динамических игр оживают, включаются. ...Сосредоточены на себе, очень чувствительны к мнению окружающих. Высокие требования к себе и окружающим. ... К сожалению, постоянные мелкие конфликты приводят к недостаточному уровню безопасности в группе, невозможности самоорганизации. Если нет никакой внешней структуры, очень устают друг от друга. Ребята с хорошим уровнем произвольности часто раздражаются из-за невозможности самоорганизации в группе, разочарованы и считают попытки организовать класс бесполезными. Похоже, что у них невысокое мнение о себе как о группе, они не очень верят в свои возможности».

Предварительная встреча с 6-м классом

Следующим этапом была предварительная встреча ведущих восстановительных программ А. Балаевой, А. Великоцкой и Е. Женодаровой с 6-м классом. В ходе нее ситуация в классе была признана учениками как проблемная. Энергии при обсуждении было много, но у ребят было мало надежды на возможность разрешения ситуации. В конце встречи ребята согласились принять участие в Круге по решению проблемы, где будут не только они, но и несколько учителей, заявивших эту проблему, а также классный руководитель. Девочки сказали, что они не верят в возможность изменения ситуации. Мальчики же, напротив, приободрились и всем своим видом показывали готовность к обсуждению и решению стоящих перед классом задач.

За час до общего мероприятия специалист Е. Женодарова встретила с одним из «обвиняемых» учителями и одноклассниками (назовем его Иваном). На предложение принять участие в предварительной встрече, где будет весь класс, узнав о теме беседы, мальчик подумал и сказал, что он боится, но, может быть, придет. В итоге, Иван пришел на Круг и сел рядом с Е. Женодаровой (возможно, ощущая поддержку и безопасность). В конце встречи сказал, что он такое услышал про свое участие в создании проблемы, что у него «перевернуло голову». Другой «обвиняемый» (второй и, похоже, главный герой, назовем его Денисом) в конце встречи, на которой он все время молчал, заявил, что если бы с ними говорили так, как говорим мы, он бы вел себя по-другому.

Здесь хочется отметить, что встреча проходила 1,5 часа, и все это время ребята были сосредоточены на беседе, их поведение соответствовало ситуации. От нас, ведущих, потребовалось лишь организовать процесс и направлять беседу в рамки обозначенной темы. Возникает вопрос: почему одни и те же дети в групповых процессах, проходящих с разницей в несколько дней, так по-разному себя зарекомендовали? Напомним выводы специалистов после тренинга: «...Если их “не строить”, групповое обсуждение или просто выслушивание по кругу невозможно. Ещё – очень быстро устают от разговоров...» Поставленный вопрос еще ожидает своего ответа через глубокий анализ и совместное обсуждение специалистами. Но уже сейчас можно предположить, что такая включен-

ность ребят в процесс (в течение двух уроков без перерыва) была вызвана самой темой и вопросами, которые ставились на обсуждение. Проявилась и внутренняя мотивация подростков – личная заинтересованность каждого в решении проблемы и возможность самореализации.

Круг решения проблемы

«Отчет по Кругу решения проблемы в 6-м классе, 2009 г.

Круг прошел, как и было запланировано, в день рождения школы. Изначально на этот процесс было выделено 2 урока с переменами на перерыв. В результате Круг занял 4 урока.

В классном кабинете, где все было заранее подготовлено (убраны парты и в круг расставлены стулья) собрались ученики 6-го класса, классный руководитель, куратор ШСП, учитель математики, учитель русского языка и литературы, а также два хранителя Круга – Антон Коновалов (общественный центр “Судебно-правовая реформа”) и Елена Женодарова (центр “Перекресток”).

Проблема, которую вынесли на Круг, формулировалась так: “Как сделать, чтобы в классе была такая дисциплина, при которой у ребят была бы возможность спокойно и успешно учиться”.

С самого начала чувствовалось некоторое напряжение и неопределенность настроя на предстоящий процесс со стороны детей. Так как предварительная встреча проходила с моим участием, я помнила не только имена некоторых из ребят, но и их активные позиции относительно данной проблемы. Необычным показалось и то, как проявлял себя Денис (напомню, это один из ключевых участников нашей встречи). На этом Круге Денис оказался на соседнем со мной стуле, и я наблюдала, как он постоянно себя чем-то старался развлечь. Чаще всего это были попытки поговорить с рядом сидящим одноклассником. Надо сказать, что этот самый одноклассник с большим неудовольствием реагировал на его приставания, просил “отстать и заткнуться”. Интересно, что Денис этого как бы не замечал, возможно, понимал, что сейчас здесь начнется, и чувствовал себя не очень уютно. Несколько раз я просила его говорить тише или молча послушать других – не нарушать правила. На меня Денис реагировал, но мои просьбы оставлял без внимания. В результате после

первого круга (представления участников и обсуждения правил) я решила напомнить присутствующим о том, что процедура наша добровольная и если кто-то хочет уйти, то – пожалуйста. Я не могла понять, что происходит. Я не верила своим глазам: это были “другие” дети, это был “другой” класс – не тот, что я видела на предварительной встрече. Я очень надеялась, что Денис и несколько скучно зевающих и безучастных ребят встанут и уйдут и наступит тишина и рабочая атмосфера! Я, конечно, понимала, что этот мальчик – один из **ГЛАВНЫХ** ответственных за сложившуюся негативную атмосферу в классе и его присутствие на Круге необходимо (просто поддалась эмоциям...). Но не тут-то было – вместо Дениса собрались уходить те ребята, которые, можно сказать, составляют основное конструктивное ядро класса (в основном это мальчики) и все девочки (их всего в классе четыре). Этого я никак не ожидала (и не только я). Положение “исправила” классный руководитель. Она вскочила с распростертыми руками и сказала, что если они сейчас уйдут, то ничего не изменится и никто за них и для них сделать уже ничего не сможет! И в таком случае – не надо ей больше жаловаться на “эту тему”. Такая постановка вопроса ребят вернула на свои места.

Из выше описанной ситуации можно и даже нужно сделать выводы. Например, такие: если была проведена предварительная встреча и ведущие заручились согласием сторон на участие в Круге, то не стоит (или необязательно) спрашивать участников об этом еще раз уже непосредственно перед его началом (идея Антона Коновалова). Но в то же время нельзя было делать вид, что ничего не происходит. Может быть, стоило спросить о моих предположениях и догадках у ребят: все ли у них в порядке и почему они так безучастны к происходящему здесь и теперь? Я и сейчас не знаю, как надо было тогда поступить. Во всяком случае, когда ребятам (тем, кто пытался уйти) удалось заявить о своем отношении к Кругу, пусть даже таким протестным путем, атмосфера отчасти разрядилась. Впоследствии оказалось, что за день до этой встречи случился очередной конфликт (драка) между Денисом и одним из его одноклассников, который первым встал, чтобы выйти из Круга. Все ребята были настроены против Дениса. Многие из них считали (даже те, кто на предва-

рительной встрече возлагал еще какие-то надежды на позитивные изменения), что ничего не изменится, если Денис останется в их классе и что во всех классных невзгодах виноват в основном он один. Но озвучено все это было уже на третьем круге – круге отношения к проблеме и, далее, ее решения.

Затем участникам Круга было предложено вспомнить жизненную ситуацию, когда у них был с кем-либо конфликт, который они, благодаря чему-то или кому-то, разрешили мирным путем. Говорили взрослые и несколько ребят. Одним из рассказчиков был Денис! Он вспомнил истории, когда летом отдыхал в деревне, и о своих приятелях из этой деревни. Когда ребята в основной своей массе, ничего не говоря, передавали символ слова по кругу (хотя энергии, которая была на предварительной встрече, хватило бы для решения не одной подобной проблемы, а нескольких сразу), для меня вновь встал вопрос: “Что же случилось?”. И первое, что пришло в голову, было предположение о том, что, возможно, это реакция на присутствующих в Круге преподавателей, в частности, на классного руководителя (со временем, как я уже отмечала, оказалось, что это не имело никакого отношения к “протесту”).

После этого один из хранителей предложил обсудить те трудности, перед которыми ребята, с их слов, чувствуют свое бессилие. Начался этот раунд с того, что двое детей – мальчик (тот, с кем Денис подрался накануне) и девочка (с разрешения классного руководителя) ушли. Через 10 минут они все-таки вернулись (девочка выглядела заплаканной). Ребята постепенно “раскачивались”, чувствовалось, с какой неохотой они “включались”. Чаще всего звучали обвинения в адрес “одного мальчика” или, как говорил кто-то из детей: “Не будем показывать пальцем, но некоторые...”. Речь, как оказалось, шла о Денисе. Хранители Круга пытались обеспечить безопасную и рабочую атмосферу, поддерживая, по необходимости и по возможности, Дениса. И сам мальчик не давал себя в обиду. Иногда кто-нибудь из ребят призывал всех смотреть, в первую очередь, за собой, некоторые говорили: “Мы все виноваты!” Но призывы к разделению ответственности за происходящее в классе, беспорядок на уроках и переменах звучал только до первого перерыва. А дальше произошло **ничто**, что окончательно сплотило в едином порыве всех детей против Дениса.

Во время перерыва дети ушли в столовую на обед. Со слов учеников, в столовой Денис стал обзывать нецензурными словами нескольких девочек. В результате одна из них расплакалась. Затем, поднимаясь по лестнице на третий этаж (в кабинет, где проходил Круг), Денис спровоцировал драку с тем самым мальчиком, к которому приставал вначале Круга с разговорами. Одноклассник, с которым у Дениса накануне была драка, в одно мгновение очутился рядом с дерущимися и буквально набросился на Дениса. Мне и еще двум взрослым пришлось их растаскивать и держать, так как дети были в ярости. Их пыл не остыл и в кабинете – с большим трудом ребят рассадили по своим местам. Денис сидел рядом со мной. Он достал мобильный телефон и в какой-то момент тот, другой “боец”, с криком-требованием: “Убери телефон!” подскочил к нему и выбил ногой из его рук аппарат, который полетел мне в голову. Со стороны все происходящее выглядело довольно странно (если, конечно, не знать причину такой агрессии). Оказалось, что за день до этого случился очередной конфликт из-за того, что во время урока Денис не подчинился требованию учителя убрать мобильник, в который он играл и мешал окружающим его детям.

После инцидента с телефоном Денис пожелал покинуть Круг. И с этого момента у ребят началось излияние наболевшего и накипевшего, связанного с присутствием в классе ученика по имени Денис. Вспоминали те времена, когда он учился в начальной школе (потом на несколько лет они с родителями уезжали из Москвы). Со слов ребят, тогда мальчик был еще «ничего – нормальный», а сейчас он просто невыносим – матерится, задирается, ничего не слышит, никого не слушает, ни в чем не сознается. Неоднократно, как говорит классный руководитель и сами дети, они давали Денису шанс – предлагали все начать с чистого листа, но он ни разу не воспользовался их предложением. Со слов одноклассников, они предлагали ему даже помощь в учебе, но и это предложение мальчика не заинтересовало (хотя до того, как он ушел из Круга, еще до перерыва, он в грубой форме сказал одной из девочек, чтобы она вместо того, чтобы критиковать и обвинять, лучше бы помогла ему в учебе). Ребята вспомнили все, что было связано с Денисом, и в этих воспоминаниях не было ни одного светлого пятнышка, если не считать началь-

ную школу. Вспомнили даже те моменты, когда ребята были на летних каникулах, – и если кто-то из них где-то на улице случайно сталкивался с Денисом, то это была, как правило, неприятная встреча с тяжелым осадком. И чем больше ребята говорили об этом, тем больше пессимизма звучало в их словах, когда речь заходила о решении этой проблемы.

В отсутствие Дениса росло напряжение, и хранители посчитали, что ребятам надо дать возможность высказаться, чтобы они не держали переживания в себе. Многие участники Круга говорили о своей боли и бессилии по поводу ситуации, сложившейся в классе. Это выражалось у ребят в желании убрать Дениса из школы и поместить его в спецшколу, откуда его не будут выпускать на улицу... А если его не уберут, то – по их мнению – ничего не изменится. Кто-то даже предложил его побить, чтобы он напугался и остерегался так себя вести – силу, по мнению ребят, он все-таки уважает. Большую поддержку для конструктивного разговора оказали присутствующие на Круге педагоги, поскольку их высказывания были позитивными, «сглаживающими» напряжение, помогающими увидеть положительные стороны в Денисе.

Завершающий этап заключался в том, что у ребят спросили, удавалось ли кому-то так говорить с Денисом, чтобы он их слушал и прекращал разрушительные действия? В Круге оказались 4 одноклассника, к чьему мнению Денис в некоторых ситуациях прислушивался, и эти ребята сказали, что готовы общаться с Денисом и сглаживать ситуацию.

На этом Круг завершился, но после него мы остались со взрослыми участниками подвести итоги».

В какой-то момент мне показалось несправедливым перекладывать на плечи ребят решение ТАКОЙ проблемы – проблемы, которую они решить просто не в силах. Это даже не в их компетенции: существовало мнение, что мальчик, возможно, страдает расстройством личности, неизвестно чем вызванным (в последнее время он, по рекомендации психиатра, принимал медикаменты, в результате чего спал на уроках). Отец, по словам мальчика (Денис рассказывал об этом одноклассникам), бьет его по голове. Со слов администрации и учителей, отец всегда оправдывает Дениса и считает, что классный

руководитель настраивает ребят против него. А представитель ПДН (подразделение по делам несовершеннолетних ОВД) после встречи с ним предположил, что у него криминальное будущее и оно не за горами.

Ситуация после Круга

Знаю, что после Круга ситуация с Денисом осложнилась. Он, как говорили в школе, стал просто «без тормозов» – дрался на каждой перемене. Для него как будто «зажегся зеленый светофор». Его «застукали» – и скрываться больше не надо: он «плохой мальчик». Со слов некоторых учителей, ситуация в классе в целом осложнилась. Ребята начали делать замечания Денису по каждому поводу, тем самым создавая еще более нерабочую, чем прежде, атмосферу на уроках.

Напрашивается следующий вывод: **Круг – это средство для решения проблемы, а не поиск виноватого и его клеймения.** Хранители Круга (в нашем случае) иногда не удерживали контекст, и участники скатывались в «обвинительный процесс», что повлекло за собой легализацию темы: «Виноват во всем один Денис». Многие так и раньше считали (но не Денис – он и не догадывался, что всех «достал»), но немногие об этом говорили и делали публичные замечания Денису. Теперь же эта тема «громко зазвучала» на уроках, и тем самым дисциплина, особенно после проведения Круга, резко ухудшилась. В работе с людьми, находящимися в состоянии эмоциональной нестабильности, особенно если это дети, трудно все предусмотреть и предвидеть заранее (моментами процесс выходит из-под контроля, но ничего в этом страшного нет).

Прошедший Круг – это лишь часть работы, один из ключевых этапов, который помог наметить следующие шаги по решению сложной ситуации в классе. Глобальные изменения моментально произойти не могут. Это требует больших душевных и эмоциональных вложений (затрат). Но если есть проблема – ее надо решать. И здесь важен вклад каждого, кто о ней заявляет. **Главные же и руководящие роли этого процесса должны взять на себя взрослые!**

Этапы работы с 6-м классом после проведения Круга:

1. Индивидуальная работа с Денисом (возможна встреча с его родителями). 2. Работа с ребятами, которым Денис симпатизирует и которые могут его поддержать.

3. Взаимодействие с представителями школы (администрацией и преподавателями) по этому вопросу.

1. О встрече с Денисом

Денис согласился на встречу со мной. Я спросила, как он относится к прошедшему Кругу. Денис ответил, что нормально. Он поинтересовался, что дети о нем говорили после его ухода (когда Денис покинул Круг) и как они к нему относятся. Совершенно неожиданные для меня вопросы. Мне стало понятно, что мальчику не все равно, как его видят и оценивают одноклассники. Это было ресурсом для дальнейшей работы по изменению ситуации. Далее темой нашего разговора (самой важной, главной и интересной для любого ребенка) стала жизнь Дениса – с его увлечениями, предпочтениями, радостями и тем, что его огорчает в этой самой жизни. На встрече я в основном использовала техники нарративного подхода. В процессе работы у нас возникали некоторые сложности. Например, в какой-то момент Денис взял игровую приставку и начал играть. На мое предложение продолжить беседу он сказал, что через 2 минуты он «вернется» к общению со мной. Пришлось набраться терпения – я засекала время. Ровно через две минуты сообщила Денису, что время истекло – он тут же положил приставку. Стало ясно – при каких-то условиях с ним можно договариваться. Следующее, что мы сделали с мальчиком, – было формирование списка тех ребят, с кем он предпочел бы дружить или просто общаться. Денис сообщил мне, что к некоторым из них он уже подходил с предложением о дружбе (после Круга) и кто-то из ребят даже согласился (при условии, что Денис не будет себя «так» вести...). Договорились, что я встречусь с ребятами и передам им предложение Дениса – дружить с ними.

2. О встрече с теми, с кем Денис хотел бы дружить

Мальчиков пригласили в кабинет директора, так как других свободных кабинетов не было. Работали в присутствии директора, что ничуть не смущало детей. Ведущие рассказали детям, что Денис хотел бы общаться с ними. Ведущие также спросили, заметили ли мальчики какие-нибудь положительные изменения в классе после Круга. В отличие от взрослых, ребята, каждый в разной степени, отметили положительную динамику в их отношениях с Денисом и, соответственно, в отношении дисциплины в классе. Они под-

твердили, что Денис подходил к некоторым из них и предлагал дружить.

Разговор в итоге неожиданно перешел в обсуждение одной из девочек класса. Она, по мнению ребят, сама часто является провокатором стычек с Денисом. Ведущие возвращали ребят к заявленной в начале процесса теме разговора и предлагали не обсуждать девочку, тем более не осуждать без ее присутствия. На вопрос, почему на Круге не был поставлен вопрос ее активного участия в нарушении дисциплины, ребята ответили, что им было неудобно при ней об этом говорить.

3. Педсовет

После работы специалистов центра «Перекресток» с целью анализа происходящего в 6-м классе директор школы собрала малый педсовет, состоящий из преподавателей, работающих в данном классе. На нем были подведены некоторые итоги нашей совместной деятельности и приняты решения, связанные с происходящим на тот момент в классе.

Некоторые учителя отмечали, что у них нет проблем с Денисом, и объясняли это тем, что у них к нему дифференцированный подход: они специально для него разрабатывают задания, вовлекая его тем самым в учебный процесс. Кто-то выбрал своей тактикой доброе, внимательное отношение к мальчику и похвалу за каждый, даже не очень значительный, успех в учебе.

Социальный педагог отметила, что последнее время она специально наблюдает за взаимодействием ребят на переменах. Она уверена, что большинство драк с участием Дениса провоцирует не он, а другие дети. Также было отмечено, что ребята его не принимают в игры и намеренно «чморят». Раньше это не бросалось в глаза, поэтому ответственность за создание конфликтных ситуаций на переменах и уроках (с участием Дениса) автоматически приписывалась ему.

Директор предложила внимательно наблюдать за взаимодействием ребят на уроках и не позволять детям делать замечания

Денису. Полностью взять в свои руки контроль над дисциплиной, исключая тем самым лишний повод для создания шума.

Результат

Прошло немного времени, и мне представился случай пообщаться с одной из молодых учительниц, которая преподает в 6-м классе. Она сказала, что с большим трудом, но ситуация меняется – Денисом перестали «брезговать». Если раньше ему было «позволено» сидеть только на последней парте (когда он пересаживался ближе – все разбежались подалее от него), то теперь его можно увидеть и на третьей, и на четвертой парте, и все спокойно на это реагируют. Можно ли считать это результатом проделанной работы? Я думаю, что это тоже результат.

Решение проблемы...

Ближе к концу учебного года родители Дениса забрали его из школы. Но это не решило всех проблем. Как говорит заместитель по социальной работе, одна проблема в 6-м классе сменилась другими проблемами и с другими детьми. И это естественно – сложных ситуаций никто не отменял. Просто их надо решать, а не ждать, что когда-нибудь они закончатся!

Работа, которая была проделана в 6-м классе, является, может быть, не системной, но комплексной. В нее были включены разные специалисты – внешние (тренеры-психологи, ведущие восстановительных программ) и внутренние (преподаватели, администрация). И, конечно, сами дети, ученики 6-го класса.

Сейчас самое время всем собраться и подвести итоги. Сделать выводы и понять, что можно использовать, что работает, а что нет. И всегда ли источником проблемы является то, что кажется явным в начале?

Татьяна Вшивцева

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ КРУГОВ СООБЩЕСТВ

С технологией проведения Кругов сообществ мы познакомились в Перми на тренинге Рустема Максудова и Антона Коновалова. Данная форма работы очень заинтересовала нас, и возникло желание начать проводить Круги. Предложенные методические материалы помогли подготовить и провести ряд Кругов сообществ.

Первый Круг принятия решения был проведен сразу после обучения в июне 2009 г. с ведущими восстановительных программ, которые проходили обучение в нашем районе. Завершить курсы решили проведением Круга, на котором планировалось узнать у коллег, нужно ли им сообщество медиаторов и если нужно, то для чего и какой вклад они готовы внести в развитие нашего сообщества. Схема такая же, по которой проводили у нас Круг по созданию Ассоциации в Перми Рустем Максудов и Антон Коновалов.

Первый Круг. На Круг пришли те, кто еще только начал пробовать себя в роли ведущего восстановительных программ, те, кто уже имеет опыт проведения программ, и учащиеся из школьных служб примирения (4 юноши и 4 девушки 8–9 классов из 2 разных школ). Всего было 18 человек.

После приветствия и благодарности за то, что решили принять участие, были представлены хранитель Круга, волонтеры и участники, а также Анна Львовна Хавкина как руководитель Ассоциации медиаторов Пермского края.

Символом слова большинством участников были выбраны ключи, которые предложил учащийся – медиатор ШСП, они у него ассоциируются с возможностью открывать для себя что-то новое, неизведанное.

Для работы в Круге были предложены и приняты правила:

- уважать символ Круга (говорит только тот, у кого символ Круга);
- говорить от всего сердца честно и открыто;
- говорить с уважением к присутствующим;
- оставаться в Круге до конца;
- соблюдать конфиденциальность.

После принятия правил и проведения ритуала открытия Круга было предложено принять участие в раунде личных историй. У каждого в жизни, наверное, были встречи с людьми, какие-нибудь события, которые меняли взгляды на общечеловеческие ценности. Участникам Круга было предложено вспомнить значимого для них человека и назвать характерную его черту или качество, которое они считают важным.

Как хранителю Круга мне захотелось рассказать присутствующим о любви. Далее по кругу все стали вспоминать встречи с интересными людьми, родителями и героями любимых книг. При обобщении всего сказанного определились ценности, важные для данной группы: честность, жизнь, любовь, ответственность, смелость, дружба, прощение, решительность, умение преодолевать трудности. Было предложено для работы в Круге руководствоваться данными ценностями: «Этот список ценностей важен для нас всех и будет помогать нам в работе».

После этого участники активно включились в обсуждение вопросов:

1. Для чего нужно сообщество медиаторов в Чернушинском районе?

Ответы на первый вопрос: чтобы повысить свой профессионализм, чтобы была возможность обмениваться опытом, данная форма дает возможность конструктивного общения с подростками, помогает поверить в себя и свои возможности.

2. Что я могу сделать для развития сообщества медиаторов Чернушинского района?

Ответы на второй вопрос: создать сайт сообщества, заниматься рекламой ШСП, проводить занятия по общению с учащимися начальных классов (предложение медиаторов-учащихся), поделиться опытом, внедрять восстановительные технологии в своем образовательном учреждении, рассказывать, обучать учителей конструктивным способам общения с учащимися, обучать учащихся для работы в ШСП, создавать и развивать ШСП в своих школах.

3. Что может сделать сообщество медиаторов для меня?

Ответы на третий вопрос: информировать о новых формах восстановительного правосудия, объединить заинтересованных в этом направлении людей-единомышленников, для повышения профессионального мастерства в роли ведущего, для проведения супервизии и интервизии, для вступления в Ассоциацию медиаторов Пермского края, организовать постоянно действующий семинар по внедрению ВТ в образовательные учреждения.

Затем я подвела итоги работы Круга, поблагодарила всех за работу и провела ритуал закрытия.

При рефлексии выяснилось, что участникам было «интересно слушать удивительные истории, такие разные и важные для каждого», «когда рассказывали истории, чувствовалось единение группы, уважительное отношение, интерес к каждому», «действительно в жизни не хватает таких моментов, когда можно задуматься и поделиться чем-то очень личным, дорогим в кругу не совсем знакомых людей, но за такой короткий период ставших близкими, которым можно доверять, быть честным с самим собой», «слушая других, как бы заражаешься положительной динамикой, на душе становится трепетно, радостно и как-то необъяснимо».

Как у хранителя Круга у меня осталось чувство удовлетворения, так как наша идея по созданию сообщества медиаторов была поддержана всеми участниками и все решили помочь в развитии нашего сообщества.

Второй Круг был организован и проведен с воспитателями городского детского сада. Было решено вынести на обсуждение разработку коррекционно-профилактической программы по работе с «проблемными детьми». В Круге приняли участие 22 воспитателя. После рассказа об истории возникновения Кругов и структуре их проведения было предложено выбрать символ Круга и поделиться личной историей по определению своих ценностей. Первая история хранителя Круга была о том, как в детстве чтение сказки Андерсена «Гадкий утенок» и рассказа А. П. Чехова «Каштанка» повлияли на умение сострадать, заботиться о животных. Остальные участники также стали вспоминать детские годы и истории, связанные с животными и родителями. Для обсуждения в основной части Круга воспитателям были предложены следующие вопросы.

– Какие они испытывают чувства к тем детям, которых называют проблемными?

– Что они могут предложить для работы с такими детьми?

– Какая помощь и от кого нужна им для работы с такими детьми и их родителями?

В результате были отработаны и отражены чувства, все смогли высказаться и понять, что детям нужна помощь и поддержка. Было решено составить программу или цикл занятий для родителей, детей и обучающий семинар для воспитателей по обучению элементам восстановительного подхода к детям и родителям.

Третий Круг принятия решений был проведен с учащимися 5-го класса городской школы. Пять мальчишек из этого класса по заявке КДН и ЗП были направлены на проведение восстановительной программы. Цель проведения Круга заключалась в оказании поддержки пятиклассникам, которые решили изменить отношения друг с другом. На Круг были приглашены учащиеся – активисты школьной службы примирения, психолог школы и классный руководитель.

После выбора символа слова и выполнения ритуала открытия Круга участникам было предложено вспомнить какие-либо поступки людей, чей-то опыт, фильм или книгу, которые изменили отношение к людям, жизни, так как человеку постоянно приходится общаться, начиная с детского сада. У каждого есть свой опыт выстраивания отношений между людьми.

После раунда личных историй были определены основные ценности: УВАЖЕНИЕ, ПРИНЯТИЕ, ПОНИМАНИЕ, ДРУЖБА.

В основной части Круга каждый смог высказать свое мнение на предложенные вопросы:

1. Как живется вам в вашем коллективе?
2. Каким вы видите свой коллектив, что хотелось бы изменить?
3. Что каждый из вас может сделать для сплочения коллектива?

Подводя итоги работы в Круге, хранитель отметил, что ребят не устраивает их отношение друг к другу, поэтому они предложили ряд совместных мероприятий и составили ряд правил общения в классе.

Очень хорошо помогали поддерживать атмосферу Круга волонтеры, девочки из школьной службы примирения и психолог. Учащимся приходилось напоминать правила ведения Круга. Но общее впечатление от участия в Круге всеми было отмечено как положительное.

Четвертый Круг был проведен в учреждении профессионального образования. Куратор группы обратилась с просьбой помочь наладить отношения в группе, так как двух студентов группа не принимает в свой коллектив, нет сплоченности. Было предложено провести Круг принятия решения. Сначала студенты отреагировали на предложенную

форму несерьезно, и после проведения ритуала открытия Круга кто-то сказал: «Секта какая-то». Но когда начался раунд личных историй и стали говорить о ценностях, которые важны, отношение изменилось. Правда, не все смогли поделиться своими историями, но услышанные рассказы никого не оставили равнодушным. В основной части Круга студенты высказались по поводу отношений в группе, поделились чувствами, предложили ряд совместных мероприятий для сплочения группы.

Участвуя в проведении Кругов, я могу с уверенностью сказать, что Круг – это действительно такая форма, где слушают и искренне говорят о том, что волнует, и другие принимают это близко к сердцу. Общение в Круге способствует тому, что мы становимся ближе друг к другу, несмотря на наши различия. Мы можем увидеть путь, пройденный другим человеком, а также почувствовать, что другие уважают этот путь. Жизненные истории, которыми люди делятся, естественно, приносят изменения. Рассказчики и слушатели взволнованы и чувствуют перемены не только в себе, но и в отношениях с другими. Это происходит потому, что Круги, пропитанные философией миротворчества, дают возможность для конструктивного общения, во время которого (и после него) совершаются глубокие изменения в жизни людей.

Наталья Путинцева

ЗАМЕТКИ О КРУГАХ В ПЯТОМ КЛАССЕ

Весной 2009 г. в центр «Судебно-правовая реформа» обратились за помощью в разрешении конфликта родители учеников 5-го класса одной из гимназий Москвы. Вот как один из родителей описал ситуацию:

«В классе, несмотря на то, что сам коллектив был создан только в сентябре 2009 года, к январю уже образовалось несколько "группировок". Началось с того, что один из детей (назовем его Дима) стал проявлять агрессию по отношению к полноватому мальчику (назовем его Петя). При этом Петя занимается карате. В течение некоторого периода времени Петя воздерживался от ответа на агрессию, а потом побил Диму. Тогда Дима начал организовывать группу против Пети, и сейчас группа нападает на Петю подчас неожиданно.

В классе есть и другие дети, которые подвергаются нападениям, но побаиваются сообщать о своих проблемах родителям (это связано с конкретными угрозами со стороны Димы, смешанными с обвинением в "стукачестве").

Когда образовалась "группа Димы", в ответ стали формироваться какие-то контргруппы. Одной из первых выступила против такой травли девочка Таня и предложила образовать свою группу. Но дальше стали образовываться блоги в интернете "за" и "против". В эти группировки стали втягиваться и другие ребята.

Надо сказать, что класс подобрался сильный; многие в нем чувствуют себя (или стремятся стать) лидерами. Возможно, острота конфликтов объясняется еще и этой причиной».

Исходя из описанной ситуации, команда волонтеров решила провести Круг, участниками которого были учащиеся 5-го класса (20 человек), классный руководитель, представитель родительского комитета, хранитель Круга (Рустем Максудов) и 2 взрослых волонтера (Елена Женодарова и Наталья Путинцева). В нашем распоряжении было полтора часа.

После того как все сели кругом, отключили телефоны, хранитель представился и сказал, что поступило обращение от родителей, что на данный момент в классе сложилась неприятная ситуация. На вопрос, согласны ли они с этим утверждением, ученики ответили утвердительно. Затем хранитель спросил учащихся, хотели бы они обсудить эту ситуацию и изменить ее. Пятиклассники дружно закивали. Тогда хранитель познакомил их с процедурой Круга, с правилами (один из волонтеров записывал их на доске), со своими обязанностями как хранителя и спросил, принимают ли участники услышанное. Возражений не было.

После этого хранитель попросил участников Круга поделиться тем, что их тревожит, беспокоит в последнее время. Ребята говорили о ситуации в классе, о том, что иногда обижают старшеклассники, некоторые молча передавали символ слова следующему. Петя сказал, что ему неприятно, что против него объединяются, что он хочет дружить со всеми.

Когда начался второй раунд, некоторые из тех, кто в первый раз промолчал, высказались. Петя сказал, что в начальной школе над ним тоже издевались, и он очень не хочет, чтобы это повторилось. Один из мальчиков вспомнил тоже о негативном опыте в начальной школе. Некоторые говорили о том, что все мы разные, и полнота – не повод для оскорблений, что Петя очень добрый. Один из подростков, обратившись к Пете, сказал, что, может, ему стоит задуматься, почему именно на него нападают. Один из участников спросил Петю, почему он все терпит и не дает сдачи. Кто-то из ребят сказал о том, что

нужно перестать бояться Димы. Дима все это время молча передавал символ слова следующему участнику. Тогда хранитель обратился к Диме: «Как ты относишься к тому, что говорят ребята?» Дима ответил: «Я с ними согласен». Хранитель еще задал вопрос: «Что это значит? Ты согласен и будешь продолжать создавать группировку?» «Нет, не буду», – ответил Дима.

Затем хранитель положил символ слова в центр Круга, что означало, что говорит тот, кому есть что сказать. Петя взял символ слова и сказал: «Я не хочу калечить одноклассников. Но я не понимаю, за что на меня ополчились, я хотел бы услышать причину». Один из мальчиков на это ответил: «А помнишь, ты как-то давно пожаловался на меня классной руководительнице». Одна девочка взяла символ слова и сказала, что она просит извинить ее за участие в блоге против Пети, на ее глазах выступили слезы.

В этот момент хранитель взял символ слова и попросил ребят высказаться, что каждый из них может сделать для изменения ситуации в классе в лучшую сторону. В основном ответы были такие:

– Я могу со всеми дружить.

– Я могу участвовать в общих мероприятиях.

– Я могу защищать.

– Я не знаю, что я могу сделать.

Когда очередь дошла до Димы, он сказал: «Я могу сделать что-то хорошее, если мне сделают тоже что-то хорошее». Запомнилась еще фраза одной девочки (как мы узнали позже, это была староста класса): «В начале года некоторые из ребят хотели со мной дружить, но я им отказала. Теперь я понимаю, что поступила тогда неправильно и прошу меня извинить. Нужно дружить со всеми». Некоторые из ребят (2–3 человека) ничего не сказали.

Затем хранитель предложил ребятам в течение 15 минут без взрослых поработать над Конституцией своего класса – выработать правила. Он попросил пятиклассников выбрать хранителя; многие закричали: «Пусть будет Таня!» Кто-то робко предложил старосту. Но большинство было за Таню. (Нужно сказать, что во время проведения Круга Таня была активным участником.) Взрослые вышли.

В коридоре классный руководитель сказала, что мама Димы еще в начале года ей говорила, что сын у нее проблемный, что пережил в детстве травму. По словам учи-

тельницы, Дима очень способный. Один из волонтеров (психолог по образованию) предложила свои услуги как психолога для этой семьи. Так как в кабинете было шумно, хранитель вернулся к ребятам, которые написали два первых правила.

Времени оставалось немного, и хранитель попросил всех участников поделиться своими впечатлениями о том, что происходило в Круге. Все отметили, что это было полезно, оказывается, все хотят дружить. Один мальчик сказал: «Сначала я думал, что эта встреча ничего не изменит. А сейчас я чувствую, что мы стали дружнее». Дима и еще 2–3 человека промолчали. Одна девочка высказала опасения: «Все тут так хорошо выступали за дружбу, но я боюсь, что через некоторое время все это забудется». Классный руководитель сказала о том, что ребята открылись для нее с новой стороны, что она многое о них узнала.

Хранитель поблагодарил всех за участие и сказал ребятам, что от них зависит атмосфера в классе и в их силах ее менять, они несут ответственность за свои решения, а классный руководитель и родители всегда поддержат их позитивные инициативы.

Через 3 недели по инициативе представителя родительского комитета класса Круг был проведен с родителями (22 человека, из них 6 мужчин) при участии классного руководителя, хранителя и волонтера.

Хранитель познакомил родителей с процедурой Круга, с правилами, своими обязанностями и спросил присутствующих, хотят ли они в этом участвовать. Все согласились. Определились по времени: с 10.00 до 13.00.

Участники задали вопрос: «А что мы будем обсуждать?» На что хранитель ответил: «Что вы захотите, то вы и будете обсуждать, вы принимаете решение». В итоге родители по кругу стали отвечать на вопрос: какое впечатление произвел Круг, который проводился с детьми, на их ребенка, и что сами родители об этом думают?

После того как высказалась первая родительница, символ слова перешел к папе Димы (мальчик, который собирал группировку против Пети). Он сказал, что сын у него замкнутый, про Круг ничего не рассказывал, что с сыном он поговорил, что для него (для папы) вся эта история очень неприятна. И еще Димин папа добавил: «Очень хорошо, что с ребятами провели Круг, где им показа-

ли, что конфликты можно разрешать мирным путем, а не кулаками».

Кто-то из родителей только сейчас узнал про детский Круг и про то, что происходило в классе. Многие родители были признательны за проведенный Круг с детьми и хотели бы, чтобы с детьми и дальше проводились такие Круги, где ребята могли бы высказываться и принимать решения, где они учились бы навыкам конструктивного общения. Когда очередь дошла до классного руководителя, она отметила, что после проведенного Круга ситуация в классе изменилась в лучшую сторону, и Петя с Димой иногда по-приятельски общаются.

Мама Пети, держа символ слова в руке, сказала, обращаясь к Диминому папе: «Спасибо Вам, что Вы поговорили со своим сыном. Нападки на Петю прекратились».

Одна из участниц затронула тему мата (так как в блоге некоторые дети позволяли себе нецензурные выражения): «Мат – это плохо, но он есть в нашей жизни. И нужно детям объяснять, как к этому относиться». Другая родительница вспомнила, как она объясняла эту тему старшему сыну. Один из участников сказал: «В школе я был хулиганистый, но в 6-м классе мы с приятелем поклялись никогда не материться, и я верен этой клятве до сих пор».

Постепенно участники перешли к обсуждению будущего класса, так как многие родители в процессе обсуждения первой темы говорили, что нужны совместные внеучебные мероприятия: экскурсии, поездки на природу, генеральная уборка класса, посадка деревьев около школы. И теперь участники начали говорить о конкретных делах и кто будет за них отвечать. Некоторые говорили, что ребятам необходимы занятия по развитию навыков конструктивного общения.

Времени оставалось немного, и хранитель сказал, что он готов провести Круг с детьми, если возникнет такая необходимость, учитывая принцип добровольности. Затем участники обсудили, должна ли быть на этом Круге классный руководитель. Почти все (в том числе и классный руководитель) сказали, чтобы дети чувствовали себя свободнее и были более искренними, присутствие классного руководителя нужно исключить. Также родители высказали желание, чтобы с ними и впредь иногда проводили такие Круги.

К сожалению, время истекло, хранитель закрыл Круг (еще в начале проведения Круга он предупредил, что ограничен временем до 13.30). А родители еще остались обсудить конкретные предложения, высказанные в Круге.

Видимо, продолжение следует...

К РАЗРАБОТКЕ ФОРМ ОЦЕНКИ И МОНИТОРИНГА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИАТОРОВ И СЛУЖБ ПРИМИРЕНИЯ

(ФРАГМЕНТЫ СТЕНОГРАММЫ СЕМИНАРА)

Начиная работать над проектом по разработке форм оценки и мониторинга восстановительных программ, мы столкнулись с необходимостью различения того, что именно мы оцениваем, а что подвергаем мониторингу.

Во-первых, данные мониторинга не являются основаниями для оценки, поскольку оценка – сложный комплексный процесс, который должен проводиться отдельно. Если от оценки зависит оплата специалиста (или учреждения), то оцениваемые будут очень настороженно относиться к получаемым данным, и объективная картина может скрыться за приписками и подменой одной деятельности другой (с подобным мы уже сталкивались).

Во-вторых, надо выделить сам объект нашего мониторинга. Это может быть работа медиатора, проведение программ, работа службы примирения, внедрение программ в регионе – все это требует разных методов мониторинга. В одних случаях, видимо, важнее отслеживать процесс, в других – созданные условия и другие параметры.

В-третьих, уже сложившиеся службы (или завершившие какой-либо цикл становления) и находящиеся в состоянии становления требуют разных форм мониторинга.

И в-четвертых, встает вопрос: для кого и для чего осуществляется мониторинг и оценка? Для администратора (и тогда какого уровня?), для медиатора (сообщества медиаторов) или для кого-то еще? Следовательно, это должны быть разные варианты мониторинга, возможно, выраженные даже в разных понятиях и терминах.

Само обсуждение темы оценки и мониторинга позволяет услышать интересы разных групп: медиаторов, участников медиаций, администраторов разного уровня, методистов, тренеров и т. д.

Мы публикуем фрагменты стенограммы семинара по разработке форм оценки и мониторинга деятельности медиаторов и служб примирения, который проходил в Москве 5–6 ноября 2009 г. Полную версию стенограммы можно посмотреть на нашем сайте.

Данные мониторинга на уровне России за 2009 г., который мы подготовили вместе с партнерами из регионов, представляем в двух таблицах в конце данного раздела.

Антон Коновалов,

руководитель проекта «Развитие восстановительной медиации в России»

Список участников семинара

1. Агальцова Марина (Москва) – координатор проектов ИППП
2. Александриков Антон Александрович (Москва) – исполнительный директор общественного центра «Судебно-правовая реформа»
3. Балаева Анна Вячеславовна (Москва) – сотрудник ЦСПАиРП «Перекресток» при МГППУ, руководитель отделения
4. Баталина Вера Семеновна (Сургут) – директор БУСО ЦСПСиО «Юнона»
5. Болковая Светлана Леонидовна (Урай) – заместитель председателя КДН
6. Буслаев Александр Сергеевич (Новосибирск) – психолог СОЦ «Прометей»
7. Ви Елена Витальевна (Урай) – ведущий специалист Ювенальной службы
8. Грищенкова Галина Романовна (Сургут) – зам. директора департамента образования

9. Дерябкина Елена Сергеевна (Москва) – директор ГОУ СОШ № 45, председатель Ассоциации кураторов служб примирения и медиаторов Москвы
10. Доперчук Елена (Москва) – сотрудник ЦСПАиРП «Перекресток» МГППУ
11. Женодарова Елена Дмитриевна (Москва) – сотрудник ЦСПАиРП «Перекресток» МГППУ
12. Журенко Нина Борисовна (Москва) – куратор ШСП МОУ СОШ № 45
13. Карнозова Людмила Михайловна (Москва) – ведущий научный сотрудник ИГП РАН, член коллегии общественного центра «Судебно-правовая реформа»
14. Кац Светлана Владимировна (Сургут) – директор МОУ СОШ № 19
15. Коновалов Антон Юрьевич (Москва) – руководитель направления «Школьные службы примирения» общественного центра «Судебно-правовая реформа»
16. Максудов Рустем Рамзиевич (Москва) – президент общественного центра «Судебно-правовая реформа», председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации
17. Никитина Наталья Александровна (Красноярск) – ассистент кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета
18. Подушкина Татьяна (Москва) – сотрудник ЦСПАиРП «Перекресток» МГППУ, информационно-аналитический отдел
19. Покровская Валентина Леонидовна (Пермь) – сотрудник КМЦ
20. Попович Софья (Москва) – сотрудник ГУМЦ «Дети улиц»
21. Потапенко Марина Геннадьевна (Сургут) – заместитель председателя КДН
22. Путинцева Наталья Владимировна (Москва) – сотрудник общественного центра «Судебно-правовая реформа»
23. Рыбакова Анна Игоревна (Москва) – методист ГУМЦ «Дети улиц»
24. Селиванова Ольга Антьевна (Тюмень) – директор ЦВР «Дзержинец»
25. Стукачева Татьяна Александровна (Новосибирск) – директор СОЦ «Прометей»
26. Тереньтева Вера Евгеньевна (Пермь) – директор ООО «ЦВТ-Пермь»
27. Хавкина Анна Львовна (Пермь) – директор ЦППМСИ Индустриального района
28. Шиловская Анна Леонидовна (Москва) – сотрудник Института права и публичной политики
29. Юркова Татьяна (Москва) – сотрудник ГУМЦ «Дети улиц»

Анализ имеющихся форм оценки и мониторинга

Ольга Селиванова: Проработав несколько лет, мы поняли, что замерять следует, во-первых, сам результат проведенной процедуры, т. е. непосредственной встречи, и обязательно нужно делать замер после полугода, иногда года после проведения процедуры: сохранились ли отношения, устойчиво ли социальное развитие или функционирование человека? В ряде случаев первый замер мы делаем до начала процедуры. В частности, в колонии мы изначально оценивали степень контактности и стремления к контакту будущих участников медиации, не имея еще их окончательного согласия на встречу. И, таким образом, получается три этапа оценки. Основное правило мониторинга – это три среза минимум. Не один, не два, а именно три. Если оценивать психологическую готовность к налаживанию контакта или какие-то психологические характеристики до начала, то сам процесс оценивают по его результативности. Не фактическому, не по наличию бумажки, соглашения, а по оценке именно прогресса достигнутого. Может быть, люди и не заключили договор, но они обсудили проблему, состоялся диалог, возможно, они поменяли свою точку зрения на оценку этой проблемы. Или участники не заключили никакого соглашения и не договорились о возмещении вреда, но они начали смотреть по-другому на то, что произошло. Они об этом сказали, что и явилось результатом встречи. Либо они действительно договорились до чего-то конкретного и какие-то действия сделали. Я считаю, что важно оценить, как люди себя ведут в практике, до какой степени полезно было для них то, в чем они принимали явное участие во время примирительной процедуры. Это и показывает именно содержание той идеи восстановления, которую мы продвигаем. Раз речь идет о восстановлении навыков к общению, то и нужно оценивать, до какой степени эти навыки восстановились, а не какие-то внешние характеристики.

Если же мы говорим о службе примирения, то в школьной службе примирения, я так думаю, существуют два важных аспекта. Во-первых, это собственно сами конфликт-

ные ситуации, которые так или иначе разрешаются при участии детей. И второй очень важный аспект – это обучение, т. е. научение участников навыкам консультирования, решения конфликта, оценки, выявления конфликта потенциального и проч. Поэтому применительно к школьной службе остаются эти три срез, плюс прибавляются критерии оценки степени освоенности навыков, которым людей обучают. Научили мы его или не научили в операциональном смысле, вплоть до того, что он, может, не всегда эффективно применяет эти навыки, но его знания, умения за период участия либо в службе примирения, либо в практической уже деятельности различаются по количеству и по качеству этих знаний и умений: он этого не знал – узнал, не умел – научился. И эти два компонента в школьной службе стоит оценивать применительно к участникам конфликтной ситуации.

Что же касается оценки работы медиаторов, то она может осуществляться по формальному признаку: сколько успешных, что называется, медиаций ты провел (десять дел собирался провести, а провел пять, а на остальные пять люди не согласились). С одной стороны, обычно не так оценивают медиаторов. Но если этот критерий взять и дать чиновникам, они так и будут оценивать. Очень осторожно надо выбирать критерии, потому что есть большая опасность, что как только это начнет транслироваться на официальном уровне, это начнет влиять на зарплату, на отношения, на статус человека, и не только самого медиатора, но и того учреждения, где он работает. Поэтому я призываю выработать очень мало критериев, чем меньше, тем лучше. Считаю, что какие-то специальные критерии можно использовать в частных задачах, но не транслировать их на всю страну.

Поэтому первый критерий, который проще всего считать, – это количество начатых дел и количество успешно законченных. Но он очень опасен по своей сути в плане выводов. Предложено, допустим, чтобы в медиации поучаствовали сто человек, а согласилась участвовать лишь половина... Предварительных встреч проведено, может быть, сто, а начатых встреч – шестьдесят. Вы думаете, кто-то говорит: «Молодцы, ребята, шестьдесят человек убедили в том, что...» Наоборот, говорят: «А сорок-то что отказались? На основании чего? Если у вас такая гениальная технология, почему оставшихся

не смогли убедить?» Выводы, к сожалению, из этих оценок прямо противоположные делаются, и переубедить невозможно, потому что переубедить можно, когда я сижу в качестве стороннего лица, а если я обслуживаюсь в качестве подчиненной структуры, то с начальником не поспоришь. Получается эффект как у милиции – этот показатель должен быть ниже, и все. А лучше выше. А выше не получается...

(...) Надо не количество встреч считать, а оценивать эти три стадии, три компонента. До начала – психологическое состояние, допустим, у кого на что хватит материала, техник, методик и т. д. Хотите мотивацию, хотите эмоциональное состояние – замеряйте. Можно просто экспертным путем спрашивать до начала, затем – сам процесс чем завершился, не надо ставить успешность примирения как качественный показатель, потому что он приведет к тому критерию, о котором я сказала выше. И через месяц, через два, через три, через шесть, тоже кому как хочется, – третий замер. Понимаете, ведь мы говорим о восстановлении навыка или о приобретении его, по большому счету, поэтому у участников процесса примирения можно оценивать степень сформированности ценностей, освоенных в ходе восстановительной процедуры. Если человек даже не очень удачно помирился, даже не доделал что-то из того, что обещал, но если он через полгода оперирует в тематическом разговоре с вами понятиями: надо, чтобы было хорошо не только мне, но и ему и т. д., – категориями, которые лежат в поле восстановления учета интереса другого человека, то, по сути дела, это и говорит о том, что он освоил часть идеи для построения собственной жизнедеятельности по возможности неконфликтными способами. И если это учитывать, это и будет ближе всего к сути процесса восстановления справедливости, восстановления каких-то навыков общения и т. д.

Качество условий процесса – это те условия, которые позволяют систематически осуществлять деятельность или помогают ей осуществляться. Например, качество методической обеспеченности. Все, кто знаком с системой образования, знают, что всегда учитывается, до какой степени методически обеспечена та или иная деятельность. Допустим, оценка качества функционирования отделения ассоциации – регионального или территориального – может быть оцениваемой, дол-

жна быть оцениваемой по такому параметру, как наличие разработанных методических материалов. Если они не возобновляются, не работают постоянно, если не обновляется методкабинет в содержательном смысле, если только из Москвы литературу привозим и ставим на полочку, а сами ничего не делаем, – это качество, собственно, деятельности этой ячейки общества. (...) Поэтому важное условие – методическая обеспеченность региональной модели.

Оценка качества кадрового обеспечения, безусловно, нужна, если мы хотим оценить некую общность, демонстрирующую и проводящую какую-то методику или программы. При оценке кадров нужно, конечно, брать формальный показатель (наличие или отсутствие «корочки», как бы она ни выглядела – хотя бы свидетельство), но кроме этого необходима и экспертная оценка, допустим, путем постпримирительных опросов участников медиации: до какой степени люди удовлетворены? Не профессионалы, а участники. Может быть, даже не участники, а третья, четвертая сторона, присутствующая на разборе какого-то дела (родственники, например): до какой степени они удовлетворены деятельностью этого человека (медиатора)? Тех, кто участвовал в процессе примирительных программ, в том числе, и тех, кто мирился, нужно попросить оценить работу медиатора по пятибалльной шкале по нескольким параметрам. Например, насколько медиатор был корректен. Еще задать три-четыре вопроса, а внизу написать, допустим: «Ваши предложения?» или «Что бы Вы хотели дополнительно сказать?» Я говорю о том, что оценка качества кадров должна хотя бы две вещи учитывать: во-первых, формальный признак – наличие какого-нибудь сертификата, лучше всенародно признанного, официального, а во-вторых, необходима субъективная оценка участников процедуры.

Материально-финансовое обеспечение обязательно нужно оценивать, если мы говорим о какой-то постоянно действующей полуофициальной или официальной структуре. В силу того что это очень хороший показатель, во-первых, того, к чему мы стремимся, – к признанию властями. Власть дает деньги только тем, кому доверяет, на кого надеется. Поэтому если вы видите, что в Пермском крае школьным службам примирения дают год от года больше, а в Тюмени – один раз дали и больше не дают, – это не только

потому, что школьные службы примирения в Тюмени хуже, а в Пермском крае лучше, или руководитель проекта в Пермском крае более близко знаком с главой администрации Перми, а в Тюмени ни разу не встречались друг с другом. Но это еще и очень хороший критерий, по которому видно, до какой степени идеи восстановительного правосудия через разные каналы: через личные, через описания, что мы делаем, через общество – укореняются на территории. Например, закрыли у нас службу примирения, и всем, кто к нам приходит, мы говорим: «А у нас нет службы. Вы позвоните, пожалуйста, в управление, у них спросите. Может, они вам помогут?» К концу третьей недели, когда в управление позвонили девяносто девять человек и спросили: «А где служба?.. Мы примириться хотим», – чиновники понимают, что кроме нас никто примирить никого не может. Тогда управленцы говорят: «Ребята, сколько вам денег надо? Возьмите, чтоб люди нам больше не звонили». То есть это тоже признак и очень хороший критерий.

Уровень материальной обеспеченности говорит о качестве внедренности данных технологий в данном пространстве, что влияет на качество процесса. Потому что если у вас есть правильно обустроенное помещение, например, круглый стол, где людей можно посадить друг напротив друга – это одно качество проведения встречи. И когда около туалета малюсенькая комната, где вот так встали, потому что сесть негде – это другое качество встречи в результате. В первом случае люди более комфортно себя чувствуют, следовательно, более расположены к диалогу. Они не в проходной комнате, где все бегают, грубо говоря, и где само качество медиации может разрушиться.

Далее – качество стимулирования труда специалистов, до какой степени вообще материально обеспечены эти люди, если мы не берем изначально какую-то волонтерскую деятельность. Поскольку это тоже показывает и значимость данной деятельности с точки зрения финансирующих властей и в какой-то степени мотивацию людей. Например, если мы видим, что какая-то служба нашла способ финансирования себя как экспериментальной площадки, допустим, городской, это тоже признак, это плюс, значит, сотрудники этой службы могут получать плюс тридцать процентов к зарплате, по сравнению с обычным социальным педагогом. Смысл материаль-

ных условий нужно рассматривать не как материальность в чистом виде, а как отражение того, что люди, входящие в эту службу или организацию, стремятся улучшить качество работы во всех ее компонентах.

Следующее, что необходимо оценивать, – это качество результата процесса. То есть, во-первых, качество знаний и умений, приобретенных в процессе процедуры, переосвоенных, освоенных вновь, восстановленных и т. д. И второе качество, если не касаться криминальных действий, – качество ресоциализированности, реадаптированности, т. е. до какой степени участие человека в этой процедуре повлияло на стабилизацию его деятельности, на его социально-психологическое функционирование. Стал ли он более успешен не только в смысле конфликтных ситуаций, но и в жизни, потому что способность к бесконфликтному или к эффективному поведению – это одно из центральных качеств успешно социализирующегося человека. Если он это все освоил, понял и чего-то пересмотрел, он будет более успешен в смежных сферах и т. д. В связи с этим можно учитывать психоэмоциональное здоровье, качество сформированности каких-то ценностей, качество освоенности каких-то понятий и встраивание этих понятий в сознание конкретного человека. Начал ли оперировать человек такой простой процедурой, как: «А что мне за это будет?» Для подростка это очень актуально. Большинству из тех, кто куда-то встречается, этот вопрос просто не приходил в голову. Если бы он приходил ему раньше в голову, он бы никуда не встрял. Вроде бы, кажется, дурацкий вопрос и примитивный, но факт остается фактом. Способность человека, прежде чем вступить в лужу, подумать: «А не проще ли пойти по дороге?», – навык, который спасет тебя до конца жизни от кучи неприятностей просто потому, что ты подумаешь перед тем, как что-то сделать. Или, допустим, способность понимания, что «я вот на человека накричал. А как он себя после этого чувствует?». Пока человека перед фактом не поставишь, эта мыслительная процедура очень часто не присутствует в голове. Подросток, подравшись, считает, что он прав: он доказал, что он сильный, он поругался, выпендился – и все отлично. Вот вам одна позиция, которая, собственно, и привела к конфликту.

(...) У нас принято считать количество рецидивов: человек подрался – и давайте будем считать, подерется ли он еще раз. Если

он еще раз не подерется, значит, все хорошо. Если подрался еще раз, значит, есть рецидив правонарушения. Я думаю, что надо считать не сам факт повтора именно этого действия, а факт повтора какой-то конфликтной ситуации, из которой человек неконструктивно вышел. Почему-то мы считаем всегда, если конфликт был по поводу драки, то потом, если за следующий год Сидоров ни с кем не подрался, значит, рецидивов нет. Но мы-то говорим, что восстановительный подход восстанавливает навыки понимания, навыки конструктивного решения конфликтных ситуаций. Соответственно, надо считать не то, что подрался он или не подрался после того, как мы его помирили по поводу драки, а считать надо, в скольких, грубо говоря, конфликтных ситуациях этот человек был участником и сколько процентов из этих конфликтных ситуаций он решил, например, конструктивными способами, хотя бы минимально конструктивными. Вот тогда это будет говорить о том, что человек чему-то научился и что-то понял.

Это были внутренние характеристики. А теперь внешние. Оценка процесса медиации с внешней стороны – это соответствие процедур и программ запросам детей и родителей. Это оценивается тоже одним или двумя вопросами, например: исполнились ли ваши ожидания относительно этой процедуры? Также может оцениваться имидж службы или какая-то институционализированная программа, которая реализуется. То есть это уже опрос посторонних лиц. Если это школьная служба примирения, я должна в обязательном порядке задавать вопросы, например, директору школы. Как он оценивает в целом (по пятибалльной шкале) деятельность службы? Другое дело, если он поставил вам пять, завтра – четыре, а послезавтра – три, имеет смысл выяснить, что он имеет в виду. А если оценки стабильные или, допустим, улучшаются, это признак того, что создается определенный имидж, общественное мнение вокруг этой службы. Можно спрашивать, в принципе, у представителя администрации или у представителей областной администрации: «Знаете ли вы, что у вас существует территориальное подразделение ассоциации?» В Департаменте образования сильно любят этот критерий. Он, кстати говоря, очень показателен. Вот ты хоть что про свой драгоценный клуб говори... Если в соседнем доме понятия не имеют, что у тебя во дворе клуб есть и туда

ребенка можно отправить, то как ты там работаешь, что ты там делаешь, кто к тебе ходит? – уже не так важно. Хотя десять человек в районе спроси: «А где тут клуб “Перекресток”?» Если десять скажут: «Да мы тут двадцать лет живем, какой «Перекресток», вы о чем?» После этого вы хоть материалы, хоть кадровые ресурсы этого «Перекрестка» расписывайте – ничего не докажете. Если я работаю с условниками, значит, все условники города должны об этом знать. А если это презентуется как районный клуб или районный центр, а еще микрорайонный центр, досуговый, то вопрос, который я задавала, очень хорошо показывает, действительно ли является это учреждение досуговым центром микрорайона.

Я думаю, можно взять какие-то два, может быть, три критерия общего характера, которые распространяются на все и оценивают факт развиваемости данного направления на данной территории: что, во-первых, они живы, что, во-вторых, они дышат, и, в-третьих, желательно, чтобы они лучше дышали год от года. Вот три критерия, которые можно оценивать, независимо от того, кто чем занимается: службами, заключенными или медиациями.

Татьяна Стукачёва: У себя в регионе мы сказали управленцам, что когда они от нас требуют высокие показатели, сразу падает качество, и мы это доказали. Мы предложили чиновникам посмотреть на нашу работу с точки зрения обратной связи с населением и заказчиками – это образовательные учреждения, соцзащита и культурные учреждения. И маркетологи сделали такой анализ. Этот материал оказался интересен не только нам, но и чиновнику, отвечающему за эти направления работы. С финансистами – другое дело: если к унифицированным статистическим данным мы будем прикладывать экспертную оценку, которая будет выдана экспертным сообществом в реализуемой программе, может быть, это даст возможность еще и каким-то образом получать финансирование на эти программы.

Людмила Карнозова: В мировой практике отделены оценка и мониторинг, и оценкой занимаются внешние, специально обученные специалисты. Оценка – это определение успешности, или определение правильности, или, о чем мы сейчас говорили, определение сто-

имости, т. е. цены. Но никакой внешний оценщик не оценит нашу деятельность до тех пор, пока мы ему не объясним суть нашей работы, в каком-то смысле не вложим способы оценки нашей деятельности.

А что касается мониторинга, то это некое отслеживание, и, конечно, не все отслеживаемое должно превращаться в показатели оценки. И вот этот пример, кстати, с количеством случаев. Мы не можем не отслеживать количество случаев. Другое дело, что это не должно превращаться в показатель оценки, это не должно быть на уровне «хорошо/плохо». Количество случаев важно учитывать хотя бы для того, чтобы, в том числе, и организационные условия обеспечить. Может быть, где-то нужно создать городскую службу примирения, а где-то более локальные территориальные службы в зависимости от количества дел. Это должно отслеживаться, но не превращаться в оценку успешности или в оценку, связанную с финансированием, потому что затраты труда медиатора, сама «услуга» проявляются не только в окончившейся примирением встрече сторон. Не всякая программа оканчивается примирением, но огромные усилия затрачиваются специалистом уже на этапе индивидуальных встреч со сторонами.

Валентина Покровская: К оценке нужно отнести экспертизу, которую мы проводим, и разработаны качества, определенные уровни внедрения проектов в территории, где мы отслеживаем по показателям. Заполняются определенные бланки, пишется экспертиза, и уже исходя из определенных уровней определяется, на каком уровне находится территория, и даются определенные рекомендации. Здесь можно территориям увидеть себя, увидеть, что еще нужно, на что ориентироваться, что подтянуть для того, чтобы развиваться дальше.

Первое, что у нас включено в мониторинг, – это число специалистов от территории, т. е. в каждый район присылают уже общие данные. Это число специалистов-ведущих восстановительных программ. Второе – это количество отработанных случаев за месяц. И дальше уже по этим программам идет расшифровка по источникам информации, т. е. откуда поступила заявка на определенную программу. Кто знает о существовании такой службы? С кем уже налажено взаимодействие?

Следующий пункт – программы делятся по источнику конфликта. Конфликт между несовершеннолетними, т. е. конфликт детей. Конфликт «ребенок – родитель», «ребенок – учитель», что тоже достаточно сложная категория конфликтов, с которыми часть медиаторов не берутся работать, часть – берутся. Это могут быть группы людей, может быть конфликт «родитель – учитель» или «администрация учреждения и родитель».

Затем делим по характеру конфликта: криминальный-некриминальный, зарегистрированный или незарегистрированный случай.

Следующий пункт – это типы программ. Здесь из общего количества можно посмотреть, сколько проведено Кругов заботы, что требует и большей подготовки, и большего числа людей. Либо эта программа возмещения ущерба, где присутствуют определенные материальные действия. Либо это школьные конференции, либо обычная программа примирения.

Следующий пункт – проведение восстановительных программ до этого конфликта. Проводились ли раньше такие программы для одной из сторон? То есть это повтор или не повтор? Опыт, который участники пережили в работе по программе медиации, как-то отложился или нет? Или, скажем, у человека идут систематически конфликтные ситуации, и восстановительные программы абсолютно не корректируют его дальнейшее поведение. Что у нас в этом пункте? «Ни для одной из сторон не проводилась программа», «для одной из сторон программа проводилась».

Людмила Карнозова: Можно уточнить? Я не поняла, если раньше человек участвовал в такой программе, это значит, она ему «не в коня корм»? А почему, собственно? Я так поняла Вашу логику, что если для какого-то участника это уже не первая программа, значит, чего-то у него там не отпечталось хорошего, да? А почему? Разные же бывают ситуации, почему так вышло. А если человек, например, обидчик, что называется, конфликтный человек. Я против клеймения, но бывают такие люди. Вот он конфликтный, и он понял: хороший сеть способ выхода из конфликта – обращаться в службу примирения. Очень конструктивно, лучше, чем бодаться-то. И вот он все время обращается, потому что ему понравился этот способ разрешения конфликта, и есть медиатор, третий

человек. Мы же нередко в жизни, когда нам сложно, обращаемся к кому-то третьему, дескать, помоги. А Вы это рассматриваете почему-то как неглубокую работу.

Вера Терентьева: Этот пункт показывает, что с этим подростком уже ранее проводилась программа примирения, а сейчас, анализируя, можно достать карточку, посмотреть. Может быть, там ситуация разрешения конфликта в семье была? А вдруг именно по той же проблеме снова возник у него рецидив? То есть этот пункт не столь однозначно нужно воспринимать, что недоработал ведущий (...).

Валентина Покровская: И последнее, что у нас идет в мониторинге, – это причина, по которой восстановительная программа не имела положительного результата. Руководители, например, смотрят на цифры и говорят: «У вас тридцать процентов не закончилось примирением. Это плохо». Мы можем посмотреть на причины и точно так же проанализировать и посмотреть, над чем можно дальше работать. Что сюда входит? Здесь может быть отказ участников от участия в программе, отказ участников от участия в примирительной встрече, законные представители не дали согласия на участие детей в программе, что тоже может быть проблемой. То есть здесь не знают об этой программе, не доверяют, не знают, что это такое, не распространено в средствах массовой информации – разные причины можно искать. Либо ведущий не настолько смог презентовать эту деятельность и придать уверенности этой работе. Или один из участников находился вне досягаемости, если мы работаем по заявкам суда, когда проводятся программы. Бывает так: судебное следствие идет, пока дойдет до суда – проходит много времени, может быть, полгода. Когда заявка поступила в службу – уже много воды утекло: человек за это время переехал куда-то, и невозможно с ним встретиться.

У нас недавно работали со случаем, когда один из участников находился в СИЗО (в следственном изоляторе). Согласие на работу с ребенком было получено от руководителей СИЗО. Ведущая пришла, работала в этих камерах, общалась с ребенком. После чего ребенок был готов идти на какие-то действия (то ли порча машины была, то ли что), привлекать родителей и т. д. Созвонились с

пострадавшей стороной, а он где-то уже далеко. Переехал, и для него уже не актуальна ситуация. То есть это тоже одна из причин, где можно сказать или просто не было примирения, или есть какие-то реальные объективные причины, почему программа не дошла раньше.

Дальше – договоренность не была достигнута из-за отсутствия возможности нарушителя возместить ущерб. Такое бывает, что стороны не могут договориться в материальном плане, не готовы, и другие причины. Это тоже как раз для анализа ошибок, чтобы не было однозначного представления о результатах, чтобы можно было посмотреть уже более детально. Вот такая форма мониторинга.

Вера Терентьева: До сегодняшнего дня мониторинг заполнялся раз в месяц. По-моему, сейчас обсуждается вопрос, чтобы заполнять его раз в квартал. Снижение преступности показывается в другом мониторинге, который называется «Рейтинг территории». Его ведет тот же руководитель этих проектов, который также отвечает за снижение правонарушений как взрослых, так и детей на территории края.

Как данные мониторинга используются властью? Целью нашего проекта является снижение подростковой преступности на территории. По прошлому году показатель снижения преступности, по-моему, 23,7 %. Здесь, конечно, очень много факторов. Это один из факторов, который может влиять. Преступность отслеживается отдельно. На это есть информационный центр ГУВД, который регистрирует, подает сведения. На это есть Комиссия по делам несовершеннолетних. И наши специалисты, психологи к этому прямого отношения не имеют. Они работают с категорией. То есть это не их задача – преступников отмечать. Это отмечают другие. Их задача – показать процесс, показать результат своей работы. Властью это используется. Во-первых, на территории есть специалист КДН, который является координатором этого проекта и который точно так же может посмотреть. Мониторинг – это же обычно определенная оценка. Он имеет несколько функций. Одна из функций – это, скажем, оценка деятельности, стимулирование, т. е. это все равно один из механизмов управления. Если я знаю, что в конце года будут смотреть количество консультаций, которые я провела, я постараюсь их дать как можно

больше. Во-вторых, когда подводятся итоги, можно посмотреть, какая территория продвинулась, а какая нет. То есть работает на это координатор, в том числе и специалист КДН, или не работает. Если рекомендуется специалистам это делать, здесь можно увидеть, что происходит на территории и плюс стимулирование. Например, в конце года у нас проходят конкурсы профессионального мастерства по ВТ (восстановительным технологиям) по разным номинациям: лучший специалист муниципальной службы примирения в области восстановительных технологий, лучший специалист комиссии по делам несовершеннолетних, где предусмотрены грамоты, и денежные премии. В прошлом году, например, я смотрела рейтинг. Есть территории, которые делают больше. Скажем, если человек выбирает 60 программ, у него какое-то количество дойдет до примирения. Или он берет всего 3 программы, и из них одна закончится примирением. Все равно есть соотношение. О качестве, конечно, тоже вопрос встает. Например, 15 территориям, самым лучшим по итогам работы муниципальных служб, мы комплектовали психологическую литературу, обучали.

(...) Я проговорю, как действительно оценивается территория и какие задачи по объективной оценке именно по экспертизе. Конечно, у нас есть в стандарте в форме проведения экспертизы те показатели, о которых говорила Оля (Селиванова): техническое обеспечение, кадровое обеспечение, методическое обеспечение. Есть еще нормативно-правовое обеспечение, что здесь имеется в виду: участие именно КДН в этом процессе, организация и координация этого процесса. То есть нормативно-правовое обеспечение – это не просто постановление главы территории, а реализация наших программ по внедрению, закрепление персональной ответственности за развитие школьных служб примирения: за внедрение в социальную работу с семьями, находящимися в социально-опасном положении – такой-то ответственный; за работу муниципальной службы примирения – такой-то и т. д.

Анна Хавкина: Есть программа жертвы и обидчика, а есть школьная конференция – в отчете это одна программа. У нас предложение – помимо программ учитывать число участников. Если нет конфликтов, указывать количество мероприятий, которые служба сделала для своего продвижения в школе.

Татьяна Подушкина: Мы в своем центре «Перекресток» рассматриваем мониторинг и оценку как разные формы сбора и обработки данных в рамках общей деятельности оценки программ. Они у нас различаются по задачам и по формам. Эта система называется у нас как общая система мониторинга и оценки, но, тем не менее, я буду говорить, в чем разница.

В сфере, в которой мы работаем, можно выделить три базовые позиции, с точки зрения которых эта оценка может производиться. И для нас было важно найти какие-то пересечения интересов этих позиций: социального заказчика, клиента и специалиста. Если социального заказчика, в основном, интересует результат, социальный эффект, которого мы добиваемся, то специалиста интересует (так мы для себя решили) суть механизма изменений. То есть каким образом, за счет чего мы этот социальный эффект получили. Про клиента мы фантазировали, думали, что, наверное, ему интересно повышение качества его жизни. И мы поняли, что не нужно пытаться искать ответ на вопрос, эффективно мы работаем или нет, опираясь только на интересы какой-то одной из сторон. В реальности мы включены в некоторую тройственную ситуацию, и, вероятней всего, оценка эффективности будет где-то в поле пересечения интересов и социального заказчика, и клиента, и специалиста. Потому что на уровне некоторых ценностей это все пересекается, так как для чиновника тоже важно, каким образом произошли эти изменения. Если, например, придет информация, что эти изменения произошли за счет нарушений прав ребенка, то ни один чиновник такой результат не поддержит. И, соответственно, для клиента тоже важно, чтобы у него, например, были какие-то социальные изменения, очевидные результаты.

Мы сформулировали три позиции, исходя из вышесказанного, что должна содержать наша система оценки и мониторинга. Первое – она должна содержать информацию о наличии социально значимых изменений в ситуации клиента. Второе – в нашей системе должно быть наличие значимых личностных и межличностных изменений клиента. И третья позиция – положительное отношение клиента к достигнутому вместе результату в ходе совместной работы. Таким образом, такая система оценки, на наш взгляд, отразила бы и какие-то видимые эффекты, мы бы понимали, за счет чего они произошли, отразила бы

механизм, благодаря которому мы пришли к этим эффектам, и знали бы, насколько это оказалось полезным самому благополучателю, как мы его иногда называем.

Следующий момент, к которому мы пришли, – это описание того, что мы делаем. Первое, что нам пришлось осознать, – ради решения какой проблемы мы, собственно, созданы. Второе – каким образом мы эту проблему собираемся решать или каким образом мы ее решаем. И в рамках этих двух задач мы постарались описать свою собственную деятельность в виде последовательной системы целей, задач и т. д. Я не буду сейчас уходить в содержание, потому что это не нужно, это просто некие этапы, через которые нам пришлось пройти.

Мы описали технологию. Наша гипотеза заключается в том, что, работая в этой технологии, мы можем достичь некоторого социального эффекта, т. е. мы можем влиять на проблему, ради которой мы начали вообще работать. Нам важно, что мы получаем социальный эффект за счет работы по своей технологии. И мы сформулировали некоторые промежуточные результаты, что мы можем считать результатом в самом конце работы, и некоторый отсроченный результат, потому что мы можем что-то увидеть сразу по окончании программы, а что-то сразу по окончании программы мы точно не увидим. Потому что если, например, технология нарушается, то мы не можем говорить, что полученный результат имеет отношение к работе по этой технологии, к наличию изменений в позиции и поведении ребенка, в его ситуации и к наличию социального эффекта.

Затем мы соединили концепцию и практику и выделили несколько направлений, которые взяли за основание для мониторинга и оценки. Первое направление – это мониторинг соответствия технологии. Задача, которую мы поставили, – посмотреть, насколько деятельность наших специалистов укладывается в технологию, которую мы описали. Условно говоря, это соблюдение некоторой процедуры, некоторой логики и соблюдение системы целей и задач. Второе направление – про суть изменений, отслеживание личностных изменений, ситуации развития клиента. И это оказалось для нас самым сложным, потому что инструмента для этого либо нет, а те, которые есть, к сожалению, мало что показывают. И поэтому нам пришлось разрабатывать какие-то свои собственные внут-

ренние инструменты, чтобы понять, насколько мы можем судить, что действительно ребенок, с которым мы работаем, стал более ответственным, более осознанным, если мы говорим, что это целевое изменение: не просто в школу начал ходить, а за счет чего, почему это стало происходить. И отслеживание социально-значимых изменений: изменение ситуации в семье, в школе – сняли с учета, не сняли с учета и т. д. Здесь мы постарались это направление мониторинга вплести в работу с документацией, что тоже было довольно сложно.

Все это можно делать один раз за какой-то достаточно продолжительный период – это первое, а второе – такая оценка может проводиться только по факту некоторого законченного цикла работы организации, хотя бы минимального. Предположим, если бы мы замахнулись на такое в первые несколько лет нашей работы, мы бы получили ужасные результаты, потому что цикл, который был заложен изначально, мы к тому времени еще не прошли.

Рустем Максудов: Образовался центр, это может быть служба – не важно, которому дали определенный карт-бланш, правильно? Теперь, смотрите, что сделал «Перекресток»? Он стал говорить так: «Хорошо, ведь в будущем, наверное, будет какая-то система нашей оценки. Давайте сначала мы сами будем формировать собственные оценки и мониторинг и не будем ждать, пока кто-то придет и нас оценит». Но для этого, говорит разработчик, нужны определенные понятия: социальной технологии, мониторинга, оценки, индикатора, – т. е. сеть разных понятий, и, выстраивая эти понятия, я, с одной стороны, и систему выстрою, но второй момент важно не забыть: что я обустрою систему социальных технологий и буду помогать собственным специалистам, которые работают, повышают качество за счет системы оценки и мониторинга и определенным образом развиваются, потому что теперь понятно, что это за технология.

Проектирование новых форм оценки и мониторинга

Людмила Карнозова: Я исхожу из различия в понимании мониторинга и оценки. Мониторинг я рассматриваю как некое слежение, фиксацию происходящего по определен-

ным параметрам, при этом разные системы могут собирать ту или иную информацию в зависимости от того, что это за система, что именно ее интересует. А оценка – это уже не просто сбор и анализ информации, это определение степени, предположим, успешности, степени правильности, финансовых и временных затрат и т. п.

Это первый момент различия. Теперь следующий: оценивание чего и мониторинг чего? Если вы внимательно посмотрите на тексты, где обсуждаются современные представления о мониторинге и оценке, о чем там идет речь? О мониторинге и оценке программ и проектов. Но одно дело – создание чего-то (и для этого проектная логика адекватна), другое дело – *отправление деятельности*, которая осуществляется в режиме функционирования; в том и другом случае разные вещи оцениваются, хотя, с точки зрения категориальных определений, и там и там предметом анализа является деятельность.

Теперь по поводу показателей. Пока на этом шаге рассуждения мне неважно различие мониторинга и оценки, я буду иметь в виду и то и другое. Выделим два типа систем, из которых исходит запрос на оценку и мониторинг. Во-первых, это внешние системы – поэтому для того чтобы говорить об оценке и мониторинге нашей деятельности, нам нужно понимать запросы и требования этих самых внешних систем. Попросту говоря, нам нужен список исходящих извне запросов и требований. И второй момент – то, о чем вчера говорили, – это самооценка, т. е. те внутренние требования, которые предъявляет профессиональное сообщество самому себе. И здесь тоже, соответственно, должен быть некоторый список требований. Вчера, например, оппозиция возникла между Ольгой Селивановой и Татьяной Подушкиной. Когда Татьяна говорила: «Один из пластов мониторинга и оценки – соответствие нашей деятельности принятой технологии», а Ольга с управленческой точки зрения отвечала: «Да неважна мне ваша технология! Мне как управленцу результат важен». А технология важна кому? Прежде всего, наверное, специалистам, сообществу, которое занимается восстановительными программами. Дальше эти внешние системы можно дифференцировать: управленцы, клиенты, системы, направляющие случаи на программы, и др. И у каждой внешней системы будут свои ожидания и параметры успешности восстановительных

программ. Но это еще не показатели оценки – последние должны формироваться в коммуникации, внешние запросы должны корректироваться в соответствии с содержанием деятельности, а «внутренние» параметры оценки приводиться в соответствие с управленческой парадигмой.

Почему важно «создание» и «функционирование» различить с точки зрения мониторинга и оценивания? Надо понимать, что создание инновационных площадок (например, служб примирения) вполне может быть описано в терминах процессов проектирования, относительно которых и строятся мониторинг и оценка программ и проектов. Что подвергается мониторингу и оценивается? Процесс создания и результат – то, что создано. И в этом смысле в самих проектах (или в заявках на гранты) параметры оценивания и мониторинга фактически прописаны, иначе у вас заявку не примут. Каждый раз, когда пишется отчет: « Было задумано то-то, достигнуто то-то», – есть мониторинг и оценка, и их можно различать. Важно обратить внимание, что проектная форма организации деятельности характерна для процесса создания чего-то; показатели оценки и мониторинга достаточно просты, потому что они уже заложены изначально. И здесь, в логике создания (это, конечно, тоже некая редукция и допущение) можно рассматривать соответствующие формы организации работ, к примеру, по созданию служб, как моноцелевые. Вот есть книжка¹, на основе которой мы прорабатывали тему «оценка и мониторинг» и готовились к этому семинару. В ней очень важна первая методологическая статья, где вводится понятие проекта, потом – понятие программы как сложного плана. А дальше говорится, что вообще-то понятие «целевая программа» – это тавтологичное понятие, потому что программа, конечно же, всегда целевая. При этом имеется в виду старое, семидесятых годов, представление о целевой программе, где есть главная цель и дальше – дерево исходящих из нее подцелей (целей других уровней). Вот в такой форме проекты создания площадок, в принципе, с некоторой натяжкой, но можно представить. И поскольку способы оценивания и мониторинга заложены в самих заявках, тут все понятно.

¹ Оценка программ: методология и практика / Под ред. А. И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н. А. Кошелевой. М.: «Престо-РК», 2009. – Прим. ред.

Теперь рассмотрим функционирование: служба создана, она работает. Можно ли эту деятельность оценивать как проект? То есть деятельность (я бы ее назвала «производственной»), которая связана не с созданием чего-то – проект закончен, служба создана, – а деятельность, которая воспроизводится: медиаторы приходят на работу, берут случаи, проводят программы. По-видимому, для анализа функционирования созданной службы нужны какие-то другие формы анализа. Но поскольку деятельность у нас новая, мы можем сказать следующее: созданные площадки (созданные структуры новой деятельности, которые явились результатом инновационных проектов), дальше начинают функционировать и воспроизводиться – но это только одна сторона дела. Для анализа и мониторинга этой воспроизводящейся системы нужны одни формы. Но поскольку деятельность новая, она хоть и воспроизводится, но относительно нее обязательно должны разворачиваться еще и другие процессы, а именно, развитие в разных направлениях: развитие как количественное расширение (увеличение числа служб, например); развитие как формирование новых, более совершенных технологий, как выход на новый класс ситуаций и проч.

Наша деятельность по реализации примирительных программ – это не какой-то устойчивый институт, это совершенно новое образование. Так что, с одной стороны, нужно отправлять некую деятельность. Но при этом вопрос о развитии стоит очень актуально, потому что программы примирения – это не укорененный институт. Нельзя сказать, что система деятельности, которой мы занимаемся, – просто какая-то воспроизводящаяся система. А развитие требует других параметров и другого способа организации. Как я поняла из предыдущих выступлений, мы можем разделить и управленческое отношение к этим разным типам процессов: функционирование системы обеспечивается бюджетным финансированием. Но организации живут не только на бюджетное финансирование, есть еще проекты, а проекты связаны с решением каких-то новых задач. То есть мы в общей деятельности уже созданных площадок выделяем два вектора: функционирование, которое должно отслеживаться по определенным параметрам, оцениваться и обеспечиваться с точки зрения бюджетных показателей, бюджетного финансирования. Поэтому нам нужно связывать «про-

изводственные процессы» с управленческими параметрами. С другой стороны, ставятся новые задачи, которые обеспечиваются проектами развития, где задаются иные параметры мониторинга и оценки.

Понятно, что такое различие типов процессов искусственно (в реальности все со всем связано), но, тем не менее, весьма практично. Возьмем для примера процессы реформирования школы, происходящие у нас, причем довольно интенсивно, по крайней мере с конца 80-х гг. Понятно, что если при всех крутых изменениях и перестройках мы вдруг перестанем учить детей (основной «производственный» процесс), т. е. делать то главное, для чего школа была создана, то этот институт перестанет существовать. То есть функционирование и развитие – это не одно и то же.

(...) Теперь вернемся к тому, чему учат нас нынешние концепции оценки, в соответствии с которыми программа – это целевая программа. А целевая программа, схемой которой является дерево целей, означает моноцелевую программу. Моноцелевая, т. е. имеется в виду одна главная цель, из которой исходят все остальные.

Есть, однако, совершенно другое представление о программах и программировании, которое разрабатывалось в отечественной методологии, в Московском методологическом кружке. Конечно, попытаться рассказать об этом в двух словах не удастся, поэтому я лишь намечу контуры этого понятия. В рамках этого представления программа определяется скорее как развернутая во времени совокупность процессов программирования, а не как статичная фиксация дерева целей и соответствующих ему планов действий. Программирование в этой методологии рассматривается как способ организации деятельности разных профессионалов и разных позиционеров в некой сложной ситуации.

Если говорить коротко – в чем состоит принципиальное отличие от предыдущего представления? Когда мы читаем литературу по целевым программам, там с чего начинается? «Есть проблема – надо ее решить». Что значит «есть проблема»? Она где есть? И в этом смысле второе представление о программировании, о котором я говорю, включает в себя в качестве ключевого процесс проблематизации – т. е. процесс *выявления* проблемы, которая не где-то там «лежит», а ее еще нужно поставить. Когда мы

собираемся и говорим: надо решать, например, проблемы ребенка, мы заботимся о детях. Это что? Это *проблема* или пока некоторая *тема*, предмет нашей заботы? И дальше приходят разные специалисты и начинают говорить, что на самом деле проблема в том-то, в том-то, в том-то. А другие специалисты говорят: «Да нет, совсем не в этом». Даже мы более узким кругом, казалось бы, единомышленники, собираемся, и то если возьмем какую-то тему, появятся разные мнения, тем более, если мы пригласим еще милиционеров, судей, политиков и пр.

Итак, есть некая тема, под которую мы собираем людей, как-то к ней причастных, и начинаем разговаривать. Первый блок процесса программирования называется тематизацией, дальше блок, который в методологии называется «ситуационный анализ»: ведь ситуации, как понятной и ясной, еще нет. Ситуационный анализ – это такая форма организации коммуникации, когда ситуация начинает говорить голосами ее участников. И дальше должна быть какая-то методологическая позиция или это может быть рефлексивная позиция самих участников, когда на основе этого многоголосья мы должны хоть как-то прорисовать картину и начать отвечать на вопрос «а в чем же ситуация»? Ситуация не там, «за окном», а ситуация определяется вот этими разными позициями. То есть ситуация – в деятельности, в множественности разных позиций. И тогда следующий момент – это уже анализ ситуации. То есть на основе анализа этого многоголосья должна производиться фиксация ситуации – на рефлексивном уровне. Как мы говорим: «Мы вчера день проработали? А сегодня утром – резюме. Теперь встанем “над”. Вчера мы разговаривали, а теперь встанем “над” – что было?» И попытка прорисовки вот этой ситуации. Когда мы ее прорисовали, дальше мы начинаем к ней уже относиться. Что-то мы зафиксировали, и потом эта ситуация, объективированная, становится предметом нашего мышления. Давайте положим разные показатели, а потом посмотрим, что с этим делать, как к этому относиться?

Итак, процесс программирования включает в себя: тематизацию, ситуационный анализ, анализ ситуации, целеобразование, самоопределение – это наше отношение есть важный элемент и выявления проблем и программирования. Формулировка проблемы является этапом программирования, а не его

исходной точкой. Затем проблема переводится в пакет задач и планов по их решению, и разные люди, профессионалы будут браться за ее решение.

Мы можем начинать обсуждение той или иной темы с фиксации своих целей, с фиксации своей позиции, самоопределения и т. д. Поэтому приведенный выше перечень блоков не есть последовательность, это некий набор процедур, указывающий на культуру работы программирования второго типа, о котором я говорю. Не программирования, когда «есть проблема» и давайте ее решим, а когда есть некая тема, некая ситуация, которая брезжит, но мы еще ее не очень-то понимаем. Программирование – не линейный последовательный процесс, а предполагающий множество циклов и возвратов, возвратов, которые могут приводить и к изменению целей и всей остальной связанной с ними структуры. Приведу простой пример, чтобы спуститься с высот абстракции: мы обсуждаем сложный случай на супервизии. Мы можем один и тот же эпизод в работе медиатора трактовать, к примеру, либо как нарушение технологии, либо как развитие способа с выходом на новые цели и средства. Но второе возможно, если мы движемся в рефлексивной логике программирования, а не «реализации технологии». Грань здесь тонкая, поскольку важно сохранять идентичность подхода. Но именно поэтому так важна роль сообщества в определении и развитии самих критериев оценки и параметров мониторинга. Критерии оценки нашей деятельности нельзя отдать на откуп управленцев.

Мне кажется, пока достаточно, чтобы показать, что это совершенно разные методологии – программно-целевой и связанный с ним проектный подход и полицелевое рефлексивное программирование. Понимаете, это не «теория». Это методология, которая лежит в основе либо одной практики, либо другой. Либо практика, когда «есть проблема», мы делаем вид, что знаем и все по такой логике начинаем оценивать. А есть совершенно другая логика. Думаю, то, чем мы занимаемся в продвижении программ восстановительного правосудия, больше соответствует второму пониманию программирования. Да, мы реализуем отдельные проекты, но они осуществляются в рамках определенного программного движения, в ходе которого мы рефлекслируем сложившиеся ситуации, ставим новые цели, выявляем проблемы, разрабатываем спосо-

бы оценки собственной деятельности. И развиваем саму эту деятельность – и снова меняем показатели и критерии оценки.

У нас есть некий процесс, мы его можем зафиксировать. Через полгода мы собираемся, в июне, и будем рефлексировать. Смотрим: ситуация куда-то сдвинулась, самоопределение, соответственно, стало каким-то другим. То есть мы начинаем всю эту махину сдвигать и фиксировать следующий шаг на основе рефлексии того, что сделано.

Как теперь строить на такой форме организации мониторинг и оценку? Пока у меня нет ответа. Но мне важно пока, что если ставился вопрос Антоном: «Как оценивать и мониторить программу продвижения восстановительного правосудия?», то оценка должна соответствовать логике тех шагов, которые сделаны и множеству решаемых нами задач. Это полицелевая система, потому что у каждой задачи есть, естественно, свои целевые ориентиры и их можно фиксировать.

Выступление первой группы (управленцы)

Ольга Селиванова: Для оценки количественных и качественных показателей в разных аспектах восстановительных явлений и процедур можно ограничиться следующим количеством показателей.

Первый показатель мы условно назвали «число структур». Под словом «структура» каждой конкретной территории можно подразумевать разные вещи, отвечающие реалиям сформированности конкретных институтов. Кто-то будет считать количество служб в школах; кто-то, может быть, количество каких-то муниципальных служб медиации и т. д. Здесь имеется в виду, что есть некая оформленная единичная структура, которая не зависима от других. То есть это не какие-то подразделения одной структуры, а это самостоятельная единица. Величина этой единицы будет определяться, соответственно, конкретным названием. И в этом же показателе второй компонент – численность работников данной структуры, профессиональных, непосредственно задействованных при проведении процедур. То есть не число бухгалтеров и прочих организационных работников, а именно число медиаторов либо число ведущих, либо, соответственно, тех, кто делает.

Второй показатель состоит из трех аспектов. Это численная характеристика про-

водимых дел – соотношение числа поступивших, условно, в службу заявок к числу начатых дел. Второе соотношение в этой же группе – отношение числа начатых дел к числу проведенных встреч. То есть, например, пять дел начато, и они находятся в производстве, по одному из дел проведено десять встреч, по другому – три, по третьему – двадцать встреч, по четвертому – одна. Этот показатель управленцу будет говорить о том, что встречи бывают разные, интенсивность работы разная, и где-то человек может 20 раз встретиться с одной группой людей, а где-то достаточно одного. Второе соотношение свидетельствует о нестатичности интенсивности работы с конкретным делом, чтобы чиновник или руководящий работник не требовал: «Раз у вас дело, то по норме вы должны провести одну предварительную, одну основную и одну заключительную встречи, или две предварительных, три. Определитесь, чтобы не перерабатывать или не недорабатывать». Алгоритм могут потребовать при отсутствии этого показателя, причем алгоритм буквальный: одна беседа с человеком, две беседы. Если вы провели одну беседу, значит, вы недоработали; если вы провели больше, значит, вы работали неэффективно. И третье соотношение, которое, мы думаем, стоит посчитать, – это отношение числа начатых дел к числу завершившихся успешно. То есть это качественный показатель: десять дел начаты и приняты в производство; допустим, восемь из них завершилось положительно. В комментариях к этому показателю можно приписать, что в данном случае считается как раз предыдущее соотношение, что и будет показывать управленцу, что это не одно и то же. Успешно завершённое дело не подразумевает под собой обязательное выполнение всей процедуры: дело может быть завершено успешно до предварительной встречи, а возможно, потребовалось четыре встречи для успешности.

Руستم Максудов: С позиции методиста очень важно интерпретировать цифры не внутри мониторинга, а внутри пояснительных записок, которые могут прилагаться к цифрам, потому что очень важно, как мы их интерпретируем.

Ольга Селиванова: Третий показатель – число участников процедур, причем общее и, в том числе, несовершеннолетних. Числен-

ный показатель участников всегда актуален для любого управленца. Они как хотят, так и интерпретируют: для кого-то важен охват, для кого-то важно что-то еще. От этого никуда не денешься, все равно будут считать. Мы все-таки пришли к тому, что при школах в службах примирения можно в этом же показателе учитывать число детей-ведущих, т. е. активных участников.

Предпоследний критерий – число, мы еще не поняли, как это назвать, информационно-презентационных встреч ведущих программ с представителями других структур или родительской общественности. То есть насколько это позволяет оценить личную активность каждого медиатора по налаживанию базы для организации встреч. В противном случае, если этот критерий не учитывать, очень скользкая ситуация для муниципальных работников получается в том смысле, что эта услуга носит предьявительный характер: пришел к тебе человек – ты провел. И у меня очень большой соблазн, как у специалиста, получающего бюджетные деньги, сказать: «Ко мне никто не пришел. Не было никого, я что, виноват? Я сидел на работе до шести часов, но не было никого, что-то не хотят они вообще идти». А я, как работодатель, обязан этому человеку заплатить деньги – он действительно на работе сидел, а услуга-то по своему характеру предьявительный характер носит, никто детей туда не загоняет.

Руستم Максудов: Само по себе восстановительное правосудие – это все-таки интервенция, а не ожидание, что кто-то пришел к тебе.

Ольга Селиванова: Последний критерий – это процент положительной социально-психологической динамики участников программ несовершеннолетних. Мы его предлагаем сделать через экспертную оценку: задать стандартный жесткий бланк с жесткими двумя или тремя критериями. И, допустим, с трех- или пятибалльной шкалой оценки, в каждой из которых будет написана готовая характеристика, чтобы человек не витал в облаках, а мог оценить до начала и после начала. И вот здесь либо процент, либо можно посчитать сдвиг. Если я до совместной встречи оценю участников ситуации на предварительной встрече, это не так сложно – после предварительной встречи поставить две-три галочки

напротив каждой фамилии. Сдвиг либо положительный, либо отрицательный. Грубо говоря, на первой встрече я оцениваю одного человека, допустим: «Стремление к признанию собственной вины» как «минус пять», что значит: «Вообще не желает и прямо противоположное несет». А на последней встрече, заключительной, или где-то в середине, может быть, в конце первой примирительной встречи – неважно! – но вот в процессе, в любой момент я как специалист вижу момент, когда он, грубо говоря, согласился. То есть факт, что человек рассматривает свое поведение как поведение признающего вину, например, я ставлю «плюс пять» или «плюс три». Так вот, первое число минус второе дает математический сдвиг, и величина этого сдвига – это цифровая, так сказать, вещь, которую можно поставить, и получится всего две цифры.

(...) Экспертная оценка специалиста, который понимает, на что направлена его профессиональная деятельность по изменению поведения конкретных клиентов. Вот эта экспертная оценка может состоять из двух частей, просто первую часть все-таки должен оценивать специалист. А во второй половине может быть один или два вопроса, которые отмечают сами участники или родители – пожалуйста! И у них эта динамика чуть больше будет: не две цифры, а шесть или девять, и она тоже будет оцениваться. С одной стороны, конечно, у специалиста есть соблазн приписать, но при прочих равных условиях я больше буду доверять человеку взрослому приписывающему, чем человеку, который может неадекватно оценить собственный прогресс. Это однозначно! Вот если меня заинтересует, я приду к ним с проверкой и скажу: «Что-то мне так не кажется. Вот усердно приписывают, “плюс десять” у всех, все прямо перевоспитались», – и тут они с легким движением руки говорят: «А вы посмотрите, как у нас соотносится оценка специалиста и самооценка участников!» И они мне достают вторую половину таблички, а там тоже и «девять», и «восемь», и «одиннадцать», и «двенадцать» – прогресс. Вот тогда эта оценка подтверждается документально. Можно сделать тоже соотношение между самооценкой медиатора и самооценкой клиента. И тогда это можно считать. Чем меньше разброс, тем адекватнее общая оценка программы. Тут и оценка потребителей, и оценка профессионалов, и все это

соединяется – значит, услуга оказывается хорошей.

Причем первые три – где количество структур – эта цифра будет меняться раз в пять лет.

Вопрос: Что за шкала, по которой будете ребенка оценивать?

Ольга Селиванова: У ребенка можно спросить степень удовлетворенности, например, участием в программе. Ребенок чем угодно может быть удовлетворен. Но если он хоть чем-то удовлетворен и ставит 10, это замечательно. Лучше 5, потому что пятибалльная система понятна всем детям.

Людмила Карнозова: Последний показатель преждевременно отдавать управленцам на контроль, надо отдать это в разработку методической группе, потому что над ним надо работать, он еще сырой.

Выступление второй группы (медиаторов)

Елена Женодарова: Естественно, мы решили, что должна быть обязательно технология. И мы смотрим на соответствие того, что делают специалисты, технологии. Второе – это программа. Можно количественно оценивать саму программу. Это начало программы, т. е. программа началась, получено согласие (письменное или устное) на медиацию. Потом – медиация состоялась. Значит, на медиацию было какое-то соглашение – письменное или устное. И в конце – выполнение соглашения.

Дальше – оценка результатов проведения этой программы. И здесь мы очень долго думали и про изменения клиента. Мы подумали: а стоит ли вообще как-то измерять изменения, которые произошли с клиентами? Мы решили, что, возможно, можно измерить изменения, которые произошли с жертвами. А что касается правонарушителей, мы решили, что здесь измерения будут бессмысленны, потому что перемен, которые могут повлиять на изменения в человеке вообще и, в частности, в подростке, очень много, и вряд ли мы можем вычленим зависящие от нас. Потому что ребенок – динамичное существо, и здесь, возможно, изменения не нужно считать. Если мы считаем, что у нас восстановительный процесс, мы восстанавливаем способность ребенка решить эту проблему правонарушения. И в медиации происходит вос-

становление этой способности, то, что она случилась, эта способность изменения, заглаживания вреда, это значит, что изменение произошло как факт восстановления и как факт соглашения. И следующее – как мы решили оценить свою работу – это получить обратную связь от самого молодого правонарушителя. И здесь мы нашли замечательный креативный вариант. У нас есть три вопроса. Первый вопрос: посоветовал бы ты другим, попавшим в сложную ситуацию, такую процедуру примирения? Второй вопрос: использовал ли ты что-нибудь из этой процедуры в своей дальнейшей жизни? И третий вопрос: можно ли тебя пригласить в качестве волонтера на Круг, который будет решать подобную проблему, разрешать подобные ситуации? Потому что все оценки даже взрослому человеку, а тем более ребенку, трудно дать не через себя, не через какую-то ситуацию.

Выступление группы методистов

Рустем Максудов: По мнению нашей группы, позиция методиста не разрабатывает форму оценки мониторинга. Почему мы так считаем? Потому что, когда мы обсуждали, например, пермский опыт, то посмотрели, каким образом были разработаны формы оценки мониторинга. Они были разработаны с определенных позиций – с позиций управленца и медиатора.

Мы дальше стали рассуждать: а есть ли при оценке мониторинга специфичная позиция методиста и за что она отвечает? Она очень важная. Я перечислю задачи, которые мы выделили, прежде всего, на опыте Пермского края, точнее, краевого центра. А даль-

ше я скажу, какие задачи появляются у методистов при оценке мониторинга, специфичные для методиста.

Задачи методической службы или вообще методического сопровождения у нас получились следующие: подготовка, сопровождение (тут могут быть и консультирование, и супервизия), проектирование (в смысле доводки элементов и проектирования элементов системы), мониторинг, экспертиза (тут имеется в виду и оценка качества – просто в Пермском крае это называется экспертизой, но мы поняли, что это имеет отношение к оценке – это и оценка создания площадки, и оценка качества работы ведущих). Мы обозначили оценку в соответствии с технологией как вопрос. И седьмое – разработка документации, обеспечивающей пилотную площадку или пилотный регион, или вообще деятельность в крае.

Очень интересная позиция методистов обозначилась при проведении мониторинга. Обозначились следующие задачи проведения мониторинга: во-первых, определить предмет мониторинга, определить предложенные критерии, индикаторы и оценить. И здесь важный вопрос: как это померить? Методист, когда ему предлагают с позиций управленца и медиатора... Мы поняли, что здесь на связке происходит. Он спрашивает себя: а как это померить? И к этим индикаторам нужно очень тщательно относиться.

Людмила Карнозова: Надо дифференцировать, какая информация передается в краевой методический центр для профессиональной рефлексии и анализа, а какая управленцам.

Таблица 1. Программы восстановительного правосудия: мониторинг за 2009 г.

Службы	Волгоградская область	Новосибирск	Казань	Тюмень	Москва	Петрозаводск	Урай (КДНиЗП)	Пермский край	Самара	Итого
Сколько муницип./район. служб на территории	4	2	1	1	2	1	1	32	-	44
Сколько вовлечено судов, КДНиЗП ¹ , ПДН ² , ООиП ³	1 суд 4 КДНиЗП	2 суда 1 КДНиЗП	2суда 2 КДНиЗП 1 ПДН	2 суда 4 КДНиЗП	1 суд 1 КДНиЗП 2 ООиП	1 суд	1 КДНиЗП	20 суд 20 КДНиЗП	-	29 суд 33 КДНиЗП 1 ПДН 2 ООиП
Передано дел из судов из КДНиЗП из ПДН из ООиП лич. обр. граждан	6 28	110 9	45 6 3	1 1	5 12 17 8	20	6	169 322	-	356 404 3 17 8
По скольким делам начались программы ВП	34	36 (суды) 7 (КДНиЗП)	15 (суды) 6 (КДНиЗП) 3 (ПДН)	13	3 (суды) 9 (КДНиЗП) 17 (ООиП) 8 (личные обр. граждан)	8 (суды)	2 (мед.) 4 (сем.) конференции	458	-	623
Сколько закончилось примирительной встречей, встречей в Круге	19	13 (суды) 5 (КДНиЗП)	6 (медиация) 2 (Круг)	10	2 КДНиЗП (медиация) 14 ООиП (медиация) 6 лич. обр. граждан (мед.)	1	6	458	-	542

¹ Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав.² Подразделение по делам несовершеннолетних.³ Отдел опеки и попечительства.

Окончание табл. 1

Службы	Волгоградская область	Новосибирск	Казань	Тюмень	Москва	Петрозаводск	Урай (КДНиЗП)	Пермский край	Самара	Итого
Юридические последствия программы	2 дела – замена реального лишения свободы мерами принуд. восп. (спецшкола); 2 – замена реального лишения свободы на условное; 2 – возмещение мат. ущерба	7 дел – прекращение следовании по ст. 25; 76 УПК РФ; 5 – замена реального лишения свободы на условное; 4 – принесение публичного извинения; 2 – возмещение материального ущерба	См. приложение № 1	Нет данных	Нет данных	2 дела – меры принуд. восп. воздействия (спецПУ); 3 – условное осуждение; 1 – возмещение мат. ущерба	Прекращение уголовных дел за примирением сторон	Нет данных	–	

Таблица 2. Программы примирения в школе: мониторинг за 2009 г.

Школьные службы примирения (ШСП)	Волгоградская область	Новосибирск	Казань	Тюмень	Москва	Петрозаводск	Урай (КДНиЗП)	Пермский край	Самара	Итого
Сколько ШСП на территории	54	5	5	8 (созданы в ноябре 2009 г.)	8	–	–	473	1	554
Сколько медиаторов в ШСП	57 взрослых 400 подрост.	7 взрослых 24 подростка	8 взрослых 53 подрост.	10 взрос. 12 подр.	10 взросл. 50 подр.	–	–	473 взр. 1577подр.	1 взр. 4 подр.	566 взр. 2120 подр.
Сколько случаев передано в ШСП	513	66	5	2	55	–	–	1719	12	2372
Сколько закончилось примирительной встречей, встречей в Круге	452 (в 50 случаях после ВП заявления в прав. органы не были поданы или их забрали)	57	2	2	42	–	–	1593	10	2158

Данные мониторинга переданы:

Волгоградская область – И. С. Маловичко, президент Волгоградской региональной благотворительной общественной организации «Клуб ЮНЕСКО “Достоинство ребенка”»

Новосибирск – Т. А. Стукачева, директор СОЦ «Прометей»

Казань – К. Ш. Шарифзянова, руководитель социально-правовой защиты несовершеннолетних Комплексного центра социального обслуживания «Доверие»

Тюмень – О. А. Селиванова, директор ЦВР «Держинец»

Москва – А. Ю. Коновалов, руководитель направления «Школьные службы примирения» общественного центра «Судебно-правовая реформа»

Петрозаводск – С. Я. Гладких, психолог МОУ ДОД Детско-юношеского центра

Урай – С. Л. Болковая, заместитель председателя КДНиЗП

Пермский край – «Пермская модель ювенальной юстиции. Учебно-методическое пособие» под ред. В. Н. Вельянинова, Т. И. Марголиной, В. А. Сухих, Пермь, 2009; доклад О. Е. Рыскаль на краевой межведомственной конференции «Применение восстановительных технологий в профилактике преступности и правонарушений несовершеннолетних в Пермском крае» 09.04.2010 г.

Самара – Н. О. Бондаренко, председатель совета ФДО Самарской области.

Приложение № 1. Решения суда в отношении подростков, с которыми проводились программы восстановительного правосудия, г. Казань

№	Статья	Решение суда	Предусмотренная санкция
1	158 ч. 2 п. «а, б, в»	2 года условно с испытательным сроком 2 года	Исп. раб. до 1 г. Лиш. св. до 5 лет
2	158 ч. 2, 167 ч. 2	Штраф 7500 р.	Штраф до 200 т. руб.
3	161 ч. 2 п. «а, г»	1 год лишения свободы условно	Лиш. св. 2–7 лет
4	163 ч. 2 п. «а»	1 год 7 месяцев условно	Лиш. св. 3–7 лет
5	161 ч. 2	3 года условно с испытательным сроком 2 года	Лиш. св. 2–7 лет
6	158 ч. 2, 167 ч. 2	Штраф 7500 р.	Штраф до 200 т. руб.
7	163 ч. 2 п. «а»	1 год условно	Лиш. св. 3–7 лет
8	163 ч. 2 п. «а»	1 год 6 месяцев условно	Лиш. св. 3–7 лет
9	161 ч. 2 п. «а, г»	То же	Лиш. св. 2–7 лет
10	163 ч. 2 п. «а»	То же	Лиш. св. 3–7 лет
11	158 ч. 2 п. «в»	То же	Исп. раб. до 1 г. Лиш. св. до 5 лет
12	161 ч. 2 п. «а»	2 года условно с испытательным сроком 6 месяцев	Лиш. св. 2–7 лет
13	161 ч. 2 п. «а, г»	2 года 6 месяцев условно	Лиш. св. 2–7 лет
14	161 ч. 2 п. «г»	1 год условно	Лиш. св. 2–7 лет
15	161 ч. 2 п. «а, г»	То же	Лиш. св. 2–7 лет
16	158 ч. 2 п. «в»	1 год 5 месяцев условно	Исп. раб. до 1 г. Лиш. св. до 5 лет
17	163 ч. 2	1 год условно	Лиш. св. 3–7 лет

Светлана Солнечная

РАЗВИТИЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Раскрытие и исследование сущности, специфики и перспектив развития ювенальной юстиции в России предполагает тщательный анализ истории становления специализированного правосудия для несовершеннолетних – истории поисков принципов и оснований реагирования на правонарушающее поведение молодых людей.

Исследование исторического поля формирования правового статуса несовершеннолетних свидетельствует о сохранении бесправного положения детей перед законом и судом примерно до середины XIX в. Это было связано, прежде всего, с отсутствием представления о юридическом и социальном понятии детства как «особо защищаемом периоде жизни человека»¹.

До середины 60-х гг. XIX столетия к несовершеннолетним правонарушителям в России относились как к взрослым преступникам. Несмотря на определенные оговорки, в соответствии с которыми несовершеннолетие считалось смягчающим вину обстоятельством, фактически это игнорировалось, а подростки содержались вместе со взрослыми и в условиях предварительного заключения, и в арестных домах, и в тюрьмах, они не были защищены от применения к ним мер психического и физического воздействия².

Путь становления ювенальной юстиции начался с организации работы с беспризорными детьми – потенциальными правонарушителями. Значительную роль в этом сыгра-

ла инициатива общественных организаций и благотворительных обществ, выразившаяся в движении, которое пропагандировало новый взгляд на несовершеннолетнего человека. Стали создаваться особые учреждения для воспитания малолетних беспризорных.

«Дело призрения»³ беспризорных детей в России в тот период уже имело свою историю. Начиная с первых годов распространения христианства до вступления на престол Ивана Грозного, попечение о бедных и обездоленных детях составляло заботу духовенства, государственная власть выступала лишь в качестве благотворителя⁴. Только в связи с чрезвычайным распространением нищенства в стране и связанным с ним ростом преступности в XVII в. начался переход дела призрения из ведения церкви к государственной власти. В 1661 г. государь Федор Алексеевич велел нищих в Москве «...держатъ в особом месте, со всяким довольством от его Государевой казны...»⁵.

С воцарением Петра I все руководство работой с беспризорными детьми полностью перешло к государству, которое не устрани-

¹ Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело, 2001. С. 27.

² РГИА СПб. Ф. 1405. ОП. 543. Д. 478. Л. 24.

³ Ошанин М. О призрении покинутых детей. Ярославль, 1912; См. также: Яблоков Н. В. Призрение детей в воспитательных домах. СПб., 1901.

⁴ Первая попытка внести упорядочение в дело призрения была сделана царем Иваном Грозным, который указал на необходимость выделить и переписать действительно нуждающихся и устроить для них за счет пожертвованной богадельни под присмотром священников. При царе Алексее Михайловиче в 1670 г. был учрежден приказ строения богаделен (подробнее см.: Ануфриев К. И. Нищенство и борьба с ним. СПб., 1913. С. 163). Но все эти меры не носили планомерный характер и не отражались на общем положении дела.

⁵ Ануфриев К. И. Указ. соч. С. 173.

ло церковь от дела призрения, а только поставило ее наряду с другими общественными и государственными органами. В 1715–1718 гг. Петр I проводил активную работу с нищенством и беспризорностью детей. В Москве и других городах создавались специальные госпитали для незаконнорожденных детей, в которых была введена практика «тайного приноса» младенцев, как, например, во Франции⁶. Однако госпитали и богадельни были переполнены, мест всем нуждающимся не хватало. Поэтому детей высылали в отдаленные города или монастыри под надзор до достижения 20 лет⁷.

В 1764 г. в Москве Екатериной II был основан Воспитательный дом с целью воспитания в бедности рожденных детей, также в его задачу входило призрение сирых и неимущих родильниц.

В 1775 г. был издан закон «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», в котором изложена организация общественного призрения. При Александре I призрение беспризорных детей перешло в ведомство Министерства Внутренних Дел. Дальнейшее развитие дело призрения получило в конце XIX – начале XX в., строилось в основном на частные пожертвования и организовывалось благотворительными обществами. Каждая такая организация имела в виду одну какую-нибудь группу детей и стремилась достигать свои цели по самостоятельному плану, вырабатывала свои собственные приемы и искала на их осуществление средства. Государственная поддержка ограничивалась согласованием деятельности, ведением статистического учета и организацией помощи в связи с чрезвычайными ситуациями.

Так, в 1864 г. Общество распространения полезных книг открыло приют для мальчиков, приговоренных по суду, из которого впоследствии развился Рукавишниковский приют⁸. В 1860 г. при Человеколюбивом об-

ществе образуется особое Общество поощрения трудолюбия в Москве, которое, между прочим, ставило себе целью борьбу с нищенством девочек; в 1874 г. Общество открыло Большевский Исправительный приют для девочек, который, согласно уставу, «имел целью призреть и воспитывать в строгих правилах религии нищенствующих девочек (от 4 до 14 лет), обучать их Закону Божьему, грамоте и ремеслам»⁹.

В 1903 г. при Работном доме был образован Временный приют, затем превратившийся в стационарный, в который принимались «дети и подростки, сами занимающиеся нищенством и бродяжничеством, или не имеющие постоянного пристанища, а также такие, родители которых нищенствуют и бродяжничают»¹⁰. Таким образом, Работный дом становится «предупредительным, а не карательным» учреждением в борьбе с нищенством в Москве, что также свидетельствовало о переходе дела призрения на качественно новый уровень.

Потребность в таком типе организаций продолжала расти.

Оценивая значение попечительской деятельности в ходе истории создания ювенальной юстиции, следует отметить, что она послужила своего рода фундаментом развития тенденции защиты несовершеннолетних на государственном уровне.

Однако деятельность приютов и попечителей в XIX в. охватывала достаточно узкий спектр жизни подростков, не включавший в себя подростковую преступность. Параллельно с этими учреждениями существовал общеуголовный суд, к ведению которого относилось рассмотрение дел о правонарушениях детей и подростков. Российское законодательство середины XIX в. не только не устанавливало специальной правовой защиты для несовершеннолетних, но и предусматривало для детей уголовную ответственность такую же, как и для взрослых преступников¹¹.

Лишь во второй половине XIX в. идеи необходимой специальной защиты ребенка в орбите судопроизводства начали медленно

⁶ Герье В. И. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки. СПб., 1897. С. 95.

⁷ Бахрушин С. В. Малолетние нищие и бродяги в Москве. М., 1912. С. 2–5.

⁸ Пьянова О. А. Из истории государственной политики в области борьбы с детской беспризорностью в России // Ювенальная юстиция в Российской Федерации: правовые основы и перспективы. Материалы научно-практической конференции и круглого стола / Сост. О. В. Волох, Е. В. Безвиконная. Омск: ОмГПУ., 2005. С. 36–40.

⁹ Бахрушин С. В. Малолетние нищие и бродяги в Москве. М., 1912. С. 48.

¹⁰ Бахрушин С. В. Малолетние нищие и бродяги в Москве. М., 1912. С. 38.

¹¹ Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело, 2001. С. 33.

продвигаться по пути становления ювенальной юстиции.

Впервые о необходимости введения особых правовых норм в отношении несовершеннолетних было сказано в Судебных уставах 1864 г., где подчеркивалось, что «применительно к детям закон должен иметь в виду цель менее наказательную, чем исправительную, а само наказание для них должно быть не столько возмездием за содеянное, сколько залогом лучшего будущего, следовательно, иметь характер воспитания, быть средством исправления дурных зачатков и развития добрых качеств»¹².

В эпоху судебных реформ стал активно разрабатываться вопрос об отделении несовершеннолетних преступников от взрослых, о выводе детей из тюрем. Как известно, до 70-х гг. XIX в. по закону все без исключения дети, совершившие преступления, отбывали наказания на общих с взрослыми основаниях. С 70-х гг. XIX в. стали создаваться специальные заведения для детей-правонарушителей. Этого шага было явно недостаточно, и сторонники идеи вывода несовершеннолетних из-под влияния тюрьмы приходили к выводу о необходимости отделения от взрослых также и детей, находящихся под следствием.

Прогрессивные идеи находили отражение не только в концептуальных взглядах, практической деятельности, но и в законодательстве. Стоит отметить, что в ряде законов мысль об ограждении несовершеннолетних от развращающего влияния взрослых преступников нашла свое отражение.

Так, закон «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом» от 8 февраля 1893 г. расширял круг несовершеннолетних, которые могли быть помещены в приюты: это распространялось теперь и на подследственных¹³. Законодатель, руководствуясь стремлением оградить несовершеннолетних от развращающего влияния тюрьмы, предписывал содержание их в исправительных приютах, но отдельно от прочих воспитанников во избежание дурного влияния уже осужденных, и с применением общих

постановлений о прокурорском надзоре за содержащимися под стражей.

Заслуживает внимания и то, как закон разрешал вопрос о пересылке несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом, доставлении их в исправительные заведения. Здесь отмечалось, что несовершеннолетние при следовании в судебные места, а также в исправительные заведения могут быть препровождаемы под надзором вместо всякой стражи, особо отряженных от приюта или колонии лиц. И хотя норма, изложенная в законе, диспозитивна, для того времени очень важным являлись как сама постановка этого вопроса, так и попытка разрешить его, пусть даже в такой форме.

Р. Р. Максудов связывает возникновение ювенальной юстиции с моментом, «когда попечительские (реабилитационные) схемы обращения с подростками были распространены на подростковую преступность. При этом они заняли то место, которое традиционно занимали способы карательной реакции на преступления»¹⁴.

Нарушение закона несовершеннолетним больше не рассматривалось как преступление, оно считалось «отклонением» в поведении, вызванным сложившимися социальными обстоятельствами и требующим реабилитационного реагирования, а не наказания. Было введено новое понятие «правонарушитель», отличающееся от понятия «преступник». Впервые был поставлен вопрос о необходимости специального подхода к судопроизводству по делам несовершеннолетних.

Под влиянием съездов представителей русских исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей был разработан еще один важный закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних», принятый 2 июня 1897 г.

Закон 2 июня ввел ряд отступлений от общего порядка производства, стараясь последовательно проводить по всему процессу гарантии прав юных правонарушителей как субъектов судебно-процессуальных действий. В этом отношении закон стоял на рубеже между двумя эпохами защиты процессуальных прав малолетних и несовершеннолетних:

¹² Полянский Н.К. К 50-летию Судебных уставов // Особые суды для малолетних и борьбы с детской беспризорностью. 1914. № 2. С. 3. См. также: Зажискицкий В. С. Детские суды в Российской империи // Педагогика. 1995. № 3. С. 103.

¹³ ПСЗ. 1893. 9316; СУ. 1893. 1-е полугодие. С. 368.

¹⁴ Максудов Р., Флямер М. Ювенальная юстиция в мире: проблемы переноса опыта в Россию // Ювенальная юстиция: правовые и технологические аспекты. Сб. ст. М.: НАН, 2000. С. 27.

между эпохой почти полного отсутствия его и эпохой его регламентации. Воля законодателя была направлена к возможно широкой защите личности подсудимого, была проведена попытка организации отправления правосудия в согласном сочетании публичного начала с началом индивидуальным. В этом отношении значение закона 2 июня огромно.

Наиболее существенными из введенного законом 2 июня положений являются: 1) система участия законных представителей (родителей или лиц, на попечении которых находятся несовершеннолетние обвиняемые), применяющаяся, впрочем, в зависимости от усмотрения суда; 2) регламентирование новых мер пресечения (ответственный надзор, заключение в отделение при исправительных колониях и пр.); 3) выделение в особое производство дел о соучастии несовершеннолетних; 4) особое производство о разумении; 5) обязательная защита; 6) закрытие дверей заседания.

В системе действующего права закон 2 июня оказался недостаточно последовательным и вступил в противоречие с той основной идеей, которая явилась причиной его возникновения и претворения в жизнь.

Остался открытым и неразрешенным наиважнейший вопрос о создании особого положения малолетних и несовершеннолетних в уголовном процессе.

Созданный законом 2 июня и охарактеризованный Сенатом как упрощение форм и обрядов судопроизводства, новый порядок по существу не может быть признан таковым. Чего стоит одно заявление, сделанное министром юстиции, который полагал несвоевременным коренное преобразование законодательства о малолетних и несовершеннолетних?! Именно в этом откровенном заявлении следует искать причины тех крупных недостатков и принципиальных противоречий, которыми изобиловало действующее законодательство, выдвигая снова необходимость законодательного решения вопроса о действительном особом положении малолетних и несовершеннолетних в уголовном процессе.

В начале XX в. появился ряд исследований, где обосновывалась возможность и необходимость создания независимого социального института, важной целью которого стала бы защита и охрана детства.

Эти предложения не получили официальной поддержки властей, но и не вызвали с их стороны активного сопротивления.

В своей работе «Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте»¹⁵ П. И. Люблинский обобщил свои многолетние исследования феномена преступности несовершеннолетних (до и после создания специализированных судов по делам несовершеннолетних) и сделал вывод об исторической ценности этой судебной юрисдикции. По его мнению, главное значение создания судов по делам несовершеннолетних состояло в том, что они получили функцию изучения личности и причин правонарушений несовершеннолетних.

П. И. Люблинский разделил движение показателей преступности несовершеннолетних на два периода:

1-й период – последняя четверть XIX в., «...когда в значительном большинстве стран еще сильны были идеи о необходимости сильной уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних правонарушителей и когда уголовное право, создавая для них ряд льгот и изъятий, в общем стояло на точке зрения борьбы с ранней преступностью путем общих наказаний»¹⁶. В этой связи в России, по свидетельству П. И. Люблинского и М. Н. Гернета, за последнее пятилетие не наблюдалось роста числа несовершеннолетних, осужденных как общими, так и мировыми судами (соответственно 1670 в 1896 г. и 1521 в 1900 г. – общие суды; 5523 в 1896 г. и 4768 в 1900 г. – мировые суды). Однако по так называемым тюремным делам, т. е. влекущим тюремное заключение, рост составлял 15 % (у взрослых – только 7 %).

2-й период – первое десятилетие XX в., прошедшее под флагом создания судов для несовершеннолетних, «...смягчающих в пользу несовершеннолетних общие установления старого права и приспособляющих их к новым требованиям, когда идея о государстве, как о высшем опекуне ребенка, начинает пробивать себе путь в Европе»¹⁷.

В конце XIX в. происходит существенный переворот во взглядах на решение проблемы преступности несовершеннолетних. Уже тогда начинали понимать, что «помощь детям в том смысле, чтобы из них выработались полезные граждане отечества, полезные члены общества, крайне трудна по своей

¹⁵ Люблинский П. И. Борьбы с преступностью в детском и юношеском возрасте. СПб., 1923. С. 9–10.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Люблинский П. И. Там же. С. 14.

многосторонности, сложности и разнообразию. Наибольшее число жертв падает именно на детский возраст, который гибнет и из-за собственной жизненной неустойчивости расплачивается за неустойчивость в жизненной борьбе своих родителей; на нем всего пагубнее отражаются и все несовершенства, изъяны, отрицательные стороны современного общежития»¹⁸.

2 июля 1899 г. в Чикаго на основании «закона о детях покинутых, беспризорных и преступных и о присмотре за ними»¹⁹ штата Иллинойс был учрежден первый в мире суд по делам несовершеннолетних. Инициаторами принятия закона и создания ювенального суда были реформаторы из Чикагского женского клуба, из общественной организации «Халл Хауз», общество патроната (Visitation and Aid society)²⁰. Суды для несовершеннолетних представляли собой «единоличные или коллегиальные судебные учреждения, действующие на основании специальных процессуальных правил и ставящие своей задачей защиту интересов личности малолетнего и суд над малолетними преступниками»²¹.

Ювенальные суды там были созданы на основе доктрины «*parens patriae*», согласно которой государство ведет себя как попечитель или ответственное лицо за несовершеннолетних, защищая их от опасного поведения и вредного окружения путем проведения с ними индивидуализированного воспитания.

Именно поэтому Люблинский назвал ювенальный суд «органом государственного попечения о несовершеннолетних, действующим в судебном порядке»²².

Инициатива введения в России специализированного суда по делам несовершеннолетних принадлежала Петербургскому обществу патроната, которое в октябре 1908 г. создало особую комиссию для выработки рекомендаций. В работе комиссии участвовали известные ученые, сторонники гуманного отношения к несовершеннолетним:

А. М. Белагин, П. И. Люблинский, Н. А. Окунев, И. Я. Фойницкий и др.

Профессор уголовного права и член Общества патроната П. И. Люблинский с 1904 г. публикует в журнале Министерства юстиции целый ряд статей о детских судах в зарубежных странах и впервые в России на заседании Санкт-Петербургского юридического общества весной 1908 г. делает доклад об особых судах для юношества в Америке и Западной Европе²³. Главная мысль доклада заключалась в том, что детский суд – это суд, созданный специально для детей, в котором судья на особом заседании рассматривает дела в отношении малолетних и применяет к ним особые меры, пользуясь при этом помощью попечителей, врачей и благотворительных учреждений.

Детский суд, таким образом, слагался из нескольких элементов:

1. Специальный судья.

2. Специальное заседание.

3. Особые меры по отношению к детям, нуждающимся в помощи, подследственным и обвиненным.

4. Помощь попечителей, врачей и благотворительных обществ и учреждений.

Первого октября 1908 г. Санкт-Петербургским обществом патроната была избрана Комиссия для разработки проекта об особом суде по делам несовершеннолетних, не достигших возраста 17 лет. Комиссия при разработке проекта пришла к заключению, что положения действовавших в то время законов предоставляют возможность немедленного учреждения этого института в России. Среди нужных и полезных положений Комиссия отметила следующие:

возможность отдачи несовершеннолетнего правонарушителя, не достигшего 17 лет, под ответственный надзор родителей или законных представителей и благонадежных лиц при условии рассмотрения его дела мировым судьей. В отношении малолетнего правонарушителя, не достигшего 15 лет, такая мера предусматривалась при рассмотрении его дела окружным судом;

обязанность суда направлять малолетних правонарушителей, не достигших 15 лет, в исправительные приюты, колонии или в монастыри, а не назначать отбывание нака-

¹⁸ Дембо Г. Защита детей от жестокого обращения // Общественное и частное призрение в России: Сб. ст. Спб., 1907. С. 23.

¹⁹ Тарасова Е. П. Детские суды за границей // Дети-преступники / Под ред. М. Н. Гернета. М., 1912. С. 430.

²⁰ Подробно см.: Мельникова Э. Б. Преступность несовершеннолетних в капиталистических странах. С. 12–19.

²¹ Энциклопедический словарь русского библиографического института бр. А. и И. Гранат. М., СПб., 1913. Т. 28. С. 84.

²² Люблинский П. И. Указ. соч. С. 166.

²³ Люблинский П. И. Суды для несовершеннолетних в Америке, как воспитательные и социальные центры. М., 1911. С. 12–18.

зания в тюрьме. Это положение не касалось малолетних, совершивших тяжкие преступления или признанных на распорядительном заседании суда действовавшими с разумием. Направление в исправительные приюты и колонии несовершеннолетних правонарушителей, достигших 15 или 16 лет, являлось уже правом суда;

отбывание лишения свободы несовершеннолетними в особых помещениях;

желательность устранения гласности в делах, где обвиняемыми являются малолетние;

рассмотрение большинства дел несовершеннолетних мировыми судами, находящимися на содержании городских и земских управ;

наличие достаточного числа мировых судей в округе, что давало возможность поручить должность судьи по делам несовершеннолетних наиболее подходящему для этого лицу.

Констатируя, тем не менее, неблагоприятное фактическое положение несовершеннолетних правонарушителей, Комиссия выделила четыре основных фактора:

рассмотрение дел несовершеннолетних вперемишку с делами о преступлениях взрослых обвиняемых;

за отсутствием подходящих попечителей ответственный надзор оставался мертвой буквой;

присмотр за малолетними правонарушителями, назначаемый в качестве меры пресечения, оставался пустой формальностью;

отсутствие необходимого количества исправительных приютов и колоний влекло направление малолетних правонарушителей, не достигших 14 лет, для отбывания наказания в тюрьмы, где не всегда имелись особые помещения для их содержания.

Пути решения выявленных недостатков были даны Комиссией в проекте правил о суде для несовершеннолетних, который был опубликован в 1909 г. в Санкт-Петербурге²⁴.

В проекте предлагались следующие конкретные меры по организации детских судов на территории Российской империи.

1. В крупных центрах, где существовали выборные мировые судьи, судью по делам несовершеннолетних надлежит выбирать Съездом судей из числа добавочных судей мирового округа, для чего, по мнению членов Комиссии, желательно назначить нового дополнительного судью. Финансирование мирового судьи по делам несовершеннолетних возложить на городское или земское самоуправление. В ведение особого мирового судьи передать:

а) все дела, по которым несовершеннолетние от 10 до 17 лет обвиняются в совершении преступного деяния, предусмотренного мировыми судебными установлениями;

б) все дела о нанесении легкого вреда, где потерпевшим является несовершеннолетний, не достигший 17 лет, и когда деяние совершено лицом, на попечении которого находится несовершеннолетний;

в) дела о преступных деяниях, имеющие отношение к малолетним и несовершеннолетним или совершенные по отношению к ним;

г) дела о нарушении правил в торгово-промышленных и ремесленных заведениях, а также постановлений государственных дум, земских собраний и административных властей, изданных с целью обеспечения охраны жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних или обеспечения им возможности получать надлежащее воспитание и образование;

д) дела по обвинению несовершеннолетних от 10 до 17 лет в совершении преступных деяний в соучастии с лицами старше 17 лет.

2. При особом мировом судье по делам несовершеннолетних городским головой или председателем земской управы желательно назначить попечителей (по возможности обо-его пола), определить им количество и размер вознаграждения. Комиссией в обязанность попечителей предлагается включить:

а) сбор сведений о несовершеннолетнем правонарушителе, образе его жизни и окружающей его среде;

б) присутствие в суде при рассмотрении дела несовершеннолетнего и сообщение собранных сведений;

в) исполнение поручений особого судьи по делам несовершеннолетних по наблюдению за несовершеннолетними, оставленными в семьях или отданных на попечение каких-либо учреждений, а также по оказанию помощи несовершеннолетним в поиске работы или устройстве их в школу;

²⁴ Особый суд по делам несовершеннолетних до 17 лет. Доклад комиссии в составе председателя профессора И. Я. Фойницкого и членов: приват-доцента П. И. Люблинского и Санкт-Петербургских столичных мировых судей А. М. Беляева и М. А. Окунева. Спб.: Паровая типография Л. В. Гутмана, 1909 г. С. 7–10.

г) выполнение обязанностей по ответственному надзору или присмотру по поручению судьи по делам несовершеннолетних;

д) составление и предоставление судье отчетов о поведении и образе жизни порученных им наблюдению несовершеннолетних;

е) взаимодействие с различными благотворительными обществами и иными учреждениями и лицами, которые могут оказать помощь в деле воспитания и устройства несовершеннолетних.

3. В проекте правил о суде для несовершеннолетних предусматривалась также желательность наличия бесплатных попечителей при мировом судье по делам несовершеннолетних в лице представителей обществ, ставящих своей целью защиту детей и попечение о детях, и других благонадежных лиц.

В мае 1909 г. председатель общества патроната И. Я. Фойницкий представил министру юстиции записку о введении в России особого суда для несовершеннолетних. Министерство попросило по этому вопросу дать свое заключение председателя Петербургского мирового съезда. Последний в ответ на этот вопрос высказался за желательность и возможность введения особого суда «теперь же на почве действующих законов»²⁵.

3 декабря 1909 г. Мировой съезд на распорядительном заседании избрал на должность особого судьи по делам несовершеннолетних добавочного мирового судью Н. А. Окунева²⁶.

22 января 1910 г. началось заседание первого в России особого суда.

В Москве инициатива учреждения детского суда принадлежала Московскому столичному мировому судье Лубянского участка Э. Э. Маттерну. 28 ноября 1909 г. Э. Э. Маттерн вошел в Московский столичный мировой съезд с предложением о необходимости введения подобного суда. Мировой съезд, согласившись, избрал для разработки проекта суда комиссию из 12 лиц²⁷.

В марте 1910 г. комиссия закончила свою работу и представила съезду доклад об основаниях суда для несовершеннолетних в Москве. Общим собранием мировых судей этот доклад был утвержден, и 23 марта копия его

вместе с ходатайством Мирового съезда об увеличении добавочных судей на одного и об ассигновании сумм на расходы, связанные с введением особого суда, была представлена городскому голове.

Главная цель детского суда определялась как предупреждение преступлений. Для этого детский суд должен:

1) предохранять от преступлений тех детей, которые еще не совершили ничего недозволенного законом, но по условиям своей жизни и индивидуальным особенностям стоят на пороге преступности;

2) удерживать от рецидива тех, кто уже перешагнул этот порог.

Деятельность детского суда должна способствовать достижению этой цели. На первом месте должны были стоять меры, уничтожающие причину беспризорности или преступности ребенка в каждом конкретном случае. Идею возмездия сразу необходимо отставить. На первом плане должна оставаться только польза для самого ребенка. От этого выиграет не только он сам, но и все общество, так как силы и деньги, потраченные на то, чтобы сделать из ребенка хорошего человека, вернутся с лихвой, а общество избавится от множества потенциальных взрослых преступников и тех несчастий, которые они причиняют.

Применять к несовершеннолетним такие наказания, как например, тюремное заключение, – нецелесообразно, так как они в тюрьме проходят высшую школу преступности, а выйдя из нее, становятся гораздо опаснее, чем были.

Тяжесть совершенного преступления не служила критерием для изъятия его от подсудности детскому суду. Очень часто ребенок, который совершил убийство, был гораздо менее испорчен и легче мог быть воспитан, чем мелкий нищий.

Основными мерами, применяемыми к подсудственным детям, были:

1) оставление на свободе с обязательством явиться в суд; 2) то же, с учреждением попечительского присмотра; 3) помещение в чужую подходящую семью под присмотр попечителя; 4) помещение в арестный приют; 5) помещение в подследственный приют-школу²⁸.

²⁵ РГИА СПб. Ф. 1405. ОП. 543. Д. 532. Л. 26–29. См. также: Бочаров Ю. М. Первые суды по делам малолетних в России // В кн.: Дети-преступники / Под ред. М. Н. Гернета. М., 1912. С. 527.

²⁶ РГИА СПб. Ф. 1405. ОП. 543. Д. 532 Л. 103.

²⁷ Там же. Л. 85.

²⁸ Полянский Н.К. К 50-летию Судебных уставов // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. 1914. № 2. С. 3.

Арестованный ребенок немедленно приводился к судье. В случае невозможности его привода он оставлялся на свободе до возможности такой явки или же помещался в арестный приют, который был абсолютно лишен тюремного характера. Родители или лица, их заменяющие, немедленно оповещались о происшедшем. На первом заседании судья знакомился со своим новым питомцем и принимал одну из вышеуказанных мер. До главного судебного разбирательства судья поручал одному из состоящих при нем попечителей навести подробные справки о малолетнем. Когда все необходимые документы попечителем были собраны, назначалось главное судебное разбирательство и, если виновность ребенка была установлена, принималась одна из следующих мер²⁹:

1. Выговор;

2. Условное освобождение от наказания или условная отсрочка приведения приговора в исполнение и отдача под присмотр попечителя:

а) с оставлением в родной семье или у прежнего хозяина;

б) с помещением в чужую подходящую семью в прежнем местожительстве;

в) с помещением в чужую подходящую семью с переменной местожительства, преимущественно, в деревню;

г) с помещением в школу простую или ремесленную с ночлегом в особо устроенном для этого приюте;

3) Помещение в воспитательно-исправительное заведение с правом на условное освобождение с установлением попечительного присмотра³⁰.

Это главные меры, которые мог принять суд в отношении виновного ребенка.

Среди мер, которые принимались детским судьей по отношению к несовершеннолетним преступникам, на первом плане стоял попечительный присмотр. Через попечителя детский судья постоянно был извещен о том, как продвигается исправление и перевоспитание ребенка. Время от времени находящийся под присмотром подросток вызывался к судье для изменения принятой меры, для внушения или какого-либо дисциплинарного взыскания, для расследования его ново-

го проступка или для вынесения постановления о прекращении присмотра.

Помещение в воспитательно-исправительное заведение – это крайняя мера, которую мог принять детский суд по отношению к виновному ребенку. В эти приюты и колонии помещались дети, к которым не могла быть применена другая мера, и те, присмотр за которыми не давал положительных результатов.

Там, где функционировали детские суды, тюремное заключение применялось к малолетним как исключение. Дети меньше 12 лет в тюрьму не попадали вообще.

Особенность мер, применяемых детским судом к детям беспризорным, подследственным и обвиняемым, заключалась в том, что они носили исключительно воспитательный характер.

Таков был проект организации особого суда по делам несовершеннолетних в Москве, выработанный комиссией съезда.

Московский особый суд был открыт 23 апреля 1912 г. Особым судьей мировой суд избрал добавочного судью В. И. Шевелкина, бывшего судьей Басманного участка.

По оценкам специалистов, основные принципы организации детского суда как бы выпадали из существовавшей тогда общей судебной системы. Однако в дальнейшем удалось внести поправки, учитывающие специфику национального законодательства и насущные требования общества.

Всего таких судов, начиная с 1910 г., было открыто еще пять: в Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославле, Николаеве.

В особых судах рассматривались дела трех категорий. Прежде всего, дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними (дела по обвинению несовершеннолетних, совершивших преступление в соучастии со взрослыми, выделялись в особое производство). Затем дела о преступлениях, в которых потерпевшими были несовершеннолетние, и, наконец, дела, связанные с невыполнением своих обязанностей родителями несовершеннолетнего, жестоким обращением с ним, беспризорностью, детской проституцией и т. д.

Таким образом, в задачу суда входила не только борьба с подростковой преступностью, но и принятие мер в отношении беспризорных, а также защита интересов детей.

Был установлен особый порядок обращения детей в суд: они не вызывались туда

²⁹ Тарасова Е. П. Детские суды за границей // Дети-преступники / Под ред. М. Н. Гернета. М., 1912. С. 458–460.

³⁰ Там же. С. 464.

повестками, а приглашались лицом, в обязанности которого входило оповещение подростка о необходимости быть в суде. При этом оповещение должно было осуществляться таким образом, чтобы не компрометировать ребенка перед соседями, товарищами, хозяевами. Обычно это делалось во время прогулки, по дороге на учебу, работу, при выполнении домашних работ и т. д. Лицу, приглашающему и сопровождающему несовершеннолетнего в суд, предписывалось в таких случаях быть одетым в штатское платье.

Несовершеннолетние не могли быть доставлены в участки. Когда их поведение вызывало вмешательство полицейского, тот обязан был принять меры к направлению нарушителя к родителям или лицам, их заменяющим. И в таком случае сопровождающему необходимо было партикулярное платье. Подростков могли привести в суд и сами родители в случае неповиновения, нежелания учиться, работать. И сам подросток мог обратиться к судье за защитой и помощью³¹.

Центральной фигурой, определяющей лицо нового социального института, считался мировой судья, которому были предоставлены невиданные до того права в решении детских судеб.

Наличие большого числа квалифицированных судей позволяло выдвинуть на эту должность наиболее компетентного человека, поскольку требования к нему значительно отличались от тех, что предъявлялись к обычному судье³².

Итоги работы детских судов получили одобрение общественности. Так, на торжественном собрании, посвященном 5-летию Петроградского суда по делам о малолетних преступниках, подчеркивалось, что новая превентивная стратегия стала приносить позитивные результаты: замедлился темп роста детской преступности, снизилось число осужденных несовершеннолетних и «элемент, с которым нам приходится иметь дело, становится все более легким, более поддающимся исправлению»³³.

Конечно, говорить о том, что в результате деятельности детских судов существенно изменилась общая картина преступности несовершеннолетних в России, было бы преувеличением: общая часть противоправных поступков оказывалась вне поля его компетенции и рассматривалась по «старинке». Но принципиально важно то, что за небольшой период своего функционирования детским судам удалось дать наглядный пример нового, гуманного отношения к преступнику и тем самым заложить фундамент для дальнейших преобразований в этом направлении. Что показала непродолжительная история деятельности судов по делам несовершеннолетних? Прежде всего, они существенно отличались от общих судов как по порядку рассмотрения дел, так и по возложенным на них задачам, принципам организации. Производство в названных судах было упрощено, разбирательство дела носило непубличный характер, коллегиальные начала уступили место единоличным действиям судьи. Поскольку изначально образование специальных судов для несовершеннолетних связывалось с идеей создания центров, работники которых знакомы с особенностями детского возраста и принципами педагогики и в которых сосредоточивались бы все нити воздействия на неблагополучных несовершеннолетних и окружающую их среду, задачи детских судов сводились к следующему: разбирательство дел несовершеннолетних обвиняемых; суд над взрослыми правонарушителями, посягающими на права малолетних или дурно влияющими на них; общий надзор за деятельностью лиц и учреждений, принимающих на себя заботу о малолетних.

Проектом Временного правительства предполагалось расширить компетенцию особых судов, наделив их опекунами полномочиями, правами лишения родительской власти, принятия мер в отношении беспризорных детей. «И при таких полномочиях суд для несовершеннолетних, – писал П. И. Люблинский, – становится могущественным органом разностороннего воздействия на малолетнего и окружающую его среду. При чем решение вопроса о степени ответственности самого несовершеннолетнего является лишь одной, сравнительно небольшой частичкой его многосложных обязанностей. Из специализированного уголовного суда он превращается в публичный орган государ-

³¹ Полянский Н. К. К 50-летию судебных уставов // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. 1914. № 2. С. 5.

³² Коротнев А. Д. Малолетние преступники. СПб., 1903. С. 6.

³³ К 5-летию Петроградского суда по делам о малолетних преступниках // Особые суды для малолетних. 1915. № 4. С. 13.

ственного попечения о несовершеннолетнем, действующий в судебном порядке»³⁴.

Подводя итог данному обзору теоретических и практических аспектов деятельности особых судов для несовершеннолетних в России, отметим, что результаты их работы в период с 1910 по 1917 г. оценивались современниками весьма положительно. Спустя несколько лет после Октябрьской революции П.И. Люблинский, явно сожалея о судьбе во многом и своего «детича», написал: «...в организации этого суда удалось провести начала, делавшие русский суд для несовершеннолетних одним из наиболее удачных типов такого суда...Суды для несовершеннолетних повсюду внесли новый дух в область борьбы с преступностью среди детей. Они вместе с тем и глубже вскрыли корни этого зла...»³⁵.

Детский суд – первая попытка гуманного отношения государства к несовершеннолетним преступникам. А ведь уже в эпоху античной философии раздавались голоса в защиту преступника. Уже тогда говорилось, что преступник – жертва отрицательного социального строя и потому не подлежит наказанию.

Детский суд большей частью является защитником несовершеннолетнего от дурных воспитателей, хозяев, плохих условий жизни. Совершенное преступление не является для заброшенного ребенка катастрофой, ломающей его жизнь, а скорей счастливой случай-

ностью, благодаря которой он нашел себе приют и защиту.

Уголовное законодательство, создав детский суд, вводит совершенно новые начала в дело уголовного правосудия, начала, продиктованные основными положениями социальной науки, и остается только пожелать, чтобы это благое начинание не остановилось на полпути и чтобы в последующем был создан милостивый и справедливый суд для всех³⁶.

Анализируя отечественный опыт, мы видим, что вопрос о создании и функционировании детских судов решался без достаточного нормативного регулирования. Суды назывались по-разному: «суды для малолетних», «суды для детей», «детские суды», «суды для несовершеннолетних» и т. п.

Их организация и деятельность основывалась на частной инициативе и общественной самодеятельности, откуда и проистекали недостатки; сказывалось отсутствие защитников, длительность рассмотрения. Суды были единичны и существовали лишь в крупных городах. В остальных местностях дети проходили длинную дорогу уголовного преследования.

Таким образом, созданные в начале XX в. детские суды руководствовались новыми принципами, новыми началами не с целью непременно наказать виновного, а, скорее, направить его, помочь ему выбраться на правильную дорогу.

³⁴ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923. С. 168.

³⁵ Люблинский П. И. Там же. М., 1923. С. 154.

³⁶ Левитинский В. Об особенностях русского суда для малолетних и о мерах его укрепления и развития // Особые суды для малолетних. 1915. № 3. С. 2–6.

АНАЛИЗ МЕТОДИКИ «ОЦЕНКА РИСКОВ И ПОТРЕБНОСТЕЙ» (СТЕНОГРАММА СЕМИНАРА)

Вниманию читателей предлагается стенограмма семинара, посвященного анализу рабочего варианта методики «Оценка рисков и потребностей», подготовленного межрегиональной рабочей группой в рамках проекта по образцу канадской методики и рекомендуемого к использованию фондом «Нет алкоголизму и наркомании». Это обсуждение оказалось очень важным с точки зрения понимания ограниченности реабилитационного подхода, проблем административного «внедрения» западных практик на российскую почву, рефлексии восстановительного подхода, который практикуется специалистами центра «Судебно-правовая реформа» совместно с партнерами с 1997 г.

В обсуждении (20.11.2009 г.) принимали участие Антон Коновалов, Людмила Карнозова, Рустем Максудов (специалисты центра «Судебно-правовая реформа»); Вячеслав Москвичёв, Татьяна Подушкина, Рита Гордон, Виктор Зарецкий, Юрий Зарецкий (специалисты Московского городского психолого-педагогического университета).

Антон Коновалов: Если я правильно понял, этот инструмент создавался в следующей ситуации. Есть специальные люди, типа пробаторов; это не психологи, по моим ощущениям, а специалисты, подобные нашим социальным педагогам, которые должны пройти трехмесячную подготовку по работе с этой методикой. Их задача – собирать информацию из разных источников, в этом смысле они не только сами оценивают подростка и его ситуацию, но и стараются выходить на контакт с психологами, со специалистами школы и других учреждений, где они проводят опросы. После этого они должны дать два заключения. Первое они должны дать суду в виде рекомендации: стоит ли несовершеннолетнего обвиняемого заключать под стражу, насколько он опасен и какой контроль над ним должен быть со стороны суда или еще каких-то органов или учреждений.

А с другой стороны, в зависимости от того, какие числовые параметры оказались большими, это встраивается в то, какие дальнейшие реабилитационные программы запускаются. В этом смысле речь идет о стандар-

тизации работы, скажем так, низкоквалифицированных работников с детьми. Как говорил Сергей Шипшин из Ростова-на-Дону: «Например, сейчас в области медицины идет стандартизация все больше и больше. Есть единая карта, куда вносят свои заметки все: и социальные работники, и медики, и чуть ли не полоторы». Там записано, как себя ведет пациент, это переводится на единый язык, вносится в компьютер, в этом смысле все стандартизировано и отражено в единой карте. Но вот образ какой стандартизации за этим стоит? Понимаю, какая нужна стандартизация, когда нужно быстро подсчитывать зарплату или когда не индивидуальная работа со случаем, а низкая квалификация, стандартная работа.

Как я понимаю, в анализируемой методике осуществляется сбор информации из разных источников, анализ, даже не оценка, хотя я говорю здесь про оценку, ясно, что специалист, который собирает эту информацию, не обладает квалификацией для оценивания, от него это, в общем, даже не требуется – анализировать, оценивать. Он должен

соотнести с существующими программами: ребенок опасен настолько – помещаем его сюда, опасен меньше – сюда, не опасен – вот сюда. То есть делай раз, делай два, делай три: такая-то реабилитация, такая-то реабилитация, такая-то реабилитация.

Людмила Карнозова: Оценку ты имеешь в виду балльную?

Антон Коновалов: В методике балльная. Но мы-то другое понимаем под оценкой.

Рустем Максудов: А стандартизация чего происходит?

Антон Коновалов: Стандартизация работы специалистов.

Реплика: То есть специалистов может быть много, но нужен какой-то общий взгляд, который охватывает всю ситуацию в целом.

Реплика: Но ведь в этой методике не так, нет. Не стандарт работает на специалистов, это-то не стандарт.

Татьяна Подушкина: Нет-нет, это то, что, похоже, называют стандартными шкалами, которые имеют отношение к подобным ситуациям. Это даже не психодиагностика, а именно некоторые шкалы, с помощью которых на основании некоторого наблюдения за ситуацией получают ответ, например, о качестве жизни и т. п. Такие шкалы существуют, но в России они не переведены и не адаптированы.

Рустем Максудов: Мне кажется более конструктивным обсуждать, хотя это, наверное, весьма сложно, кем в Канаде это употребляется. Кто это использует? Потому что из текста методики непонятно, кто это использует, как это используется. Если мы это не обсудим, текст вообще будет зависшим.

Людмила Карнозова: Мы можем эту фигуру помыслить. Это использует тот, кто отвечает у них за работу с ребенком, пробатор, к примеру, а у нас, условно, куратор.

Антон Коновалов: Мы обсуждали с Сергеем Шипшиным, как это используют в Ростове.

Людмила Карнозова: Насколько я знаю, Шипшин руководит Службой психологической экспертизы. Ростов – регион, известный своими экспериментами и уже отработанными технологиями по внедрению элементов ювенальной юстиции. В ростовской модели в центре стоит социальный работник, т. е. помощник судьи с функциями социального работника, – это основная фигура, вокруг которой разворачивается реабилитационная парадигма ювенальной юстиции. И, насколько я понимаю, помимо своей экспертной должности Сергей Шипшин работает в проектах, обеспечивающих эту новую ювенальную позицию.

Антон Коновалов: Да, и я с ним начал обсуждать по поводу восстановительного подхода. Я говорю: «А почему в этой методике нет важных вопросов в отношении потерпевшего, про отношение несовершеннолетнего нарушителя к событию правонарушения, про его готовность принять ответственность? Собирался ли он извиниться, хотел ли?». На это Шипшин отвечает: «Нет, здесь же есть примечания». Я говорю: «Если вы даете человеку, который работает по этой методике, опросник в таком виде, если подобные вопросы не написаны, то у него нет этого и в сознании». По крайней мере, может, конечно, что-то в примечании написать, но в эти маленькие графки, которые там есть. Но Шипшин эти мои замечания себе пометил и сказал: «Да. Мне нужно на основе этого разработать свою методику», в частности потому, что это охраняется авторским правом, ее же нелегально используют.

Рустем Максудов: Правильно ли я тебя понял, что в Канаде, по словам Сергея Шипшина, эта методика нужна для того, чтобы судья принял определенное решение? Например, посадить – не посадить, нуждается ли правонарушитель в изоляции или нет. Это во-первых. И второе, что там очень много неквалифицированных работников, и предполагается, раз их так много, то и дадим им в руки не компьютер, а метлу. Хоть что-то, раз они не могут, так сказать, на компьютере работать, то хоть будут убирать.

Антон Коновалов: Я понял следующую вещь, хотя, возможно, не совсем точно. С одной стороны, человек, который работает с этой методикой, определяет, насколько важно

установить контроль над ребенком, и в том числе этот контроль может быть связан и с судом, но также он может быть связан со всеми этими пробаторами и т. д., которые контроль устанавливают. И здесь есть административный надзор, минимальный надзор, средний надзор, максимальный надзор.

Вячеслав Москвичев: Сергей Полятыкин из фонда «НАН», например, мне успел сказать, когда я его критиковал, что вообще-то эта методика представляет собой инструмент, с помощью которого дальше, после его применения, должна разрабатываться программа реабилитации. И в этом отношении судья не просто принимает во внимание отчет, который подготовлен на основании использования этого инструмента, а судья рассматривает и программу реабилитации, которая учитывает все сферы жизни ребенка, программа реабилитации в отношении этого объекта общих забот.

Антон Коновалов: Да. Программа реабилитации разрабатывается на основании этого документа. То есть тому или иному уровню надзора соответствует та или иная программа. И в этом смысле, когда я говорю про стандартизацию, участие социального работника должно быть не больше и не меньше. Вот раз уровень рисков таков, то делать с ребенком нужно это.

Рустем Максудов: Я тоже был в Канаде, и там в разных штатах по-разному. Там скорее альтернативные меры разрабатываются и очень сильны позиции восстановительного правосудия. Там везде есть определенные нормы, но в разных штатах по-разному: в Альберте одна программа, во франко-английском, там, где Монреаль, другая программа. То есть там тоже, в общем, разнообразие.

Антон Коновалов: Я отвечаю на вопрос Рустема. Все-таки речь идет не о том, что специалисты там низкоквалифицированные, речь идет о том, что они не психологи.

Рустем Максудов: На наше обсуждение я вынес бы четыре вопроса. Первый вопрос: зачем и кому это нужно в Канаде? Второй вопрос: зачем это нужно НАНу? Потому что в Канаде много чего есть. Почему НАН именно это взял, с учетом нашей российской

ситуации? Третий вопрос: каким субъектам и для чего это нужно по позиции? Мы, в принципе, можем эту позицию нарисовать. И четвертый вопрос, вытекающий из третьего: в каком подходе сделана эта методика, чтобы нам выделить собственно ценностные, мировоззренческие характеристики самого подхода?

Вячеслав Москвичев: По отношению к нему более ясно определить свой подход.

Рустем Максудов: Ясно, свой подход, а с другой стороны, и их четче определить. То есть еще важна картина самого подхода.

Людмила Карнозова: Я бы все-таки с учетом того, что мы здесь уже немного обсудили, обратилась не к Канаде и не к НАНу, а к вопросу о том, к какой позиции этот инструмент может относиться в принципе – к какой позиции в рамках ювенальной юстиции. Дело в том, что я не была в Канаде, но кое-что представляю по тем странам, в которых была, и где мы изучали, как реализуется восстановительный подход в ювенальной юстиции.

Возьмем Польшу – прекрасный пример. Точно так же и в Англии и, между прочим, в Новой Зеландии. Везде восстановительными программами и социальным обследованием занимаются разные специалисты. Пример Польши. У них служба кураторов, «куратор» соответствует «социальному работнику» в наших схемах ювенальной юстиции, по-разному это называется, – это тот специалист, который берет случай и занимается социальным обследованием, в том числе с включением психологической диагностики. И есть медиаторы. По польской схеме кураторы и медиаторы вообще между собой не контактируют; медиатор даже данных не получает, которые куратор собирает. Это мы критиковали, поскольку это кажется nonsensом, но это так. Эта самая «ювенальность», она, в первую очередь, завязана на куратора, который занимается подобным обследованием.

В Англии – то же самое. Мы приходили в офисы, где сидели люди, которые заполняли огромные формы по социальному обследованию несовершеннолетних правонарушителей. Такие они или несколько другие, не знаю. У Ани Шиловой есть английский вариант методики оценки рисков и потребностей, но только не такая тоненькая книжечка, а очень

объемная. Поэтому я сейчас говорю: в принципе, такого рода инструментарий социального обследования самых разных сфер жизни обеспечивает определенную позицию в ювенальной юстиции. Где-то она называется «куратором», где-то «социальным работником», где-то «пробатором» и т. д. Поэтому я совершенно уверена, больше, чем уверена, что в Канаде, безотносительно к штатам, конечно же, есть подобная позиция, и, конечно, нечто подобное, я не говорю, ровно это, но нечто подобное делается.

Это все я рассказала в связи с претензией Антона к Шипшину, почему он, дескать, не включил сюда вопросы, связанные с восстановительным подходом. Да потому что это делают совершенно разные позиции. Когда мы были в Англии, это был 2003–2004 год, у них восстановительная ювенальная юстиция была, в общем-то, в процессе становления. И нам рассказывали, что приходится менять деятельность и установки специалистов ювенальной юстиции, которые по-старому работали, и их очень трудно разворачивать в новое русло. Это первый мой штрих относительно того, как я понимаю, для какой позиции это делается. И вполне допускаю, что в Канаде тоже это есть, причем не где-то экзотически в каком-то штате, а смею предположить, что такого типа работа, она в принципе в ювенальной юстиции есть.

Татьяна Подушкина: А для кого у нас предлагается эта методика?

Людмила Карнозова: Можно предположить. В силу того что сейчас проходят эти эксперименты по введению элементов ювенальной юстиции и они приобретают массовый характер, скорее всего, для социального работника, который работает с подростком-правонарушителем.

Татьяна Подушкина: А к кому относится этот социальный работник?

Людмила Карнозова: По-разному в разных регионах. Вот ростовский опыт, там социальный работник – это помощник судьи с такими функциями, т. е. он работает в суде. Исходно в экспериментах эту позицию занимали психологи и педагоги, но потом, когда экспериментальный период был завершен и модель закреплялась, тех, кто оставался работать, просили получить второе высшее,

юридическое образование, поскольку по положению о помощниках судей на этой должности может работать человек с юридическим образованием. Но если берут юриста, его просят получить второе высшее, психологическое или педагогическое образование. В Думе на слушаниях, по-моему, И. И. Марков, председатель Липецкого областного суда, говорил, что помощник судьи с функциями социального работника – это очень высококвалифицированная фигура с двумя высшими образованиями.

Но дело не в этом, а в том, что, например, в Ростове есть свои формы, которые заполняются при социальном обследовании. Они были еще до этой методики оценки рисков и потребностей. Е. Л. Воронова в своей книжке их публиковала, они методички делали – «Карта социального обследования». Дина Марченко тоже пыталась составить свою какую-то форму, чтобы собирать информацию.

Реплика: Социальный портрет.

Людмила Карнозова: Да, и там были пункты психологические. Социальные работники (в Ростове), естественно, не сами проводили психологическую диагностику, они направляли детей в психологические центры. Поэтому надо понять, что методика оценки рисков и потребностей отражает подход практикуемый, причем практикуемый и там, где складывается система восстановительной ювенальной юстиции. Поскольку специалист, который занимается социальным и психологическим обследованием, – это одна позиция, а медиатор, координатор по семейным конференциям в Новой Зеландии или еще какие-то фигуры восстановительного правосудия – другая позиция.

Рустем Максудов: Интересный момент. Там система диагностики встроена непосредственно в работу. Я так понимаю, что эту систему работы у нас пытаются встроить в совершенно другую ситуацию, где нет системы работы, как в западных странах. Если это реабилитационный подход – это все равно система работы.

Людмила Карнозова: Я сейчас говорю про то, к какой позиции относится предлагаемый инструмент в развитой системе ювенальной юстиции.

Вячеслав Москвичев: Да, если говорить, где это сейчас у нас применяется, пока это у нас применяется, в КДН, например.

Людмила Карнозова: Там, где начинаются некие попытки ювенализации в смысле формирования системы ювенальной юстиции и где появляются соответствующие позиции нового толка.

Рустем Максудов: Если все-таки относительно того, что ты говорила, я скажу, что диагностическое начало, которое в реабилитационном подходе есть, оторвано от системы.

Реплика: Естественно.

Реплика: Так здесь тоже.

Рустем Максудов: А чтобы упоминать функцию этого диагностического начала там, все равно надо обсуждать, как она устроена. И понять функцию в этой системе.

Вячеслав Москвичев: То есть функция активного диагностического начала.

Рустем Максудов: А диагностика – это единичка реабилитационного подхода.

Вячеслав Москвичев: Мне кажется, важно разделить две вещи. Есть сама методика, которая плохо переведена и плохо адаптирована. Есть наше предположение, что это была за методика и что за намерения заложены в этой методике (или в том, как она сейчас выглядит и употребляется здесь и теперь). А после этого мы можем отнестись к возможным последствиям распространения вот такого варианта. То есть это два отдельных важных вопроса для меня.

По поводу подхода. Он строится на трех принципах. На мой взгляд, эти принципы очень ясны, ярко иллюстрируют реабилитационный характер этого подхода и, на мой взгляд, гуманистические позиции, которые за ними лежат. Которые относятся к человеку как к очень ценному объекту помощи.

Реплика: Объекту любви.

Вячеслав Москвичев: Да. В гуманистическом подходе есть представление о том, что есть сущность человека, она, в целом,

хороша по природе своей, но иногда вследствие разных трудностей реализуется неадекватным образом. Например, если мы вступим в контакт с этим человеком, то в хорошем контакте хорошая, позитивная сущность человека проявится.

На мой взгляд, реабилитационные подходы вообще были разработаны в альтернативу карательному именно исходя из гуманистических источников человеколюбивых представлений о том, что есть потребности человека, которые нужно помочь удовлетворить. Для того чтобы лучше реализовать ситуацию, нужно оценить, какие потребности нарушены.

Людмила Карнозова: Моя основная претензия, с точки зрения общего подхода, который реализован в этой методике, что человек – это познаваемый извне объект. По отношению к этой методике что для меня является наиболее критичным? Не то, что разные сферы жизни ребенка исследуются; они должны учитываться, приниматься во внимание и каким-то образом фиксироваться. А то, что происходит дальше, если я правильно поняла: осуществляется оценка в баллах, суммирование баллов, и по баллам делаются выводы, по цифровым, суммируемым из разных обстоятельств показателям.

Вячеслав Москвичев: Оценка происходит по вполне экспертным, оценочным, но не очень мне понятным мнениям.

Людмила Карнозова: Это уже второй вопрос. Потому что в результате обследования устанавливается «средняя температура по больнице» – вот что самое неприятное. С точки зрения подхода, в противовес подобному измерению и вычислению нужно вести речь о качественном анализе ситуации, а в рамках качественного анализа ставить вопрос об экспертной или неэкспертной позиции. Это уже следующий вопрос. Но в принципе нужна не оценка, а тем более не суммирование баллов по разным обстоятельствам. Нужна своего рода «карта», а дальше – качественный анализ ситуации, и в этом смысле всегда уникальный для данного ребенка и его конкретной ситуации.

Если возвращаться к культурным истокам, к идеям психологии, к старым оппозициям, то речь идет о различиях исследования объекта, имеющего закономерности, и уни-

кального объекта. Это старые дискуссии в самой психологии. Но здесь мы касаемся не только психологии, а гуманитарных исследований в принципе. Итак, самый критичный момент: ребенок в этой методике представлен как извне познаваемый объект. И происходит обсчитывание, еще и усредненное.

Рустем Максудов: Я продолжу, но немножко под другим углом, то, что Слава говорил, т. е. в плане некой модели реабилитационного подхода. Я бы так сказал: конечная точка – это проект. Так вот этот проект с помощью определенного знания должен быть получен. Знание добывается экспертом, на пути происходит ряд трансформаций с помощью формы этого знания, вновь закладываемый материал преобразуется в количественные показатели, и дальше вроде бы должен быть сформирован проект, который определенное учреждение или команда должны оформить в виде реабилитационной программы. И дальше преобразовать состояние 1 в состояние 2. Если это рассматривать в проектной идеологии, мне кажется, важно реконструировать в определенной деятельности реабилитационный подход, что это за деятельность. Деятельность, которая формирует определенные знания, вложенные в проект, и, понятно, учреждение, у которого есть команда специалистов.

Реплика: Или система учреждений.

Рустем Максудов: Или система учреждений. А вот в оппозиции к этому, насколько я понимаю, – подход восстановительного правосудия. Программы восстановительного правосудия в восстановительном подходе являются единицами другого. Я бы сказал, что не столько принципы субъект-субъектности, активной ответственности, а другого типа единицы, которые могут по-другому представить и изменить ситуацию. В том смысле, что ситуация людьми формируется, и анализ делается людьми же, и эти люди порождают проект преобразования по отношению к самим себе. Они выходят в определенную действительность, по отношению к самим себе порождают проект, позволяющий перевести их самих из состояния 1 в состояние 2, и вот эта действительность называется программа восстановительного правосудия. А анализ ситуации проводится ими же, и вроде бы отсюда появляется фигура медиатора или

координатора, которая позволяет этот анализ ситуации произвести, но самими людьми.

Реплика: С участием самих людей.

Рустем Максудов: Да. При этом реабилитационный подход тоже не исключается. Специалисты могут участвовать, с точки зрения источника, с точки зрения поддержки разработки этого проекта самими людьми и с точки зрения реализации проекта. То есть они могут, но они в этом плане совершенно другую функцию выполняют, чем в том проекте, который построен полностью на отчужденном от людей знании, и отчужденном в этом смысле и проекте.

Вячеслав Москвичев: На мой взгляд, даже вот так построенный подход вполне может очень легко превратиться в реабилитационный, если это взаимодействие, а здесь есть специалисты в этом взаимодействии, будет строиться с позиции экспертного специалиста, который, может быть, будет привлекать знания.

Рустем Максудов: Для этого фигура медиатора и вводится, который особым образом так организует процесс, чтобы там не было давления или голос специалиста не превращался в заранее известное знание и проект.

Людмила Карнозова: Эта фигура несет в себе функцию организации ситуации. Вспомним, например, семейную конференцию в Новой Зеландии: семья сама принимает решение, после общего обсуждения семья уходит в отдельную комнату и там самостоятельно принимает решение и вырабатывает меры, но координатор дает ей с собой форму, которую нужно заполнить. Потому что какая-то структуризация нужна. То есть какая-то организация мышления, дискуссии, размышления про что думать. В том числе в этой форме указан перечень специалистов, которых можно использовать, если нужна помощь: наркологическая, психологическая или еще какая-то. То есть люди сами решают, но в рамках организованной ситуации.

Вячеслав Москвичев: К этой методике у меня двойственное отношение. С одной стороны, я понимаю, как этот инструмент реализуется вот таким административным дав-

лением, но, с другой стороны, он, продавливая, реализует некоторые идеи, которые вообще пока не очень распространены в нашем социуме. И в этом отношении в таких действиях есть некоторый прогрессивный смысл.

Рустем Максудов: А в чем?

Вячеслав Москвичев: В ситуации с подростком будет участвовать уже не только подросток, и требуется принимать во внимание и учитывать контекст его жизни.

Татьяна Подушкина: То есть признается наличие потребностей, что в принципе они есть.

Рустем Максудов: Если использовать схему, которую я описал, для анализа происходящего в социальной сфере, то вроде бы то знание, которое есть, упаковывалось вот в эти проекты, и они эволюционировали. У них есть определенные способы, методы работы. Теперь мы какой-то маленький фрагмент вынимаем в совершенно другую ситуацию, где нет таких эволюционных структур. Хотя вроде бы сейчас мы говорим о смене подходов. Получается, мы говорим, что этого ничего нет: учреждений нет, проектов нет. Есть такая методика, и теперь куда она упаковывается?

Реплика: Это ведь не простая работа, а гуманитарная, аналитическая.

Рустем Максудов: Почему возникает необходимость не в подходе и не в способах работы, а именно в диагностическом инструменте? Предполагается, что кто-то другой будет работать? А у тех, кто работает сегодня, у них нет просто хорошего диагностического инструмента – в этом вопрос?

Людмила Карнозова: Я так понимаю, что сегодня появляются на экспериментальных островках некие фигуры, которые этим занимаются как могут. А подобная методика нужна, чтобы было еще лучше и чтобы посчитать, чтобы было «научно».

Рустем Максудов: Предполагается, что те фигуры, которые возникают в пространстве ювенальной юстиции, они не работают будут, а диагностировать, а работать будут другие. Вот в этом предположение?

Вячеслав Москвичев: Я могу тебе воспроизвести ответ, который мне дал Сергей Анатольевич Полятыкин, который вместе с Сергеем Шипшиным пришел. Я задал вопрос про последствия диагностики: «Вы провели эту оценку, и что дальше?» Ответ был такой: «Дальше на этом основании должна появиться рекомендация специалистам, работающим в различных учреждениях, которые входят в реабилитационное пространство: психологические центры, центр помощи семье и детям и т. д. И на основе этой оценки всем этим специалистам даются рекомендации о том, как они должны работать».

Рустем Максудов: Этот я вопрос и задавал: в этом идея?

Вячеслав Москвичев: Да, именно в этом, по крайней мере, он мне прямым текстом сказал, что в этом идея....

Антон Коновалов: Следствие заключается в следующем: специалист, ссылаясь на эту оценку, подсчитав баллы, может сделать с ребенком то, что он сочтет нужным. Например, отправить его в приют или еще куда-то, определив «уровень сопровождения», и теперь к такому специалисту не придерешься, потому что все сделано по-научному, все подсчитано.

Вячеслав Москвичев: У нас все равно есть закон, который позволяет отправлять ребенка в приют, только по определенным условиям.

Рустем Максудов: Процедура регламентирована – просто так не возьмешь, не сделаешь...

Вячеслав Москвичев: И этот инструмент ни облегчит, ни утяжелит.

Людмила Карнозова: А что значит регламентирована? Что значит «собрать информацию»? Для того чтобы КДН подготовила материал для суда для помещения ребенка в закрытое учреждение? Вот поработают по этой методике – и будет материал. Чего вы? Все по закону.

Вячеслав Москвичев: Это у них уже прописано, т. е. это не облегчит и не утяжелит, по большому счету, изъятие.

Виктор Зарецкий: У меня вопрос, можно? Вы просто размышляете или есть все-таки четкий ответ хотя бы об одной деятельности, в которой оценка будет использоваться? Для какой цели?

Вячеслав Москвичев: Есть ряд деятельностей, которые, как предполагается, могут ее использовать. Во-первых, это суды. Методику распространяют или пытаются предложить и комиссиям по делам несовершеннолетних, ее предлагают, кстати, в школы и центру «Дети улиц».

Виктор Зарецкий: Хорошо, вот два человека, допустившие правонарушение. Одного оценили как с низкой степенью риска повторного правонарушения, другого – с высокой. Что каждого из них ждет на основании этой оценки?

Людмила Карнозова: Могу прямо сразу институциональную фантазию включить. Низкий уровень риска, а несовершеннолетний при этом совершил повторное преступление, но относящееся, скажем, к категории средней тяжести. Раз наука показала, что этот балл низкий, у судьи есть возможность освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. А этим воспитательным воздействием может быть, например, если с родителями все хорошо, присмотр родительский. Такая мера предусмотрена законом.

Реплика: На основании вот этой оценки?

Людмила Карнозова: Судья рассмотрит отчет и примет решение. В законе не сказано, что решение принимается на основании оценки, полученной по этой методике. Но судья может вынести решение о применении принудительных мер воспитательного воздействия, если совершено преступление определенной категории – это с одной стороны, а с другой – если есть еще какие-то основания для применения именно воспитательной меры, а не наказания. И полученная таким образом оценка может стать для судьи основанием. Сегодня почти не назначают этих мер, хотя в Уголовном кодексе они предусмотрены.

Виктор Зарецкий: То есть эта оценка имеет юридическую силу?

Людмила Карнозова: Она может иметь юридическую силу.

Виктор Зарецкий: Принцип индивидуализации – прекрасно. Я просто и без всякого закона говорю: если человек после совершения серьезных правонарушений окажется безнаказанным, риск повторного правонарушения увеличится.

Рустем Максудов: Это, по-моему, совершенно неочевидно.

Реплика: Почему?

Рустем Максудов: Я здесь ссылаюсь на парадигму криминологов, которые разработали идею, что очень многие преступления совершаются в силу шалости и т. д., и не очевидно, что человек, который совершил преступление и остался безнаказанным, опять пойдет на это.

Реплика: В том числе и тяжкое, например, грабеж?

Виктор Зарецкий: Я говорю о риске.

Рустем Максудов: Еще раз, не очевидно, что риски есть. В криминологии ...

Реплика: Это не обосновано...

Рустем Максудов: Наоборот, обосновано другое: люди, совершившие преступление, дети, если их оставлять и к ним не применять санкций, – это лучше, чем наказывать. Но есть еще исследование дореволюционных криминологов, которые говорят, что работать надо с детьми, которые совершили повторные преступления. Вот на них надо обращать внимание, с ними надо работать.

Важно еще то, что Людмила говорила: мы вместе анализируем сложную ситуацию. Когда не специалисты анализируют ситуацию, а собираются люди, вместе это обсуждают, в том числе и потерпевшие. Это новое пространство, коммуникативное, рефлексивно-понимающее.

Антон Коновалов: Я хотел дополнить, можно ли на основании полученных по этой методике результатов делать какой-то вывод. Когда я спросил у Шипшина, а есть ли исследования, которые показывают прогностич-

ность методики: совершит или не совершит повторное правонарушение? Отслеживается ли, совпадает это? Он ответил: «Пока очень много вопросов!» Вот поэтому вопрос, касающийся валидности, надежности...

Реплика: А еще раз, исследования чего? К чему вопрос был задан?

Антон Коновалов: Специалисты на основании полученных по этой методике оценок дают рекомендацию, судье, например. Вопрос был задан по поводу того, пытались ли они проанализировать некоторый массив детей, по крайней мере, мальчиков. Пока, я так понял, достоверных сведений, что эта методика измеряет именно риск повторного правонарушения, нет. Ведь в этом же вопросе повторит или не повторит? Надежности нет, Шипшин говорит, что надо дорабатывать. Варвара Делибалт рассказывала, что они пытались на каком-то мальчике – мальчик с психопатическими наклонностями – проверить эту методику. Это мальчик, который много всего совершил. Они взяли ребенка, у которого по другим методикам, по наблюдению, по всем признакам очень высокий риск, но по этой методике он оказывается в зоне низкого риска. На это Шипшин говорит, что эта методика не подходит для случаев психических отклонений, но нигде об этом не сказано. Он говорит, что для случаев изнасилования, психологических отклонений и других имеются другие методики.

Людмила Карнозова: Психопатия – крайний вариант нормы, между прочим.

Рустем Максудов: Я вспоминаю семинар по нарративному подходу в работе с подростками Сары Уолтер. Она рассказывала про мальчика, который все время бил стекла. И там море специалистов у него побывало, с ним поработало – и ничего не изменилось. Его зарегистрировали как агрессивного...

Реплика: Он не только бил стекла, он агрессивно себя вел.

Реплика: «Дерзил?»

Реплика: «Паясничал?» «Не шел на контакт?»

Рустем Максудов: И у него уже была самооценка, что он такой же агрессивный, как отец, помнишь?

Вячеслав Москвичев: Да, у него сложилась история, что он такой же агрессивный, как его отец.

Рустем Максудов: У него сложилась история о себе, которая была навязана другими людьми, и он уже ее принял. И Сара Уолтер рассказывала, как она отматывала назад эту историю и конструировала с ним совершенно новую. То есть получилось, что в одном подходе – он один и у него история одна...

Реплика: И по этой методике он получается очень высокого риска?

Реплика: Он очень высокого риска, да. Потому что он продолжает эту историю.

Реплика: И ему помогают ее продолжить.

Рустем Максудов: ...ему помогают ее продолжить, но он попадает к Саре Уолтер, она в другом подходе работает – и он начинает новую историю...

Вячеслав Москвичев: И они реконструируют его историю как историю «защитника», поскольку его первый эпизод, связанный с разбитием стекол, это был эпизод, когда подросток защищал свою мать от отчима, который начал ее душить. Когда мальчик разбил стекло, он привлек внимание отчима к себе, предотвратив насилие. А мать об этом вспомнила только через несколько сеансов, только тогда, когда Сара начала с ней фактически конструировать новую историю.

И в этом отношении для меня методика оценки рисков и потребностей, как одна из ярких проявлений реабилитационного подхода, помогает оценивать ребенка, укрепляет его в некоторой позиции, в некотором статусе – высокого риска или низкого риска.

Людмила Карнозова: И так называемых потребностей.

Реплика: ...и так называемых потребностей. Да.

Виктор Зарецкий: Получается, этот случай шкала данной методики не поймала бы. Абсолютно не поймала бы.

Реплика: У этого мальчика был бы высокий риск повторных правонарушений.

Рустем Максудов: Методика показала бы агрессивного ребенка.

Реплика: Ресурсов здесь нет.

Реплика: Да, да, совершенно правильно.

Людмила Карнозова: Я предлагаю вернуться к материалу, к тексту методики, и обращаю вас к с. 4, начинается со с. 3. Мы с самого начала стали спрашивать, кому, для чего этого нужно и так далее...

Реплика: А там написано?

Людмила Карнозова: Написано: «В каком-то смысле эта методика воплощает гуманистический подход по отношению к специалистам и клиентам». Начало, которое Тане понравилось. А дальше авторы говорят, что вообще-то у метода структурированной оценки рисков и потребностей есть противники. Поэтому «рассмотрим некоторые из аргументов в пользу и против систематических оценок».

Давайте я это прочту, потому что не у всех есть текст на руках. Итак, «рассмотрим аргументы в пользу и против. ...Противники использования методов структурированных оценок в подтверждение своей правоты чаще всего приводят следующие аргументы.

– Я уже долго занимаюсь этой работой и знаю, что мне нужно, и мне не нужны советы так называемых экспертов, какие вопросы задавать.

– Заполнять все эти формы – пустая трата времени; тратится время, которое можно было бы использовать для решения проблем ребенка.

– У меня нет времени заниматься этой бумажной работой, у меня и так много работы.

– Эти так называемые системы всегда составляются людьми, которые в этой работе ничего не знают».

Это – против. А теперь – за! Давайте посмотрим, как авторы защищают этот подход. Обратим внимание: «хотя и есть доля

правды в некоторых из этих доводов, тем не менее существуют веские доводы в пользу системных оценок, базирующихся на структурированных методах (еще нужно учесть недостатки перевода. – Л. К.)».

Первое: «У нас у всех есть предубеждение и “слепые пятна”, и применение стандартного формата заставляет нас смотреть на клиента непредвзято и объективно».

Второе. Обратите внимание, что является предметом заботы: «Применение стандартной формы облегчает общение между специалистами; в любом случае, в некоторой степени мы говорим на одном языке».

Дальше: «Применение систематической оценки предоставляет некоторую защиту, где суждения основывались бы на полной и объективной оценке».

Стандартная оценка предоставляет качественную информацию для целей подготовки руководства и принятия решений.

Наконец, применение стандартизированных средств оценки показывает, что мы – специалисты и что наш подход к работе является систематическим и согласованным». Конец. Ни слова о клиенте. Слава, ты говорил что-то про гуманизм....

Рита Гордон: И ни слова о том, что на этом основании будет удобно разрабатывать эффективные реабилитационные программы. Для администрации это все!

Людмила Карнозова: Конечно. Значит, и у противников, говорят авторы методики, есть некие резоны, но эти-то (перечисленные) аргументы в пользу методики перевешивают! Потому что здесь мы, наконец-то, специалисты! Этот способ аргументации гениален – и больше ничего не надо. Про ребенка, про то, что именно станет с ним – ни слова.

Татьяна Подушкина: Мне кажется, что здесь основным принципом заложено, что эта методика – диагностическая. На основании этого должен быть проведен качественный анализ полученных данных. Вот это должно быть как-то изучено, в принципе, точно так же, как с любой психодиагностической методикой, которая никогда не дает абсолютного результата, полностью соответствующего...

Реплика: Валидного, да?

Татьяна Подушкина: Да, т. е. ее можно рассматривать как некоторые любопытные данные, которые можно посмотреть в каких-то ситуациях. И если бы мы, например, этот диагностический инструмент брала бы и использовали для принятия решения, как, в принципе, предлагали раньше и школьным психологам, тоже в общем можно было бы очень много дров наломать.

Вячеслав Москвичев: Я и к психологической диагностике очень скептически отношусь, но, с другой стороны, если смотреть на эту методику с точки зрения диагностики, это псевдодиагностика, потому что те критерии, те способы, которые предлагаются, очень субъективны. При этом на основе субъективных оценок мы выводим как бы объективную цифру, допустим шесть баллов...

Виктор Зарецкий: В том то и дело, что пятибалльная оценка, ну, шестibalльная, от нуля до пяти, – это даже смешно.

Вячеслав Москвичев: На основе чего она рисуется? Она рисуется из моей головы. Но в тот момент, когда из моего взгляда появилась эта цифра, мы получаем видимость объективизации моего субъективного мнения. А субъективное мнение строится на основе моего, какого-то предшествующего опыта, что ли.

Татьяна Подушкина: Поэтому можно было бы попробовать. Я подумала, что любопытно было бы на тех детей, которых мы знаем, и на тех, о которых мы, предположим, знаем какую-то историю, попробовать просто позаполнять и посмотреть, насколько это вообще имеет какое-то отношение к реальности.

Вячеслав Москвичев: Все зависит от того, кто заполняет. Если буду заполнять я – это будут одни цифры, а если будет заполнять специалист из КДН – другие цифры...

Татьяна Подушкина: Сейчас мы смотрим на это как на что-то абстрактное, а как только начинаешь что-то делать, и, мало того, посмотришь шире на контекст, в том числе на этот инструмент и возможности его использования, я думаю, что из этого заполнения извлечь можно будет больше...

Рустем Максудов: Мне кажется, что здесь два вопроса: работа с детьми деперсонализована или нет – это первый вопрос. На мой взгляд, она недеперсонализованная, нельзя говорить, что у нас есть инструмент, и он избавит нас от ответственности.

Реплика: В таком случае я могу с этим инструментом вольно обращаться.

Реплика: Нет, это не вопрос.

Рустем Максудов: Деперсонализованный – это значит, что не мы работаем как личности с личностями, а какие-то отчужденные от людей знаковые инструменты, механизмы. И второй вопрос: действительно, мне кажется, что если у нас что-то не получается, это все-таки вопрос смены подхода. Не случайно говорят: ситуация. Ситуация неповторима. Не случайно дореволюционные психологи говорили, что именно второе преступление является основой для работы, а первое может им вообще не являться. Очень простой вопрос.

Татьяна Подушкина: Я, знаешь, что имела в виду? Либо я должна безлично заполнить это, получить некоторый результат и сказать: что я могла поделывать? Или я могу «подтасовывать» этот инструмент, его результаты в соответствии с тем, что я знаю про этого ребенка, и что я хочу получить на выходе, какую программу... Если ты специалист в структуре и ты это должен использовать, то это не очень...

Рустем Максудов: Если должен... Я считаю, что и от нас зависит, будут ли это применять или нет. Например, мы можем экспертные суждения, свои тезисы сделать и распространить.

Татьяна Подушкина: Мне кажется, очень важно высказывать свою экспертную позицию по поводу этой методики. Потому что в каком-то смысле это некое ожидание волшебства, что мы получим нечто универсальное...

Антон Коновалов: По ней будут судить о ювенальной юстиции... Скажут: вот такая ювенальная юстиция...

Виктор Зарецкий: А этот документ – проектный или уже принятый?

Вячеслав Москвичев: Пока проект написан, рабочий вариант. Понятно, что это инструмент лоббирования.

Реплика: Лоббирования чего?

Вячеслав Москвичев: Лоббирования некоторых позиций. Олег Зыков пытается лоббировать с помощью этого инструмента развитие ювенальных технологий. У него есть представление о ювенальных технологиях. Если этот инструмент распространить и начнется оценка, то, по его логике, должна возникнуть потребность в ювенальных технологиях так же, как в реабилитационных программах.

Реплика: Под это нужны реабилитационные технологии?

Вячеслав Москвичев: Да. Если мы диагностируем эти сферы жизни ребенка и делаем некоторые выводы, мы должны дать рекомендации по поводу некоторой работы. И для того чтобы эти рекомендации осуществлялись, появляется востребованность в ювенальных технологиях.

Антон Коновалов: То есть КДН сделает эту оценку, увидит, какая тут проблема, что с семьей никто не работает, к примеру, а там большой фактор риска. Поверх ситуации будут создавать реабилитационные технологии по работе с семьей, будут думать, как это сделать.

Вячеслав Москвичев: Да, именно так. Но, правда, у меня есть большое сомнение, что будет такой вывод.

Реплика: Но это такая фантазия на тему....

Рустем Максудов: Но на территориях, где есть хорошие службы, во всяком случае, в Москве сотрудники связываются с этими семьями и работают с ними без всякой диагностики. Что-то получается, что-то не получается. А если нет таких структур, то сколько ты диагностику не делай, никто с ними не будет работать.

Вячеслав Москвичев: Именно эту позицию я высказал Сергею Полятыкину.

Антон Коновалов: Я предлагаю резюмировать.

Рустем Максудов: Первое: очень важен подход, в котором работают специалисты. Соответственно, инструменты, которые используют специалисты, оцениваются с точки зрения подхода. На сегодня есть, как минимум, если обобщить, реабилитационный и восстановительный подходы. Они формируют свои собственные инструменты, собственные знания, реестр специалистов и техник, и методик, которые ими оснащаются. Это важный момент.

Второе: в российской ситуации, в условиях отсутствия большого количества команд и учреждений, которые освоили в достаточной мере гуманитарный подход, базирующийся на мировой практике и на мировых образцах, сама по себе диагностика не имеет смысла вне контекста команд и учреждений, сообществ специалистов.

И третье: было бы странно сегодня, когда во всем мире восстановительная ювенальная юстиция существует как социокультурный проект, начинать работу по продвижению ювенальной юстиции в России с реабилитационного подхода, игнорируя существо устройства той практики, которая сегодня получила название восстановительное правосудие и в которой достаточно мощно получили свое, но особое значение, и психологи, а социальные работники обеспечивают эффективность проведения и реализацию программ восстановительного правосудия.

Вячеслав Москвичев: Мне кажется важным отметить, на мой взгляд, конструктивные или интересные интенции, содержащиеся в этом документе, в том числе такую интенцию, как идея обращения внимания на социальный контекст ситуации ребенка и важность принятия во внимание этих контекстов, в том числе работы с семьей, о которой, мне кажется, очень важно помнить, о которой очень много говорят, но это мало реализуется.

В то же время важно отметить, что сейчас проблемная ситуация в социальной сфере больше связана не с отсутствием диагностических материалов и методик или с отсутствием и недостатком методик учета, контроля и т. д. Проблема у нас с недостатком методик помощи, методик практической работы, в том числе с семьей, с подростками и т. д. И в этих условиях введение еще одной

диагностической или оценочной методики с малой вероятностью может улучшить ситуацию. Скорее, выступит в качестве еще одного отягощающего или формализующего момента. И второе замечание: эта методика закрепляет позицию подростка и его семьи как пассивных объектов работы специалистов, что мешает развитию активной позиции у подростка и его семьи в решении своих проблем.

Реплика: В исходной точке...

Вячеслав Москвичев: Да, в исходной точке. Во многом исходная точка задает дальнейший ход работы с этой ситуацией. И когда в исходной точке задаются некоторые пассивные объектные оппозиции, объекты оценки, это усложняет перевод взаимодействия с подростком или с его окружением в ракурс сотрудничества. На мой взгляд, в этом опасность этой методики.

Рита Гордон: В этом смысле я как раз вижу опасность, что вот таким образом обращается внимание на семейный контекст. Потому что лучше вообще мы не будем это трогать. Или трогать будут специалисты-психологи, которые начинают с этим ребенком работать. Для психолога естественно выйти на семейный контекст. Это лучше, чем таким образом (по этой методике) мы начнем мало того что ребенка раскладывать по полочкам с точки зрения негатива, точно так же мы застолбим все негативное про семью, все про социальное окружение. И кроме того еще в самом диагностическом инструменте заложена куча всяких мифов.

И еще один момент: как построены вопросы? Этой технологией теоретически могут пользоваться хорошие грамотные эксперты, которые не будут воспринимать эти вопросы всерьез. Они будут воспринимать их именно как области, на которые надо посмотреть. А если это человек, который пришел просто посмотреть...

Я когда начала читать этот текст, представила педагога, к которому попал этот диагностический инструмент. Это что? Мало того, что даже те ресурсы, которые он подозревал в ребенке, напрочь вычеркнет. Потому что если мы смотрим на то, что у ребенка плохо, и вопросы заданы так, что здесь плохо, и здесь плохо, и здесь плохо, если мы ищем негатив, мы негатив и найдем. А еще у меня в

памяти всплыло, что если вот таким образом взять детишек Бороздина (дети с ограниченными возможностями) и провести полную диагностику – после этого такой ребенок уже растение. И родители у него ненормальные, и вообще там все плохо. Если уж вести анализ социальной ситуации и развития, то с точки зрения ресурса. Если взять эту методику и хотя бы вполтину «разбавить» вопросами о поиске ресурса, что у ребенка хорошо, – вот пусть специалист пойдет и посмотрит, и подумает во время экспертизы, что у ребенка хорошо. Тогда еще подумаем, каким образом это можно использовать.

Реплика: А Бороздин это кто?

Рита Гордон: Бороздин использует адаптационную педагогику, он работает с тяжелыми детьми в интеллектуальном плане. Просто крайний такой пример, где работа может осуществляться только тогда, когда на ресурс смотрим. То есть если мы смотрим на ресурс, у нас что-то получится. Если мы начинаем обращать внимание на дефект – ничего не получится. Поэтому с этой точки зрения лучше, как не знали про социальную ситуацию развития, так пусть и не знают, чем вот таким вот образом на нее смотреть.

Татьяна Подушкина: Я поддерживаю опасения Риты, что если, действительно, нет изначально какой-то базы для определенного широкого видения ситуации, такое видение ситуации (как в этой методике) заложит сразу редуцированный контекст, который будет являться структурой, но при этом, возможно, будет служить...

Рита Гордон: Получается, что мы с этими стереотипами бороться будем.

Татьяна Подушкина: Да. Метод, который заложен в этот инструмент, на самом деле противоречит принципам, которые разработчики описывают в начале. Потому что все сводится как раз не к индивидуализации подхода к каждому конкретному случаю и пониманию, не к поиску того, что в каждом конкретном случае можно сделать, чтобы это было оптимально, а, наоборот, как бы усредняет и унифицирует все.

А еще мне кажется, что результаты диагностики являются материалом для анализа, но они не могут быть инструментом при-

нения решения, что это неадекватно. То есть если опять-таки идти от того, что по принципам, которые вначале провозглашаются, должен быть индивидуальный подход, пусть эта информация соберется. Но это малая толика информации, которая может быть про ситуацию. Но решение принимается экспертом, человеком, который обладает достаточным уровнем компетенции для того, чтобы такое решение принимать.

Рустем Максудов: Можем ли мы вообще ориентироваться на принятие решений?

Татьяна Подушкина: Взять даже выработку этих рекомендаций. Например, если результаты диагностики передаются как некоторое обоснование для рекомендаций в суд, и суд принимает решение с опорой на это экспертное мнение. Может быть, собирать эту информацию может любой человек, но принимать решение на основе какого-то опросника, тем более если информация идет в суд, где во многом от принятого решения зависит судьба человека, – это неадекватно.

Людмила Карнозова: В тексте методики я все время обнаруживаю очень интересные места. Посмотрите: часть четвертая с табличкой, которая называется «Ваша оценка общего уровня рисков/потребностей несовершеннолетнего». Ее заполнение требует очень высокого уровня квалификации специалиста. Эта табличка, если я правильно поняла, предоставляет возможность специалисту, отвечающему за случай, – социальному работнику, куратору, как я поняла, самому (на уровне собственного экспертного суждения, а не подсчета баллов) написать, какой он видит уровень рисков, а потом, видимо, сравнить с тем, что получилось по результатам обчетов всех предыдущих табличек. И специалист в этом смысле может оспорить так называемые научные результаты. Вот как это поясняется: «Сотруднику, отвечающему за случай, или иному специалисту, оказывающему помощь несовершеннолетнему, предоставляется возможность записи собственной оценки общего уровня риска / потребностей подростка. Если специалист установит, что общий уровень риска должен быть пересмотрен в большую или в меньшую сторону (видимо, по сравнению с обчетом. – Л. К.), в этом разделе необходимо привести обоснования и причины для новой оценки». То есть

специалист должен провести гигантскую работу: во-первых, сначала заполнить весь опросник и все обчислить, а потом собственную позицию обосновать по поводу уровня рисков/потребностей. С потребностями тут вообще все непонятно, поэтому неясно, что по этому поводу обсуждать? Тут все вопросы про риски.

Что касается резюме. Во-первых, то, о чем я уже говорила: методика превращает ребенка в объект, в исследуемую вещь или явление природы.

А еще один аспект очень интересный, про который я не думала, высветила Рита. И я хочу продолжить ее мысль: ведь само обследование – это некое действие и в этом смысле воздействие. И фактически такого рода обследование по этим многочисленным вопросам о так называемых рисках, если говорить в нарративной терминологии, это *уплотнение негативной истории*. Она была как-то размыта и размазана, а теперь сконцентрирована и баллами оценена. Ведь на что будет смотреть специалист? Он будет смотреть на то, что в этих клеточках помечено, например: «низкая переносимость неудач», «вербальная агрессия», «есть друзья с асоциальными взглядами и установками», «проблемы взаимоотношения с учителями», «недостаточно организованный досуг» – и все в таком духе, в общем, куда ни глянь, все очень плохо. И тем самым, она (история) может быть в меньшей или в большей степени, но все равно негативной.

Еще один момент. Мне, в принципе, неблизок диагностический подход, но, предположим, примем его на минутку. Естественно, я согласна с тем, что ты, Слава, говорил, что именно и в каком смысле это можно использовать, что в этой методике можно считать правильным, так это обозначение тех аспектов, которые надо принимать во внимание при работе с ребенком. Но ведь, как мы поняли, это обследование оказывается односторонним и негативным. Да, обозначение разных сторон и социальных контекстов – важный момент, но он все равно показывает негативную сторону жизни обследуемого, поскольку на ресурсы нужно не маленький незаметный какой-то квадратик для оценки оставлять, и вообще ресурсы *надо не оценивать, их нужно содержательно обозначать*. И это тоже должно быть элементом вот того самого анализа ситуации, качественного анализа, а не количественного, который должен производиться.

Рустем Максудов: Мне кажется, тут важно понять. Насколько я понимаю, нарративный подход, позитивная история не диагностически делается, а коммуникативно.

Людмила Карнозова: Я не за диагностический подход, поскольку и негативные аспекты точно так же коммуникативно должны обнаруживаться. То есть я, в принципе, против этого экспертного оценщика. Но сейчас я обращаю внимание не на способ, а на указание самих областей, фокусов внимания: здесь указаны только негативные аспекты, позитивных вообще нет.

И последнее: в процессе обсуждения и вчитывания в текст методики стало ясно, что смысл подхода в том, чтобы ощутить себя специалистами. И никаких целей, связанных с ребенком, здесь не сформулировано.

Виктор Зарецкий: Почему? Сформулировано. Не согласен.

Людмила Карнозова: Нет, Витя, объясню почему. Потому что в начале формулируются общие фразы. А дальше рассматриваются аргументы «за» и «против» предлагаемого подхода. И наиболее острый момент социализации каждого подхода связан с тем, как именно, с какой аргументацией люди отстаивают свои позиции в дискуссиях с оппонентами. И здесь при выделении этих «за» ничего нет про помощь ребенку. Поэтому то, что здесь написано в общих принципах про индивидуализацию помощи, я рассматриваю как общие фразы по типу «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным». И все. И никакого отношения к тому, в чем состоит содержание методики, нет. А вот то, что они отстаивают в качестве аргументов «за» – это все в методике есть: единство языка, единство взгляда – язык рисков, язык дефектов, «объективность», – потому что все оценили в баллах.

Рустем Максудов: Опасность в том, что человек, который будет этим пользоваться, будет чувствовать себя специалистом.

Вячеслав Москвичев: И специалисты в поиске общего языка будут пользоваться примитивным языком, который не будет отражать содержания.

Людмила Карнозова: Я хочу обратить внимание, что здесь написано в начале:

«... дискуссия о том, что “ничего не работает” закончена; в литературе ясно показано, что правильно оказанная помощь может уменьшить преступность несовершеннолетних. ...эффективными программами могут считаться такие, которые обеспечивают правильно направленную помощь...». Это реагирование на известное в криминологии событие: в середине 70-х годов вышел один западный обзор, который переводится на русский язык как «Ничто не работает». Он наделал много шума. Там было проанализировано более двухсот реабилитационных программ, где было показано, что они никак не влияют на уровень повторных правонарушений несовершеннолетних. В западной криминологии это был скандал. И, фактически, дальнейшее развитие реабилитационного подхода идет в отношении к тому тезису: а действительно ли ничто не работает? Или что-то работает? Поэтому здесь мы видим ответ на эту ситуацию. Первое положение – дискуссия о том, что ничто не работает, закончена. Второе: в литературе ясно показано, что правильно оказанная помощь будет уменьшать преступность несовершеннолетних. То есть если не уменьшается преступность, значит, просто помощь оказана неправильная.

Рита Гордон: Замечательная первая страница для того, чтобы это дело продать...

Людмила Карнозова: Да, но при этом я хочу сказать, что понятно для чего, и понятно, в рамках каких поисков это делается. И поэтому я привожу в пример нашу ситуацию с ювенализацией там, где это происходит. Попытки разработки собственных инструментов: социальной карты социального работника, какую-то диагностическую карту Дина Марченко пыталась делать, когда была социальным работником, и т. д. То есть понятны поиски и понятна необходимость форм для специалистов.

Вячеслав Москвичев: Сама идея формы и оценки понятна. Но этот инструмент...

Людмила Карнозова: И фиксация областей, которые должны быть приняты во внимание, в принципе, важно обозначить. Но дальше вопрос, который следует обсуждать уже категориально, о способе: каким образом проводится исследование ситуации? И здесь идея, с которой я начинала, – это изучение

уникального объекта, который требует анализа ситуации с конкретизацией именно уникальных обстоятельств жизни ребенка. Или это внешний объект, имеющий свои объективные закономерности, и тогда – отстраненное внешнее исследование жизни объекта. Методологическая проблематика в этом. Потому что в зависимости от того, как мы категоризируем исследуемое, мы говорим: этот способ адекватный, этот нет. И дальше – что с этим делать. Суммирование килограммов, метров и штук, в результате вы что-то сделали, оценили в баллах, потом суммируете. И какое отношение та или иная сумма имеет к конкретному случаю, конкретной ситуации ребенка, где баллы и где ситуация, – это совершенно непонятно.

Юрий Зарецкий: Я не знаю, нужно ли нам трубить во все трубы, что ни в коем случае этот документ не должен иметь юридического значения. Даже вот это – уровень контактов (имеется в виду уровень контроля над несовершеннолетним нарушителем по результатам оценки) – даже этой методике быть не должно. Не дает эта методика оснований для подобных выводов. Если только рассматривать это, действительно, как подспорье для начинающего, когда человек не знает, как ему вообще структурировать, просто инвентаризировать жизненные обстоятельства. Это еще как-то допустимо для планирования индивидуальной работы. Но здесь недостаточно информации для постановки целей работы с подростком. Вот эта часть шестая, все эти цели полетят, почему? Потому что оцениваются только негативные стороны, не оценивается позитивный ресурс. Есть только в первой части, где качество подростка – там

присутствует ресурс. Но как его оценивать и что это?

Реплика: Там вообще ни слова.

Юрий Зарецкий: Нет, очень интересная фраза есть, я ее подчеркнул: «Низкий уровень риска необязательно свидетельствует о ресурсе». Это относительно независимое суждение. Вот это они понимают, но тогда вообще они вообще не могут ресурс оценить. Он должен с какого-то другого взгляда оцениваться.

А главное – я согласен, Слава, с тобой полностью, что здесь сам подход в принципе порочный, наверное. Если ты не прикидываешь на себя, а делаешь такую псевдообъективную оценку, не со своей точки зрения, не индивидуальная как бы история. Нет картины механизма, который предотвращает повторные правонарушения или, наоборот, провоцирует. И нет позиции специалиста, тогда что вообще мы получаем? И как из такой оценки могут родиться какие-либо цели деятельности и работы?

Виктор Зарецкий: Негативное селективное в чистом виде. Юра очень точно сказал. Это рассчитано на руководителей, которые любят простые, понятные, эффективные и выраженные в цифрах результаты. А как ими отчитываться? Говорят – мы провели в течение трех лет большую работу. Средняя степень риска правонарушений по подросткам в нашем районе снизилась на 10 %.

Рустем Максудов: На этом сегодня мы закончим наше обсуждение.

Карнозова Л. М.

**УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО.
ОПЫТ ПАРАДИГМАЛЬНОГО АНАЛИЗА. М.: Р. ВАЛЕНТ, 2010.
(ФРАГМЕНТЫ КНИГИ)**

Книга представляет собой комплексное исследование механизмов воздействия гражданского общества на развитие уголовной юстиции. В центре внимания – вопросы взаимоотношения юстиции и человека, возможности преодоления ограниченности юридического знания при решении основного вопроса правосудия – вопроса о человеческой судьбе. Здесь рассматриваются формы правосудия, в которых юридическое мышление органично сочетается с другими типами мышления и гуманитарными практиками: суд присяжных, ювенальная юстиция, восстановительное правосудие. Анализ этих новых для российских граждан механизмов участия в правосудии проводится на широком социокультурном фоне парадигмальных изменений, происходящих в уголовном правосудии последние несколько столетий.

Книга адресована, в первую очередь, тем, кто вовлечен сегодня в практическую, теоретическую и законодательную разработку новых форм деятельности, содействующих совершенствованию уголовной юстиции, а также более широкому кругу читателей, интересующихся этой проблематикой.

Исследование выполнено в секторе проблем правосудия Института государства и права РАН, книга подготовлена к печати благодаря помощи Независимого экспертно-правового совета.

В этом номере Вестника мы публикуем предисловие к книге и фрагмент главы 2 «По направлению к человеку (парадигмальные сдвиги в уголовной юстиции под влиянием гуманистических и либеральных идей эпохи Просвещения и наук о человеке)».

Предисловие

1. Тема связи уголовной юстиции и гражданского общества весьма обширна. Поэтому, приступая к ее разработке, важно определить, какая проблемная ситуация оказывается стимулом конкретного исследования и задает его предмет.

В последние два десятилетия понятия «демократия», «правовое государство», «гражданское общество» и подобные вошли в обиход отечественной правовой литературы как некий обязательный набор при обсуждении любых тем, становясь своего рода идеологической приправой. Однако нужна ли, скажем, юстиции демократизация, если развитие любых сфер деятельности связывается, как правило, с профессионализацией? Почему, к примеру, присяжные, обыкновенные граждане, должны вершить правосудие? Ка-

кое отношение гражданское общество имеет к профессиональной, сложной, требующей серьезной специальной подготовки деятельности суда? Осмысленно ли ставить вопрос о взаимодействии гражданского общества и правосудия, если последнее, напротив, должно быть отстранено от общественных страстей и вообще каких бы то ни было влияний? С тем что касается прозрачности, транспарентности власти, в том числе и судебной, еще можно согласиться. Но можно ли говорить о содержательном влиянии гражданского общества на уголовное правосудие?

Проблема, которой посвящается наше исследование, состоит в том, что юридическое знание не исчерпывает содержания правосудия как общественной реакции на преступление. Юридический ответ на преступление «вырезает» последнее из целостности жизни человека и общества, превращая «пре-

ступление» и «наказание» в юридические конструкции. Но последствия такого ответа воздействуют отнюдь не на какой-то «аспект», а на жизни и судьбы – обвиняемого и осужденного, его родных и близких, на потерпевшего, на наше общее правосознание и мораль, ценности и практику совместной жизни.

Но – и это второй аспект проблемы – мы не можем отказаться от права, поскольку в противном случае социальный мир будет ввергнут в хаос и непредсказуемость, в обществе восторжествует власть силы, и человечество снова будет вынуждено искать формы самоорганизации, способы сосуществования разных индивидов и групп.

Проблемная область обсуждений и поисков наилучших конструкций юстиции задается двумя предельными моделями: с одной стороны, пренебрегающий живым человеком юридический формализм, с другой – при отсутствии действенных правовых институтов – произвол власти и силы. В центре внимания нашего исследования – *развитие уголовной юстиции*, траектория которого проходит между этими двумя пределами. *Развитие юстиции* оказывается тем необходимым контекстом, той практической установкой, в которой тема взаимодействия уголовной юстиции и гражданского общества обретает свое содержание. Именно в контексте развития становится значимым влияние на юстицию гражданских институтов, неюридических форм сознания, дискурсов о человеке, справедливости, обществе и власти, обращение к анализу разного рода гуманитарных практик (психотерапии, воспитания, социальной работы, медиации).

Развитие юстиции не означает последовательного прогресса. Оно не сводится к интеллектуальной составляющей; трансформации юстиции определяются политическими режимами, ролью государства, общественным правосознанием. Нововведения нередко вызывают реакцию в виде контрреформ. Мы можем также обнаружить феномен перерождения гуманистических начинаний в новые формы жестокости и игнорирования человека. Но нельзя отрицать и того несомненного обстоятельства, что человечество ушло от дикости ордалий и судебных поединков, узаконенных пыток, телесных наказаний и квалифицированных казней, выработав более гуманные способы и средства осуществления правосудия и обращения с обвиняемыми и осужденными. Хочется надеяться, что ре-

сурсы не исчерпаны. Развитие расширяет горизонты наших представлений, порождает новые способы деятельности, позволяет воплощать гуманистические ценности в правовые конструкции, усиливать гарантии прав и свобод и применять более гуманные и осмысленные формы обращения с людьми, совершившими преступления, уделять должное внимание жертвам преступлений.

В силу ограниченности всякого знания, с неизбежностью редуцирующего свой предмет, любые предложения, проекты, реформы всегда частичны. Поэтому механизмы развития уголовной юстиции должны создавать возможности для расширения видения предмета и, соответственно, способов реагирования на противоправные деяния. Взаимосвязь разных элементов общества, разных его голосов обеспечивается в процессах коммуникации. Никогда земное правосудие не будет тождественно нашим идеалам. Даже будучи результатом тех или иных реформ и человеческих действий, оно не может быть целиком «рукотворным» – это всегда «встреча» или даже столкновение проектов и непознанных, неспрогнозированных реалий. Кроме того, и сами проекты реформирования являются результатом консенсуса и взаимных уступок носителей разных позиций, поэтому уже отличаются от исходных идеальных представлений тех или иных групп. Но именно коммуникация этих позиций позволяет юстиции открывать новые горизонты и способы вершить справедливость. Наше исследование и посвящено разворачиванию этого тезиса. В общетеоретическом плане коммуникация выступает здесь не как нечто чуждое или внешнее по отношению к праву, а как собственный источник и механизм его развития.

2. Настоящая работа представляет собой попытку осмыслить те проекты и направления работ, в которых я участвовала в последние пятнадцать лет: суд присяжных, ювенальная юстиция и восстановительное правосудие, – и которые представляют собой новые феномены участия российского общества в уголовном судопроизводстве.

Суд присяжных действует в современной России более 15 лет, хотя его широкое распространение началось с 2003 г. Он по-прежнему остается мало изученным явлением, опутанным мифами и идеологическими дебатами. Другим, не менее интересным и перспективным направлением, является движе-

ние за *восстановительную юстицию*, в основе которого лежит примирение правонарушителя и жертвы (обвиняемого и потерпевшего) при участии независимого посредника (медиатора). В настоящее время программы восстановительного правосудия проводятся в области правонарушений несовершеннолетних на отдельных экспериментальных и инновационных площадках. Эксперименты по введению элементов *ювенальной юстиции* начались в России в конце 90-х годов. Они осуществляются как совместно с программами примирения правонарушителя и потерпевшего, так и безотносительно к этим программам. Эксперименты в двух указанных областях размыкают закрытое для общественности уголовное судопроизводство (судом присяжных рассматривается весьма незначительная доля уголовных дел) и «возвращают» общество в уголовную юстицию, общество компетентное – в лице членов общественных организаций и новых профессионалов гуманитарного толка (медиаторов, социальных работников, психологов).

При всем различии и разнонаправленности этих трех новаций в них можно выделить общие черты. Во-первых, это участие общественности в деятельности по развитию юстиции. Во-вторых, в этих формах пересматривается главная задача уголовного правосудия. Все эти конструкции, каждая по-своему, ставят *человека* в центр внимания ответа общества на преступление. И общим в какой-то степени является то, с каким упорством старая система сопротивляется этим институтам.

Феномен устойчивости базовых оснований уголовной юстиции – явление общекультурное. За последние двести лет в истории уголовной юстиции его проявление можно обнаружить не только в идейном неприятии, политическом и организационном блокировании новаций (что мы наблюдаем сегодня в России), но и в том, как новые идеи, будучи воспринятыми, начинают ассимилироваться старой системой и, «юридизированные» и «огосударственные», приводят в новых условиях к старым проблемам – несправедливости, жестокости, формализму, пренебрежению правами и достоинством человека. В этой связи осмысление направлений развития нынешнего российского уголовного правосудия с необходимостью приводит к более широкой постановке задачи исследования. Анализ феномена сопротивления инновациям в

уголовном правосудии посвящено немало работ; многие известные объяснения основания такого сопротивления к факторам политическим, политико-экономическим, социальным (социологическим), социально-психологическим, историческим. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть «внутренние основания», имея в виду *парадигмы правосудия*. Парадигма подразумевает укорененную систему взглядов и способов деятельности, которые и являются управляющей инстанцией и транслируются в какой-то мере поверх политических режимов и экономических условий. Принципиальные качественные изменения картины мира и способов деятельности знаменуют собой смену парадигм. Постановка проблемы развития правосудия как смены парадигм была сформулирована Х. Зером¹, опиравшимся на идеи Т. Куна о парадигмальных механизмах развития науки². Наше исследование в определенном смысле можно рассматривать как продолжение начатого Зером *парадигмального анализа уголовной юстиции*.

Развитие современной (берущей отсчет с Нового времени) уголовной юстиции происходит в коммуникативном пространстве свободного циркулирования идей, философских, социально-политических и правовых дискурсов гражданского общества. В фокусе нашего внимания будут те принципиальные (парадигмальные) сдвиги, которые произошли за последние два столетия в уголовной юстиции, относящейся к «западной традиции права» (российское право относится, как известно, к континентальной правовой семье, принадлежащей западному праву), под влиянием гуманистических и либеральных идей и с непосредственным участием гражданского общества в формировании ее нынешнего облика.

Таким образом, в работе выделяются два слоя. В *первом* предметом исследования являются общие качественные изменения в уголовной юстиции под влиянием гражданского общества (начиная с Нового времени). Здесь задача состоит в том, чтобы воссоздать *социокультурный контекст*, где указанные три российские новации обретают свое значение. Соответственно, нас будет интересовать формирование вполне опреде-

¹ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002.

² Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

ленных институтов: во-первых, институтов участия граждан в отправлении правосудия и, во-вторых, способов реагирования на преступления, альтернативных карательному. *Второй слой* исследования посвящен непосредственно процессам становления указанных институтов (суда присяжных, ювенальной юстиции и восстановительного правосудия) как новых явлений нынешней российской уголовной юстиции.

3. В соответствии с замыслом, в книге три части. Первая часть посвящена постановке проблемы развития уголовной юстиции. Сложность здесь заключается в том, что *проблема* не имеет однозначной локализации. Именно поэтому и нет простых решений. Отсюда задача первой части исследования состоит в том, чтобы высветить разные аспекты проблемной ситуации. Эти аспекты отражены в первых трех главах. Во второй части в общем виде описаны парадигмальные модели (непосредственное участие граждан в правосудии, ювенальная юстиция, восстановительное правосудие), в которых предлагаются свои версии решения поставленных проблем. В третьей части проанализирован новый российский опыт. Здесь представлены современная российская модель суда присяжных и сложности функционирования этого института, а также общественные движения за ювенальную юстицию и восстановительное правосудие. Эти три области российской уголовной юстиции демонстрируют *принцип дифференциации подходов* в реагировании на преступления как механизм развития правосудия.

Центральная идея данной работы – коммуникация как сущность права и одновременно как механизм взаимодействия уголовной юстиции и гражданского общества – послужила основой и для построения книги. Содержательное исследование темы осуществляется на фоне и в ходе своего рода «круглого стола». За этим «круглым столом» окажутся Чезаре Беккариа, Энрико Ферри, Рудольф Иеринг, Иван Яковлевич Фойницкий, Анатолий Федорович Кони, Гарольд Дж. Берман, Марк Ансель, Нильс Кристи, Юрген Хабермас, Ховард Зер и др., а также современные российские правоведы, общественные деятели, присяжные заседатели, судьи и др. Поэтому читатель обнаружит здесь много цитат. «Помещая» за этот «круглый стол» классиков, я хочу, чтобы они были

услышаны сегодня, несмотря на то, что их позиции кажутся вроде бы известными, поскольку о них уже написали другие, дали им оценку и приклеили ярлыки. В наш информационный век, когда мы читаем для того, чтобы найти информацию, а не уловить смысл сказанного и понять, над каким вопросом билась мысль, такой жанр может вызвать отторжение. Однако я хочу последовать принципу, который пытаюсь отстаивать. Коммуникация в основе своей предполагает выслушивание и установку на взаимопонимание. Хотелось бы, чтобы именно коммуникация, а не революции или силовые решения приводили к изменениям в юстиции, чтобы разворачивался диалог, и в него включались (а не начинали с чистого листа) те, кто сегодня в России ведет работу по выращиванию новых практик, где ищутся способы ответа на преступление.

2.4. XIX век: эпоха рационализма и позитивной науки (фрагмент главы 2)

Классическое уголовное право Реформы юстиции XIX века были направлены на то, чтобы на основе принципа законности обеспечить уважение к основным правам человека. В это время оформляется классическая школа уголовного права, базовые идеи которой доминируют до сих пор. Преступления и наказания четко очерчиваются законом. Основные формулы классического уголовного права: нет наказания без закона; нет наказания без преступления; нет преступления без законного наказания. Человек рассматривается как существо разумное, наделенное свободой воли, благодаря которой он является хозяином своих поступков, – и на этом постулате основывается концепция уголовной ответственности. Уголовная ответственность устанавливается только за преступное деяние, а не за намерение³.

Отказ от феодального репрессивного аппарата не изменил существа подхода к реагированию на преступления – наказания как возмездия, но регламентировал его осуществление. Происходит постепенная догматизация права (и в этом смысле де-демократизация закона), «преступление» и «наказание» становятся юридическими категориями, закон снова оказывается «делом юристов», не доступным профанному сознанию⁴.

³ Зер Х. Указ. соч.

⁴ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

«Баварский кодекс 1813 года в еще большей степени, чем французский кодекс 1810 года, закладывает технические основы законности, основы догматики общей части уголовного права и казуистику его особенной части. Тексты законов не будут большие, как того хотели члены Учредительного собрания, простыми и ясными, настолько доступными всем, чтобы каждый свободный гражданин мог постоянно ссылаться на тот закон, который исходит от него самого и один лишь может ограничивать его свободу. Закон становится, или, точнее говоря, вновь становится делом юристов, а теоретики уголовного права снова превращаются в догматиков... Великие принципы политической философии и социологии, провозглашенные Монтескье и Руссо, уступают место чисто юридической доктрине. Вместо понятия гражданского общества, соответствующего гуманистическим идеям, появляется понятие правопорядка, организуемого и определяемого законом. Преступление рассматривается как абстрактное посягательство на этот правопорядок, искупаемое наказанием, которое восстанавливает нарушенный порядок»⁵.

Немецкая школа разрабатывает доктрину состава преступления и противоправного деяния. Судья определяет признаки преступного деяния и применяет предусмотренные законом меры наказания, не принимая во внимание личность преступника.

Если средневековое уголовное правосудие континентальной Европы можно рассматривать, в первую очередь, как инструмент укрепления публичного порядка и власти суверена, то классическая школа уголовного права формирует юридическую концепцию правосудия⁶. «Классики» выводили уголов-

но-правовые институты, исходя из формального содержания норм, игнорируя условия жизни общества. Классическая школа достигла вершин уголовно-правовой науки в исследовании догмы уголовного права, в изучении уголовно-правовой нормы и других категорий уголовного права как юридических понятий; подобным же формально-юридическим понятием была «свобода воли», замещающая представление о человеке.

«Уголовное право в продолжение трех четвертей века продолжало оставаться технико-юридической доктриной, доведенной до крайности, и считалось чем-то вроде алгебры, в которой абстрактные рассуждения занимали первое место и согласно которой преступление рассматривалось прежде всего как юридическая сущность»⁷.

Новые тенденции

Вполне закономерно, что одновременно обозначаются течения, подготавливающие пересмотр существующих доктрин и образующие неоклассическое направление уголовного права⁸.

Сюда относится, во-первых, индивидуализация уголовной ответственности и наказания. Доктрина свободной воли модифицируется: начинают учитываться умственная неполноценность, возрастные особенности, смягчающие вину обстоятельства. В разных странах создаются системы альтернативных наказаний. Кроме законодательной, становится возможной и судебная индивидуализация, когда за судьями и присяжными заседателями закрепляется право признавать смягчающие обстоятельства.

«Только судья, рассмотрев всесторонне дело, оценив общественное значение посягательства, выразившиеся в нем преступные свойства личности преступника, может

⁵ Ансель М. Новая социальная защита. (Гуманистическое движение в уголовной политике). М., 1970. С. 161–162.

⁶ М. Ансель выделяет три концепции уголовного правосудия в истории человечества: религиозную, политическую и юридическую. Религиозная концепция устанавливала, что преступник оскорбил божество и потому должен искупить грех. Наказание несет искупительный смысл. Правосудие и наказание имеют сакральный характер. Политическая концепция определяет задачу правосудия как охрану мира и публичного порядка, установленного сувереном. Уголовное правосудие утверждает власть суверена, за посягательство на власть суверена предусматривается суровая репрессия. Частное правосудие трансформируется в публичное. Юридическая концепция (появившаяся в конце XVIII в.) предусмат-

ривает переход от политики усмотрения (произвола) к законности. «Преступление и наказание» становятся правовыми понятиями и определяются законом (Ансель М. Указ. соч. С. 158–160). Нельзя сказать, что эти концепции последовательно сменяют друг друга, в каждой правовой системе находятся их отпечатки, но в историческом плане можно зафиксировать доминирование какой-либо из них.

⁷ Ансель М. Указ. соч. С. 66–67.

⁸ См. также: Таганцев Н. С. Последнее двадцатипятилетие в истории уголовного права (1867–1892) // Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2-х т. Т. 2. С. 368–377.

точно определить меру следующей ему кары. Но достижимо ли и для судьи выполнение этого требования? Воля, оживотворяющая деяние, так многообразна, мотивы, определяющие ее, нередко так сложны, что изучить их дело нелегкое. Перед глазами судьи проходит только небольшой отрывок из жизни виновного; как бы тщательно ни изучал он событие, как бы ни старался раскрыть обстоятельства, выведшие данное лицо из общего житейского круговорота и приведшие его в столкновение с требованием закона, все-таки весьма часто его суждения могут быть ошибочны, и причина этих ошибок лежит не только в несовершенстве наблюдательного аппарата сравнительно со сложностью наблюдаемого предмета, но и в кратковременности наблюдения. Немногие часы, проведенные следователем, а в особенности судьей, с преступником, могут вовлечь в ошибку и придать значение внешнему, кажущемуся, могут выдвинуть на первый план случайные дополнительные обстоятельства и оставить в тени существенные, а все это естественно может вызвать несоответствие назначенного наказания с общественным и индивидуальным значением преступного события. Не подсказывает ли нам жизненная правда (выделено мной. – Л. К.), что в действительности весьма и весьма нередко служители правосудия отправляют свои обязанности с традиционной повязкой на глазах, что выбор меры наказания определяется шаблонной рутинной, а не тщательным изучением дела и человека»⁹.

Так логика индивидуализации вывела поиски эффективного наказания за границы судебного приговора. Отсюда следует второе направление, которое включает попытки выработки разнообразных режимов отбывания наказания. Возникают разные пенитенциарные системы, европейские страны обращаются к опыту Англии и Америки. На повестку дня ставится вопрос о том, что необходимо рассматривать не преступное деяние и наказание как юридические сущности, а конкретного человека, «личность, на которую налагается наказание»¹⁰. Меняется содержание идеи наказания: от возмездия к исправлению преступника и полезности наказания.

Появляются «пенитенциарии»¹¹: новые тюремные заведения ставили своей целью создание таких условий, которые способствовали бы улучшению самой природы правонарушителей¹². Реформаторы Пенсильвании, в основном, квакеры, использовали систему одиночного заключения: осужденные в полном одиночестве занимались работой, чтением Библии и размышлением о своей судьбе. Другая модель опробовалась в тюрьме Обурн (Нью-Йорк): заключенным не разрешали общаться друг с другом, дабы избежать опасности дурного влияния, но они в полном безмолвии работали и питались сообща, посещали церковную службу, спали по отдельности.

Возможность различных режимов отбывания наказания и цель исправления привели к сомнению относительно фундаментального положения о непоколебимости приговора. Нужно ли оставлять в тюрьме человека, если есть достаточные основания убедиться в том, что он исправился?

«Само исполнение наказания может произвести в наказываемом изменения, ввиду которых продолжать держаться буквы приговора значило бы приносить внутреннюю правду в жертву правде формальной (выделено мной. – Л. К.)»¹³.

И наоборот, следует ли освобождать человека, если тюремная администрация убеждена, что по выходе он совершит новое преступление? Юридическим ответом стало то, что возможность изменения срока заключения будет содержаться в самом приговоре. Так в тюремной практике и законодательстве появляется конструкция досрочного освобождения – условного либо безусловного¹⁴.

Формируется и укрепляется точка зрения, что по отношению к случайным преступникам меры наказания должны носить скорее превентивный, нежели репрессивный характер.

⁹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право ... Т. 2. С. 323.

¹⁰ Ансель М. Указ. соч. С. 64.

¹¹ Poenitentiarium — покаянный, исправительный (Словарь иностранных слов. М., 1987. С. 370).

¹² Криминология. Пер. с англ. / Под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб., 2003. С. 533–537; Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923; Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.

¹³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996. (по 3-му изд., СПб, 1910.) Т. 2. С. 569.

¹⁴ Таганцев Н. С. Указ. соч. Т. 2. С. 323–326.

«Нужно препятствовать тому, чтобы какая-нибудь неудачно примененная карательная мера не толкнула их к рецидиву и не превратила в преступников привычных и неисправимых»¹⁵.

В законах появляются такие меры, как домашний арест, поручительства, внушения со стороны суда, условное осуждение. Последнее стало серьезным средством смягчения наказания и постепенно приобрело широкое распространение. Остановимся здесь подробнее; эта мера представляет большой интерес, она стала основой для выработки в дальнейшем разнообразных реабилитационных мер и, соответственно, установления связей кооперации суда с неюридическими службами – гуманитарными учреждениями и общественными организациями.

Идея *условного осуждения*, или «погасительной отсрочки», складывалась на основе различия категорий преступников: с одной стороны, новички и случайные преступники, с другой – привычные и даже профессиональные. Первоначально внимание было обращено на несовершеннолетних – карательные меры превращали случайных преступников в привычных (подробнее см. главу 5). Смена приоритетов с карательного подхода на воспитательный в детской юстиции дала хорошие результаты, но возникла проблема недостаточного количества исправительно-воспитательных учреждений. И появился еще один путь, менее обременительный для государственного бюджета.

«Умный отец семейства, толковый педагог воздерживаются от применения взыскания, даже маленького, за первую неважную вину; они ограничиваются обыкновенно советом, внушением и предупреждением. Маленькие взыскания имеют большие недостатки: никого не устрашая и не исправляя, они вовлекают наказываемого в порок, озлобляют его, приучают его к наказанию и ослабляют страх перед последним. Совет же или предупреждение, показывая провинившемуся, что его вина стала известна, побуждают его сосредоточиться на своем поступке и могут вызвать в нем решимость исправиться; к делу исправления привлекаются духовные импульсы самого виновника. Этот

¹⁵ Ферри Э. Уголовная социология. СПб., 1910. Ч. II. С. 412.

добрый педагогический прием¹⁶ не мог в конце концов не обратить на себя внимания и государственной власти. Его начинают применять к несовершеннолетним и мало-помалу приходят к заключению, что он с теми же успешными результатами может быть применен и к некоторым взрослым новичкам преступности. Простейшей формой осуществления этой мысли является безусловное неприменение наказания судом, который ограничивается лишь внушением или выговором»¹⁷.

Однако, продолжает Фойницкий, подобное «судебное прощение», уместное для несовершеннолетнего, имеет недостатки по отношению к взрослым: в глазах многих оно демонстрирует бессилие суда, но в то же время носит для виновного характер меры позорящей. Отсюда возникла более сложная форма, предусматривающая неблагоприятные последствия в случае невыполнения осужденным ряда условий, которые ему объявляются при освобождении от наказания. Такая форма стала называться *условным осуждением*. К концу XIX века сложились четыре системы условного осуждения: американская – система испытания (пробации); английская – система отобрания судом подписки, как правило, с денежным залогом или денежным поручительством; франко-бельгийская – система условно-погасительной отсрочки судом исполнения определенного наказания; австро-германская – система административного условного помилования¹⁸.

В Америке эта система была создана сначала только для несовершеннолетних (штат Массачусетс, 1869 г.). Был учрежден особый агент штата, который должен был посещать несовершеннолетних в заключении, изучать их и рекомендовать суду либо помещение их в исправительное заведение, либо выговор, либо условное освобождение, хотя рекомендации эти не были обязательны для суда. Освобожденный обязывался вести себя хорошо и давать о себе сведения; агент продолжал

¹⁶ Можно усмотреть параллель между этим рассуждением И. Я. Фойницкого и теорией Дж. Брейтуэйта, появившейся в конце XX века, в которой проводится различие между клеймящим и воссоединяющим стыдом. Здесь показана значимость стыда и положительное влияние этой эмоции для исправления правонарушителя, если стыд, будучи результатом общественного упрека, ведет не к отторжению и изоляции, а к принятию и помощи со стороны окружающих. (Подробнее об этой теории мы поговорим в главе 3. – Л. К.).

¹⁷ Фойницкий И. Я. Указ. соч. Т. 2. С. 577–578.

¹⁸ Там же. С. 578–582.

заботиться о нем, подыскивая ему работу, давая советы и пр. В 1878 г. эта система была распространена на взрослых с учреждением должности офицера пробации – должностного лица, осуществляющего надзор за освобожденным от наказания. Так, в XIX веке в Америке был создан институт – служба пробации, которая обеспечивала исполнение приговора об «испытании». Эта форма была распространена на Новую Зеландию, Южную Австралию, Канаду и др.

В Англии отобрание подписки, иногда с денежным залогом и поручительством, практиковалось издавна. Актом 1879 г. о сокращенном производстве низшим судам предоставлялось право отпускать лиц, совершивших малозначительное преступление, на свободу. У осужденного отбиралась подписка, которой тот обязывался в случае дурного поведения или неявки по вызову в суд подвергнуться наказанию и имущественному взысканию. В 1887 г. под влиянием ассоциации имени Говарда принят Акт, вводящий в Англии условное осуждение, приближенное к американской системе, но без службы надзора; в 1907 г. был принят новый закон об испытании преступников, который ставил применение условного осуждения в зависимость от характера, предшествующей жизни, возраста, здоровья, умственного развития обвиняемого или маловажности совершенного им деяния. Законом был введен институт probation officers, которые занимались наблюдением за условно осужденными, для несовершеннолетних назначались особые попечители.

Франко-бельгийская система не предполагала системы надзора. Судья определяет виновность и назначает наказание; далее осужденный отпускается на свободу с одним условием – не совершать нового преступления. В случае совершения нового преступления виновный наказывается за оба деяния. Такая система была принята в большинстве европейских стран.

Австро-германскую систему отличало то, что освобождение осужденного производилось не судом, а министром юстиции, а окончательное освобождение от наказания после прохождения испытания принадлежало верховной власти в порядке помилования.

Институт условного осуждения вызывал много критических замечаний, причем с противоположных позиций. Одни говорили о том, что он являет собой безнаказанность. Другие, напротив, отмечали полное пренебрежение индивидуальными характеристиками преступника, поскольку последний предстает здесь не живым человеком, а некой «средней абстрактной величиной»¹⁹. Дело в том, что основание к применению условного осуждения оставалось формальным: *тяжесть преступления*, а вовсе не *личность* конкретного преступника, – и судьи применяли эту меру, по замечанию Ферри, «механически». Вторая критическая точка зрения, как мы увидим, принадлежит формирующейся в это время позитивистской школе, которая выстраивала концепцию преступности и

ответа на преступление на основании данных позитивных наук и в центр уголовной юстиции поставила личность преступника.

В России к началу XX века институт условного осуждения не получил законодательного закрепления, но активно обсуждался в литературе и имел как своих сторонников, так и противников²⁰.

К *третьему направлению* отнесем *становление наук о человеке и социальных наук* (медицины, в том числе психиатрии, психофизиологии, антропологии, статистики, социологии). Эти науки оказали существенное влияние на уголовное право, которое в определенной степени было подготовлено к восприятию новых идей первыми двумя течениями. Новые науки поставили под сомнение чисто юридическую трактовку преступления и преступника. Как пишет М. Ансель, выход в 1876 году книги Ломброзо «Преступный человек»²¹ стал не менее мощным фактором обновления уголовного права, чем издание на столетие раньше книги Беккариа. Это третье течение вылилось в так называемый «позитивистский бунт»: развитие наук о человеке привело к тому, что *проблематика преступности вышла за пределы юридической области*. На первый план здесь выступает не рассмотрение юридической сущности преступления, а научный интерес к преступнику. Судить следует не преступление, а преступника – вот основной тезис нарождающегося к концу XIX века нового направления.

Позиция позитивистской школы уголовного права, в которой синтезированы концепции и данные наук о человеке XIX века, порой примитивизируется; игнорируется заданный ею *принципиальный поворот* в понимании задач, роли и нового устройства уголовной юстиции. Оценка концепций этого направления нередко сводится к указанию на научную несостоятельность, в первую очередь, антропологической идеи Ломброзо о прирожденном преступнике и развитой далее на этой основе юридической идеи «опасного состояния личности», которая при реализации (в особенности, при тоталитарных режимах) привела к чудовищному нарушению прав человека. Однако концепция позитивистской школы претерпевала изменения, разви-

¹⁹ Ферри Э. Указ. соч. Ч. II. С. 422.

²⁰ Таганцев Н. С. Указ. соч. Т. 2. С. 330–334.

²¹ Ломброзо Ч. Преступный человек. М., 2005.

валась. А что касается Ломброзо, он и сам в последующих работах смягчил свои радикальные взгляды, считаясь с тем, что преступное поведение может быть вызвано не только биологическими факторами, но и влиянием среды и обстоятельств²².

Главная заслуга позитивистской школы в том, что она привлекла внимание к человеку, поставила его в центр уголовной юстиции, дав таким образом мощный толчок исследованиям причин преступности, складыванию вокруг уголовной юстиции полипро-

фессиональной гуманитарной среды, формированию новых концепций и новых способов реагирования на преступление. Несмотря на критичность своих положений, она обратила взгляд на личность преступника и привела к появлению новых наук – криминологии и криминальной психологии, к необходимости сознательного формулирования уголовной политики.

В следующем параграфе подробнее остановимся на взглядах позитивистов.

---

²² Ломброзо Ч. Преступление. М., 1994.

СТАНДАРТЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ

СТАНДАРТЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ

РАЗРАБОТАНЫ И УТВЕРЖДЕНЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИЕЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ

17 марта 2009 года

В разработке данных стандартов принимали участие представители команд, развивающих восстановительную медиацию, из г. Волжского, Казани, Москвы, Новокуйбышевска, Новосибирска, Перми, Петрозаводска, Самары, Тюмени.

Вводная часть

Настоящие стандарты разработаны в качестве руководства и источника информации для медиаторов, руководителей и специалистов служб примирения и органов управления различных ведомств, а также других специалистов и организаций, заинтересованных в развитии восстановительной медиации в России.

Данные стандарты медиации призваны способствовать поиску новых идей и разнообразию форм организации и проведения медиации при сохранении основных принципов восстановительной медиации и с учетом региональных условий.

Основой восстановительной медиации является концепция восстановительного правосудия, которая разрабатывается и реализуется в форме различных практик во многих странах мира. Восстановительное правосудие – это новый подход к тому, как обществу необходимо реагировать на преступление, и практика, построенная в соответствии с этим подходом.

Идея восстановительного правосудия состоит в том, что всякое преступление должно повлечь обязательства правонарушителя по заглаживанию вреда, нанесенного жертве. Го-

сударство и социальное окружение жертвы и правонарушителя должны создавать для этого необходимые условия. Восстановительный подход предполагает вовлечение и активное участие жертвы и обидчика (а также всех затронутых преступлением людей) в работу по решению возникших в результате преступления проблем с помощью беспристрастной третьей стороны – медиатора. Такие программы проводятся только при условии добровольного согласия сторон.

Восстановительный подход противопоставляется подходу, ориентированному на наказание.

Значение идеи и практики восстановительного правосудия шире, чем реагирование на преступление. Восстановительное правосудие (точнее, восстановительный подход) кроме криминальных ситуаций может применяться в системе общего, профессионального и дополнительного образования, системе социальной защиты, МВД, судебной системе и семейно-бытовой сфере для преодоления негативных последствий конфликтов.

Настоящие стандарты восстановительной медиации опираются на имеющиеся международные и зарубежные документы: Декларация Генеральной Ассамблеи ООН 2002/12 «Об основных принципах использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах», «Рекомендация № R (99) 19 Комитета Министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах» (принята Комитетом Министров 15 сентября 1999 года на 679-й встрече представителей Комитета), «Рекомендуемые стандарты к про-

граммам медиации ровесников, реализуемым в рамках среднеобразовательных учебных заведений», разработанные Ассоциацией по разрешению конфликтов США, «Национальные стандарты для связанных с судом программ медиации» Центра по разрешению споров и Института судебной администрации, а также другие стандарты медиации. Также были учтены существующие модели медиации: медиация интересов, трансформативная медиация, нарративная медиация.

Стандарты восстановительной медиации разработаны и приняты Всероссийской Ассоциацией восстановительной медиации.

Данные стандарты относятся к широкому кругу восстановительных практик: медиация между сторонами «лицом к лицу», «Семейные конференции», «Круги сообществ», «Школьные конференции» и другие практики, в основе которых лежат ценности и принципы восстановительного подхода.

При разработке стандартов учтен опыт работы по проведению программ восстановительного правосудия в различных регионах России в течение 12 лет.

Понятие восстановительной медиации

Под медиацией обычно понимается процесс, в рамках которого участники с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) разрешают конфликт.

Восстановительная медиация – это процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости – о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций.

В ходе восстановительной медиации важно, чтобы стороны имели возможность освободиться от негативных состояний и обрести ресурс для совместного поиска выхода из ситуации. Восстановительная медиация включает предварительные встречи медиатора с каждой из сторон по отдельности и общую встречу сторон с участием медиатора.

Основные принципы восстановительной медиации

– добровольность участия сторон

Стороны участвуют во встрече добровольно, принуждение в какой-либо форме сто-

рон к участию недопустимо. Стороны вправе отказаться от участия в медиации как до ее начала, так и в ходе самой медиации.

– информированность сторон

Медиатор обязан предоставить сторонам всю необходимую информацию о сути медиации, ее процессе и возможных последствиях.

– нейтральность медиатора

Медиатор в равной степени поддерживает стороны и их стремление в разрешении конфликта. Если медиатор чувствует, что не может сохранять нейтральность, он должен передать дело другому медиатору или прекратить медиацию. Медиатор не может принимать от какой-либо из сторон вознаграждения, которые могут вызвать подозрения в поддержке одной из сторон.

– конфиденциальность процесса медиации

Медиация носит конфиденциальный характер. Медиатор или служба медиации обеспечивает конфиденциальность медиации и защиту от разглашения касающихся процесса медиации документов.

Исключение составляет информация, связанная с возможной угрозой жизни либо возможности совершения преступления; при выявлении этой информации медиатор ставит участников в известность, что данная информация будет разглашена.

Медиатор передает информацию о результатах медиации в структуру, направившую дело на медиацию.

Медиатор может вести записи и составлять отчеты для обсуждения в кругу медиаторов и кураторов служб примирения. При публикации имена участников должны быть изменены.

– ответственность сторон и медиатора

Медиатор отвечает за безопасность участников на встрече, а также соблюдение принципов и стандартов. Ответственность за результат медиации несут стороны конфликта, участвующие в медиации. Медиатор не может советовать сторонам принять то или иное решение по существу конфликта.

– заглаживание вреда обидчиком

В ситуации, где есть обидчик и жертва, ответственность обидчика состоит в заглаживании вреда, причиненного жертве.

– самостоятельность служб примирения

Служба примирения самостоятельна в выборе форм деятельности и организации процесса медиации.

Процесс и результат медиации

Основой восстановительной медиации является организация диалога между сторонами, который дает возможность сторонам лучше узнать и понять друг друга. Диалог способствует изменению отношений: от отношений конфронтации, предубеждений, подозрительности, агрессивности к позитивным взаимоотношениям. Медиатор помогает выразить и услышать точки зрения, мнения, чувства сторон, что формирует пространство взаимопонимания.

Важнейшим результатом восстановительной медиации являются восстановительные действия (извинение, прощение, стремление искренне загладить причиненный вред), то есть такие действия, которые помогают исправить последствия конфликтной или криминальной ситуации.

Не менее важным результатом медиации может быть соглашение или примирительный договор, передаваемый в орган, направивший случай на медиацию. Примирительный договор (соглашение) может учитываться данным органом при принятии решения о дальнейших действиях в отношении участников ситуации.

Восстановительная медиация ориентирована на процесс коммуникации, она направлена, в первую очередь, на налаживание взаимопонимания, обретение способности к диалогу и способности решить ситуацию. Достижение соглашения становится естественным результатом такого процесса.

Деятельность служб примирения

Программы восстановительной медиации могут осуществляться в службах примирения.

Службы примирения при исполнении своих функций должны быть независимыми и самостоятельными. Деятельность служб примирения должна получить официальный статус в рамках структур, в которых она создается.

Службы примирения могут создаваться как по ведомственному принципу (в системе образования, молодежной политики, социаль-

ной защиты, судебных, правоохранительных органов и пр.), так и носить межведомственный, надведомственный (службы при муниципалитетах, КДНиЗП и пр.) или территориальный характер.

Медиаторы, руководители служб и кураторы должны пройти специальную подготовку.

Служба примирения использует разные программы: медиацию, круги сообществ, школьную конференцию, а также может разрабатывать свои оригинальные программы, основанные на принципах восстановительной медиации.

Служба примирения ведет мониторинг и собирает статистику по поступившим запросам и проведенным медиациям.

Службы примирения должны обладать достаточной самостоятельностью при исполнении своих функций.

Особенности деятельности служб примирения в рамках органов и учреждений системы профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних

Программы восстановительной медиации могут реализовываться на базе учреждений системы образования, социальной защиты, молодежной политики и иных, осуществляющих социальную помощь по территориальному (муниципальному) принципу. В территориальные (районные, муниципальные) службы случаи могут поступать из КДНиЗП, административных органов, учреждений социальной защиты, правоохранительных органов, суда, образовательных учреждений, от граждан.

Территориальная служба примирения должна разработать *положение*, утвержденное администрацией учреждения. Также возможно внесение дополнений о службе примирения в устав учреждения, должностные инструкции реализующих восстановительные программы специалистов и другие документы.

Территориальные службы могут реализовывать разные программы: медиацию, круги сообществ, школьные конференции, круги заботы, семейные конференции (при условии прохождения подготовки по методике их проведения специалистами службы).

Руководитель (координатор, куратор) территориальной (муниципальной) службы примирения имеет подготовку в качестве медиатора, осуществляет общее руководство

службой, планирует развитие и продвижение службы, организует порядок и контроль реализации программ, ведет мониторинг и анализ реализации программ в учреждении, выстраивает взаимодействие с заинтересованными учреждениями и ведомствами. По согласованию с КДНиЗП служба может осуществлять мониторинг реализации программ медиации на территории муниципального образования.

В территориальной (муниципальной) службе примирения *медиаторами* (при условии прохождения специальной подготовки по медиации) могут быть:

а) сотрудники данного учреждения;
 б) взрослые (студенты, сотрудники общественной организации и т. д.) по согласованию с администрацией учреждения. При территориальной (муниципальной) службе примирения могут быть созданы детские волонтерские объединения по типу школьных служб примирения.

Специалисты территориальной службы примирения могут вести работу в следующих направлениях.

1. Проводить медиацию по конфликтным и криминальным делам из КДНиЗП, судов, школ, по обращению граждан.

2. Осуществлять методическое сопровождение деятельности служб примирения на территории.

3. Осуществлять подготовку медиаторов и кураторов служб примирения.

4. Осуществлять мониторинг и анализ деятельности служб примирения на территории.

Методисты территориальной службы примирения должны иметь подготовку в качестве медиатора и тренера, опыт проведения программ. Методист может осуществлять методическое сопровождение медиаторов различных служб примирения на территории муниципального образования, проводить обучение медиаторов, в том числе учащихся образовательных учреждений, супервизию, консультирование, давать экспертную оценку.

Программа примирения в территориальной (муниципальной) службе примирения может проводиться между несовершеннолетними, несовершеннолетним(и) и взрослым(и), между взрослыми в ситуации определения дальнейшей судьбы несовершеннолетнего.

Допускается, чтобы стороны конфликта были направлены на предварительную встре-

чу с медиатором (где проясняется ситуация конфликта и рассказывается о медиации), но сама медиация проходит только добровольно. Если участниками программы являются несовершеннолетние, то медиатору рекомендуется получить разрешение родителей на участие их детей в восстановительной программе или пригласить родителей участвовать в программе.

Результаты проведенной восстановительной программы могут быть учтены при обсуждении семьи или ребенка в судебном заседании или на административном заседании КДНиЗП, вынесении решения о дальнейшей судьбе участников программы.

Особенности службы примирения в системе образования

В системе образования программы восстановительной медиации могут осуществляться на базе общеобразовательных учреждений всех типов (7-го и 8-го видов – в исключительных случаях), учреждений дополнительного образования, учреждений среднего профессионального образования, вузов.

В *школьную службу примирения (ШСП)* обязательно входят учащиеся-медиаторы и взрослый куратор.

В школьных службах примирения *медиаторами* (при условии прохождения специальной подготовки по медиации) могут быть:

а) учащиеся;
 б) педагогические работники образовательного учреждения;
 в) взрослый (родитель, сотрудник общественной или государственной организации или иной взрослый) по согласованию с администрацией образовательного учреждения.

Возможно совместное ведение медиации взрослым и ребенком.

Куратором службы примирения может быть взрослый, прошедший подготовку в качестве медиатора и готовый осуществлять систематическую поддержку и развитие службы примирения. Куратор должен иметь доступ к информации о происходящих в образовательном учреждении конфликтах. Задача куратора – организовать работу службы примирения и обеспечить получение службой примирения информации о конфликтах и криминальных ситуациях.

Это может быть заместитель директора по учебно-воспитательной работе, психолог, социальный педагог (заместитель директора

по социальной работе), уполномоченный по правам ребенка и прочее.

Участниками программ примирения могут быть дети, педагоги, администрация, родители. При медиации конфликтов между взрослыми обязательно участие взрослого медиатора.

Допускается, чтобы стороны конфликта были направлены *администратором* на предварительную встречу с медиатором (где проясняется ситуация конфликта и рассказывается о медиации), но встреча между сторонами проходит только добровольно.

Куратор должен получить согласие от родителей медиаторов-школьников на их участие в работе службы примирения.

Служба примирения должна разработать *положение*, которое должно быть утверждено администрацией образовательного учреждения. Также возможно внесение дополнений о службе примирения в устав образовательного учреждения и другие документы.

Если в результате конфликта стороне нанесен материальный ущерб, то присутствие взрослого на встрече в качестве соведущего обязательно, а куратору рекомендуется пригласить на встречу родителей либо получить разрешение родителей на участие их детей в данной медиации.

По аналогии службы примирения могут создаваться в общежитиях, спецшколах и так далее.

Особенности служб, проводящих медиацию по уголовным делам, находящимся в судебном производстве¹

Работа службы медиации по уголовным делам, находящимся в судебном производстве, осуществляется на основании документов, легитимирующих ее взаимодействие с судом (это могут быть законы, программы взаимодействия с судом и др.) и не противоречащих российскому законодательству. В них указываются правовые и организационные основы взаимодействия служб примирения с судами, в частности:

- механизм передачи на медиацию информации о криминальных ситуациях;
- юридические последствия медиации;

¹ Положения настоящего раздела могут применяться в качестве основы при использовании медиации на стадии предварительного расследования, а также в мировой юстиции при рассмотрении не только уголовных, но и гражданских и некоторых административных дел.

– категории случаев, передаваемых на медиацию.

В силу того что в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует институт медиации, ее юридические последствия тождественны юридическим последствиям «примирения», «заглаживания вреда», «исправления осужденного» (понятия, имеющиеся в отечественном законодательстве).

Необходимо проведение систематических встреч сотрудников служб, проводящих медиацию, с судьями, а также другими структурами и специалистами, связанными с медиацией, для уточнения механизмов взаимодействия, информационно-правовой базы и обсуждения новых возможностей проведения медиации на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Особенности медиации по уголовным делам

Особенность медиации по уголовным делам состоит в том, что центральным ее пунктом является вопрос о заглаживании вреда, причиненного преступлением. Заглаживание вреда не ограничивается возмещением материального ущерба, а включает более широкий спектр восстановительных действий.

Медиация обеспечивает субъективное право сторон на примирение и возможна на всех этапах судопроизводства, независимо от тяжести преступления, а также на этапе исполнения наказания. В зависимости от категории преступления и момента проведения медиации, в результате которой достигнуто соглашение о примирении и заглаживании вреда, предусматриваются разные юридические последствия.

Отправной точкой для проведения медиации должно служить признание обвиняемым основных фактических обстоятельств дела, а не только признание вины в юридическом смысле. Участие в медиации не должно использоваться при дальнейшем разбирательстве в качестве доказательства признания вины.

Медиатор создает условия для обсуждения сторонами вопроса о заглаживании вреда, разработки механизмов и процедур заглаживания вреда, сроков и условий выполнения договоренностей по заглаживанию вреда. Медиатор должен отказаться от проведения встречи сторон в случае, если он сомневается в возможности обеспечения безопасности участников.

Медиация проводится беспристрастно. Это означает, что медиатор не принимает чью-либо позицию, но стремится помочь сторонам активно участвовать в процессе медиации, чтобы они извлекли из нее пользу для себя.

В нейтральности медиатора по уголовным делам есть особенности. Первая состоит в том, что, оставаясь беспристрастным к сторонам, медиатор не безразличен к факту правонарушения. Это означает, что стороны для него «не равны» в том смысле, что обязанности по заглаживанию вреда возлагаются на правонарушителя. С другой стороны, требования пострадавших к правонарушителю должны быть ограничены в случае их несоразмерности тяжести совершенного деяния.

Процедура медиации должна сопровождаться соблюдением правовых гарантий. Медиация носит исключительно добровольный характер как для потерпевшего, так и для обвиняемого.

Прежде чем дать согласие на медиацию, стороны должны быть проинформированы о своих правах, о сущности процесса медиации и о возможных юридических последствиях принятого решения. Медиация может повлечь юридические последствия для сторон, например, прекращение уголовного дела за примирением сторон. Эта возможность не должна приводить к тому, что медиатор дает гарантии по поводу того или иного исхода дела. Разрешение уголовно-правового конфликта является полномочием официальных органов, медиация в уголовном процессе обеспечивает участие сторон в решении проблем, возникших в связи с преступлением, и вопросов о заглаживании вреда, но окончательное решение по делу принимает суд (только в делах частного обвинения суд обязан прекратить дело в случае примирения сторон).

При подготовке к медиации важно выявить и пригласить к участию не только официально признанного потерпевшего, но и других лиц, фактически пострадавших в результате преступления.

В силу ограниченности сроков судебного разбирательства и в отсутствие специальной законодательной нормы о приостановлении производства по делу до окончания медиации передача случая из суда на медиацию должна осуществляться как можно раньше (до назначения дела к слушанию) в целях обеспечения наилучших условий для проведения всех необходимых этапов медиации до начала судебного разбирательства.

Если к моменту начала судебного разбирательства медиация не завершена, в суд передается информация о той стадии, на которой находится процесс.

В случае достижения соглашения между сторонами по результатам медиации заключается примирительный договор. В ходе судебного заседания стороны ходатайствуют о его приобщении к материалам дела.

В соответствии с принципом конфиденциальности медиатор может передавать в суд информацию только о результатах медиации. Суду должна быть предоставлена полная информация об организации, проводящей медиацию. Суд вправе исследовать мотивы, послужившие основанием для примирения сторон, для исключения давления на потерпевшего со стороны заинтересованных лиц.

Особенности медиации по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

Важно рассматривать медиацию с точки зрения лучшего обеспечения интересов ребенка (в соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка и Европейской конвенцией о правах детей).

Когда медиация встроена в правоприменительную практику в отношении несовершеннолетних, медиатор осуществляет свою деятельность во взаимодействии со специалистами социальных и психологических служб.

Желательно, чтобы медиатор изучил социально-психологические аспекты личности правонарушителя, его социальной ситуации и окружения, предоставленные в отчетах других служб.

Отчет о результатах медиации представляется в суд вместе с отчетом социального работника или педагога-психолога. Допускается, что это может быть единый документ.

Юридические последствия медиации в отношении несовершеннолетних правонарушителей дополняются (по сравнению со взрослыми) возможностью использования норм, касающихся применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Медиатор обязан учитывать юридические особенности, связанные с несовершеннолетием участников медиации. В частности, медиатор приглашает к участию или заручается согласием на проведение медиации законного представителя несовершеннолетнего, а также информирует его о сущности, задачах, юридических последствиях медиации.

При принятии решения о передаче дела на медиацию необходимо учитывать обстоятельства, ставящие стороны в особенное (неравное) положение. Это может происходить из-за явного несоответствия возраста, зрелости и интеллектуальных способностей сторон. В этом случае медиатору необходимо создать условия для полноценного участия в медиации данных лиц либо принять решение о введении ограничений.

В случае медиации криминальных конфликтов с участием несовершеннолетних для процесса медиации приобретает особую значимость вопрос о ресоциализации, воспитательном эффекте и о том, «что нужно сделать, чтобы подобного не повторилось».

Медиатор помимо наличия общей подготовки по медиации должен быть компетентен в юридических вопросах в отношении той категории случаев, с которой он работает.

Подготовка и повышение квалификации медиаторов, тренеров и кураторов

Медиатор не обязательно должен иметь специальное образование (педагога, психолога и т. п.), но обязательно должен пройти подготовку в качестве медиатора.

Основные этапы подготовки взрослых медиаторов должны включать в себя:

1. Теоретическое обучение медиации, включая специфику восстановительной медиации и знание настоящих стандартов;
2. Прохождение тренингового курса по освоению основных навыков медиации;
3. Самостоятельное проведение серии медиаций и последующую супервизию с более опытными медиаторами или в кругу других медиаторов, а также написание отчетов по проведенным медиациям.

Формы подготовки медиаторов службы медиации могут разрабатывать самостоятельно.

Медиатор должен знать специфику работы с обидчиками и пострадавшими в той области, в которой он работает.

Тренер по медиации должен быть практикующим медиатором.

Куратор службы должен пройти обучение в качестве медиатора.

Распространение восстановительной медиации в обществе

Необходимо стремиться к организации и развитию сообществ восстановительной медиации.

Продвижение восстановительной медиации способствует расширению возможностей использования восстановительного способа реагирования на конфликтные и криминальные ситуации и тем самым содействует укреплению позитивных социальных связей в обществе.

Для продвижения стандартов восстановительной медиации рекомендуется:

1. Распространять информацию о целях и задачах восстановительной медиации, положительных ее аспектах, процедурах и результатах среди всех заинтересованных лиц.
2. Развивать методическую и нормативно-правовую базу.
3. Организовать обучение ведущих и координаторов программ восстановительной медиации.

Необходимо стремиться к внедрению восстановительной медиации в деятельность различных ведомств, в различные сферы общественной жизни.

ОБ АВТОРАХ

- Балаева Анна Вячеславовна** – кандидат психологических наук, руководитель подразделения по работе с правонарушениями несовершеннолетних центра «Перекресток» МГППУ, старший научный сотрудник лаборатории ювенальных технологий МГППУ
- Великоцкая Анастасия Михайловна** – специалист подразделения по работе с правонарушениями несовершеннолетних центра «Перекресток» МГППУ
- Вшивцева Татьяна Геннадьевна** – руководитель и ведущий восстановительных программ МСП г.Чернушка Пермского края
- Женодарова Елена Дмитриевна** – специалист подразделения по работе с правонарушениями несовершеннолетних центра «Перекресток» МГППУ
- Земцов Леонид Иосифович** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории ЛПГУ
- Ефремова Надежда Николаевна** – ведущий научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук, профессор
- Карнозова Людмила Михайловна** – ведущий научный сотрудник ИГП РАН, член коллегии общественного центра «Судебно-правовая реформа»
- Коновалов Антон Юрьевич** – руководитель направления «Школьные службы примирения» общественного центра «Судебно-правовая реформа», научный сотрудник НИЛ ювенальных технологий МГППУ
- Максудов Рустем Рамзиевич** – президент общественного центра «Судебно-правовая реформа», председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации
- Невельсон Елена Юрьевна** – старший преподаватель кафедры социальной работы юридического факультета ПГУ
- Путинцева Наталья Владимировна** – сотрудник общественного центра «Судебно-правовая реформа», сотрудник ЦДиК «Коньково»
- Солнечная Светлана Вячеславовна** – адвокат
- Стукачева Татьяна Александровна** – директор СРЦ «Прометей»
- Хавкина Анна Лювовна** – директор ЦППМСП Индустриального района г. Пермь, председатель Ассоциации медиаторов Пермского края

Journal de la justice restauratrice

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Journal de la justice restauratrice

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Restorative Justice Herald

Journal de la justice restauratrice

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Journal de la justice restauratrice

Journal de la justice restauratrice

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Вестник восстановительного правосудия

Вестник восстановительного правосудия

Restorative Justice Herald

Journal de la justice restauratrice